

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

9
2025

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series

Academic Journal

Periodical publication.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.9.3. Literary theory (Philology)

5.9.4. Folkloristics (Philology)

5.9.7. Classical philology, Byzantine and modern Greek studies (Philology)

5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects
(Cultural Studies)

5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects
(History)

5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects
(Art Studies)

Goals of the journal. Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal. Implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047

e-mail: iurganov@yandex.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоznание. Культурология»

Научный журнал

Периодическое печатное издание.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоznание. Культурология» включен: в систему Российской индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.3. Теория литературы (филологические науки)

5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки)

5.10.2. Музееоведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология)

5.10.2. Музееоведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки)

5.10.2. Музееоведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (искусствоведение)

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкоznания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институциями.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Электронный адрес: iurgenov@yandex.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (History), professor RAS, Institute of Slavic Studies RAS/ Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.B. Agranat, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.Yu. Antsyferova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.N. Basovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

S.A. Burlak, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

I.I. Chelysheva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

D.J. Clayton, Ph.D., emeritus professor, University of Ottawa, Ottawa, Canada

O.V. Fedorova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

D.M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.Kh. Gilmanov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, RAS corr. memb., A.M. Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow, Russian Federation

N.Yu. Gvozdetskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, Dr. of Sci. (Philology), RAS corr. memb., Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

- E.Yu. Ivanova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
- G.I. Kabakova*, Dr. of Sci. (Philology), University of Paris-Sorbonne, Paris, France
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Kimmelman*, Ph.D., University of Bergen, Bergen, Norway
- A.V. Kostina*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- G.E. Kreidlin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.A. Krongauz*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.I. Kulikov*, Ph.D., Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium
- I.A. Kuptsova*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
- A.B. Letuchii*, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
- M.N. Lipovetskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Columbia University, New York, United States of America
- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.A. Maltsev*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- I.G. Matyushina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.P. Odesskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.E. Pekelis*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.I. Reinhold*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russian Federation
- E.L. Rudnitskaya*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation
- I. Rzepnikowska*, Doctor Habilitatus, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

- B.L. Shapiro*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Sharoff*, Ph.D., Candidate of Science (History), University of Leeds, Leeds, United Kingdom
- I.A. Sharonov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.V. Sidel'tsev*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- A.E. Skvortsov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation
- N.A. Shlioussar*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- A.N. Taganov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH)/ Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- Yu.I. Tsvetkov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.G. Vladimirova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- V.I. Zabotkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.V. Zagidullina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation
- A.V. Zimmerling*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

Executive editor

A.L. Yurganov, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт славяноведения РАН, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент, Институт языкоznания РАН, Москва, Российская Федерация

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.Ю. Анцыферова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

С.И. Барanova, доктор исторических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Н. Басовская, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

С.А. Бурлак, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Н.Г. Владимирова, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.Х. Гильманов, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.П. Гринцер, доктор филологических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, Институт языкоznания РАН, Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт языкоznания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жепниковска, доктор наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

В.И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- М.В. Загидуллина*, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация
- Е.Ю. Иванова*, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Г.И. Кабакова*, доктор филологических наук, Университет Сорbonna, Париж, Франция
- В.И. Киммельман*, Ph.D., Университет Бергена, Берген, Норвегия
- Д.Д. Клейтон*, Ph.D., Оттавский университет, Оттава, Канада
- А.В. Костина*, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, Московский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация
- Г.Е. Крейдлин*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.А. Кронгауз*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Бельгия
- И.А. Купцова*, доктор культурологии, доцент, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Б. Летучий*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, Университет Колумбия, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.А. Мальцев*, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация
- И.Г. Матюшина*, доктор филологических наук, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.П. Одесский*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Е. Пекелис*, доктор филологических наук, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлесская*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Полопинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Н.И. Рейнгольд*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация
- Е.Л. Рудницкая*, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация
- А.В. Сидельцев*, доктор филологических наук, Институт языкоznания РАН, Москва, Российская Федерация

- А.Э. Скворцов*, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Российская Федерация
- Н.А. Слюсарь*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- А.Н. Таганов*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российской Федерации
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Институт языкоznания РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюна*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации
- О.В. Федорова*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российской Федерации
- Д.М. Фельдман*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации
- А.Л. Холиков*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российской Федерации
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации
- Ю.Л. Цветков*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российской Федерации
- А.В. Циммерлинг*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Институт языкоznания РАН, Москва, Российской Федерации
- И.И. Чельшева*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкоznания РАН, Москва, Российской Федерации
- И.О. Шайтанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации
- Б.Л. Шапиро*, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации
- С.А. Шаров*, кандидат филологических наук, Ph.D., Университет Лидса, Лидс, Великобритания
- И.А. Шаронов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации

Ответственный за выпуск

А.Д. Юрганов, доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

CONTENTS

The interdisciplinary aspect of the category “What really was”.	
<i>Andrei L. Yurganov</i>	12
<i>Aleksandr N. Andreev</i>	
Domestic conflicts in the French Quarter of Saint Petersburg under Peter the First	19
<i>Oksana I. Kiyanskaya</i>	
Religious and political narratives of the Decembrists (historical and cultural aspect)	39
<i>Pavel E. Spivakovskii</i>	
The prophet and his power. On Mikhail Lermontov’s poem ‘The Poet’ (‘My dagger glitters with gold...’)	56
<i>Aleksandr O. Buranok</i>	
“Cheap books” for the people about the Russo-Japanese War	66
<i>Mikhail P. Odesskii</i>	
Between “proper combinator” and the “great combinator”. From the history of Soviet political terminology of the 1920s	83
<i>Andrei L. Yurganov</i>	
“Deviations” as the main motive for the party purge (People’s Commissariat of Finance of the USSR, December 1929)	95
<i>Andrei V. Keller</i>	
Brodsky’s painting “V.I. Lenin in Smolny”. A work of art as a historical source	118
<i>Monika L. Spivak</i>	
Andrey Bely’s last public appearance (1933). Tactics of self-description	138
<i>Galina V. Zykova, Yun Liu</i>	
Yuri Kazakov as a screenwriter: the story “Man’ka” and its screenplay adaptation	163
In Memoriam	
<hr/>	
Aleksei Evgenievich Pisarev (August 29, 1979 – March 1, 2025)	174
<i>Aleksei E. Pisarev</i>	
Soviet “progressors” in Africa. Socio-cultural characteristics of their work and status	175

СОДЕРЖАНИЕ

Междисциплинарный аспект категории «как было на самом деле».	
<i>Андрей Л. Юрганов</i>	12
<i>Александр Н. Андреев</i>	
Бытовые конфликты во Французской слободе Петербурга времен Петра I	19
<i>Оксана И. Киянская</i>	
Религиозно-политические нарративы декабристов (историко-культурологический аспект)	39
<i>Павел Е. Спиваковский</i>	
Пророк и его власть: о стихотворении М.Ю. Лермонтова «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал...»)	56
<i>Александр О. Буранок</i>	
«Дешевые книжки» для народа о Русско-японской войне	66
<i>Михаил П. Одесский</i>	
Между «чистыми комбинаторами» и «великим комбинатором»: из истории советской политической терминологии 1920-х гг.	83
<i>Андрей Л. Юрганов</i>	
«Колебания» как основной мотив партийной чистки (Наркомфин СССР, декабрь 1929 г.)	95
<i>Андрей В. Келлер</i>	
Картина И. Бродского «В.И. Ленин в Смольном»: произведение искусства как исторический источник	118
<i>Моника Л. Спивак</i>	
Последнее публичное выступление Андрея Белого (1933): тактика самоописания	138
<i>Галина В. Зыкова, Юнь Лю</i>	
Юрий Казаков как сценарист: рассказ «Манька» и одноименный авторский сценарий	163
In Memorium	
<hr/>	
<i>Алексей Евгеньевич Писарев (29.08.1979–01.03.2025)</i>	174
<i>Алексей Е. Писарев</i>	
Советские «прогрессоры» в Африке: социально-культурные особенности работы и статуса	175

Междисциплинарный аспект категории «как было на самом деле»

Стремление узнавать «как было на самом деле» можно отнести к категориальному восприятию прошлого. Эта установка современного сознания относится ко всему, что становится предметом внимания воспринимающего и потому допустимо рассмотреть теоретически процесс узнавания того, что и как было на самом деле в жизни людей, в их повседневности. Однако прежде следует определить отношение к реальности, ибо она всегда присутствует в своих собственных рамках осознаний чего бы ни было.

В статье Альфреда Шюца «О множественности реальностей», ставшей классической для феноменологии¹, подчеркивается, что «исток реальности субъективен»². Реальна любая субъективность и потому, писал А. Шюц, «бесконечно много различных порядков реальностей, каждый из которых предполагает свой особый и отдельный стиль существования». Первый раздел его статьи так и назван: «Реальность мира повседневной жизни».

Шюц раскрывает смысл «повседневной жизни» не через хаос мнений, а через «интерсубъективный мир», существующий до всякого личного мнения о нем, ибо любая интерпретация мира основана на актуализации предыдущих переживаний, мыслей, чувств. Они так или иначе группируются вокруг естественной установки, и в ней нет хаоса, напротив, естественная установка определяет собой взаимодействие индивидуального и *само собой разумеющегося* общего мнения.

В этом взаимодействии философа интересует прежде всего «спонтанная жизнь» человека, в которой обнаруживаются самые простые и не осознаваемые элементы: это «простые физиологические рефлексы например, коленный рефлекс, хватательный рефлекс у детей, моргание, покраснение; более того – определенные пассивные реакции, вызванные тем, что Лейбниц называет проскальзыванием неразличимых и смешанных малых восприятий; далее – моя походка, выражения моего лица, мое настроение, те проявления моей спонтанной жизни, из которых следуют некото-

© Юрганов А.Л., 2025

¹ Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. Т. 3. № 2. 2003. С. 3–34.

² Там же. С. 1.

рые характеристики моего почерка, доступные графологическому толкованию, и т. д. Все эти формы непроизвольной спонтанности переживаются в процессе своего появления, но не оставляют никакого следа в памяти; как опыт, они, если снова воспользоваться термином Лейбница, лучше всего подходящим в данном случае, воспринимаемы, но не апперцептивны³. Пассивные элементы соседствуют с «активностью», такой категорией спонтанной жизни, которую Шюц определял через любой субъективно осмысленный опыт спонтанности, «будь то опыт внутренней жизни или опыт, вторгающийся во внешний мир»⁴.

Если пассивная сторона спонтанности – это «простое действие» (*mere doing*), то активная сторона – это «простое думание» (*mere thinking*). Понятием «рабочая операция» Шюц определял всякое действие в спонтанности, которое основано на *проекте* своего отношения к внешнему миру. Он отмечал: «Все формы так называемой автоматической деятельности во внутренней или внешней жизни – привычные, традиционные, аффективные – попадают в этот класс, называемый Лейбницием “классом эмпирического поведения”»⁵. Согласно центральному пункту философии А. Бергсона, о котором упоминает Шюц, сознательная жизнь человека обнаруживает «бесконечное число планов». И каждый план характеризуется своим «напряжением сознания»: в активном действии – это наивысший интерес к жизни, в сновидении – самая низкая степень напряжения. Шюц ввел свой термин для обозначения наивысшего напряжения сознания, когда возникает полное внимание к жизни – это состояние «бодрствования». Отсюда: «пассивное внимание противоположно полному бодрствованию». Именно в «состоянии полного бодрствования работающего Я прослеживается тот сегмент мира, который pragmatically значим, и это значение определяет форму и содержание нашего потока мышления»⁶.

Он писал: «Мы синхронно переживаем рабочее действие как серию событий во внешнем и во внутреннем времени, соединяя оба измерения в единый поток, который следует назвать живым настоящим. Живое настоящее рождается, тем самым, на взаимопересечении *durée* и космического времени.

Проживая в живом настоящем текущие рабочие акты, направленные на объекты и объективности, которые нужно вызвать, ра-

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же.

ботающее Я ощущает себя инициатором текущих действий и, тем самым, – нераздельным тотальным Я»⁷.

Однако когда речь идет о рефлексии своего опыта, неизбежно возникает редукция этого «нераздельного тотального Я», которое *не может быть* представлено во всех своих проявлениях: «Исходя из нашей цели то соображение, что внутренний опыт наших телодвижений, сущностно актуальный опыт и открытые предвосхищения не поддаются схватыванию при помощи рефлексивной установки, вполне ясно показывает, что прошлое Я никогда не может быть более, чем *частичным аспектом тотального Я* (курсив мой. – А. Ю.), которое осознает себя в опыте своих текущих рабочих операций»⁸. Иными словами, мы не в состоянии выразить в рефлексии все многообразие реальностей, создаваемых нашим многоуровневым сознанием.

А. Шюц буквально анатомирует жизненный процесс, выявляя все возможные модусы реальности в сознании человека. Но остается совершенно не затронутым вопрос, который, наверное, и не должен волновать философа, но не может не беспокоить историка, – а как же изучать повседневность историческую, если ее существование не подлежит прямому наблюдению, а представлено опосредованно – исключительно историческими источниками? Между исследователем и чужой одушевленностью прошлого – граница времени, зафиксированная пространственной и смысловой границей документа. Это замечание нисколько не колеблет тех наблюдений, которые высказал А. Шюц в отношении «множества реальностей». Они по-прежнему актуальны как атрибуты жизненного мира – всякой осмысленной повседневности. Вопрос в другом – *что мы видим в тексте* – какая часть этих многообразных реальностей в нем представлена?

В новейшем исследовании фундаментальных основ мыслительной деятельности европейской и арабской культур, в книге А.В. Смирнова «Слово и смысл», обсуждается вопрос о разных логических механизмах производства смысла – этот вопрос не был специально рассмотрен А. Шюцем, хотя общие выводы этих исследований во многом совпадают.

А.В. Смирнов различает две логические процедуры: логику процессуальную (П) и логику субстанциональную (С). «Процесс в П-логике – это не изменение субстанции во времени и пространстве; это не становление, не переход из потенции в акт. Все эти и им подобные понимания процесса выстроены средствами

⁷ Там же. С. 8.

⁸ Там же. С. 9.

С-логики. Необходимо отвлечься от них, чтобы адекватно понять в П-логике. П-парадигма – это не субъект-объектная парадигма. Такая подстановка (объекта действия на место претерпевающего) – также стандартная ошибка С-мышления. Из всего сказанного вытекает, что процесс в П-логике – это не связь, и не отношение, и уже тем более не атрибут. Процесс в П-логике и есть *первичная действительность*. Вот почему процесс (протекание действия между действователем и претерпевающим) ни к чему не сводим, вот почему он неделим и не имеет меры. В П-логике процесс онтологически первичен⁹. Между двумя логическими процедурами существует обратимость. Смирнов находит свое словесное определение этой ситуации: «Если С- и П-логики – то же иначе друг для друга, и если наше сознание всегда может быть выстроено в С- и П-парадигмах, значит, оно всегда – то же иначе»¹⁰.

Казалось бы, анализ двух логических процедур, по-разному присущих европейской и арабской культурам, подводит нас к мысли о сущности текста в передачи смысла той первичной повседневности, которую Шюц представил во множестве реальностей. Однако в отличие от философа историк ищет не умопостижаемый смысл, а смысл исторического контекста – и такой, который обременен культурно-значимыми высказываниями актуальными *здесь-и-сейчас*.

Процесс в П-логике для историка культуры, если пользоваться терминологией Смирнова, – это неотрефлексированная область, обладающая изначальной неопределенностью. Эта неопределенность равнозначна «множеству реальностей» (по Шюцу), которые входят как переживания в осмысленную повседневность. Можно сказать, что «первичная действительность» является действительностью настолько эмпирической, что переход ее в *текстуальное русло* не может не быть редукцией культуры по созданию нового и более устойчивого смысла. Связь с эмпирическим миром прерывается навсегда.

Так своеобразно действует закон семантического *перевода* эмпирического содержания в неэмпирическое. Законом его делает природа любой культуры, которая удерживает себя в историческом контексте благодаря конвенциональным моделям – типичным объяснениям, имеющим свойство как создавать устойчивость смысла, так и видоизменять его.

Итак, эмпирическое состояние многих реальностей переживания человека не может сохраниться в прежнем виде и преобра-

⁹ Смирнов А.В. Слово и смысл. М.: ООО «Садра», 2024. С. 132.

¹⁰ Там же.

зуется главной функцией культурного текста – достраивать мир первичных переживаний в соответствии с само-с собой-разумеющимися доминантами конвенциональных моделей.

Переживаемую повседневность мы можем описывать в живом воплощении здесь-и-сейчас (при всех оговорках Шюца), но мы не можем почувствовать и уловить ту историческую повседневность, которая дана нам только в преобразованном виде и де facto уже не является ею. Вот – с моей точки зрения – где и кроется тяга исследователей к модернизации, которая нередко прикрывается словами «узнать “как было на самом деле”». Границей «как было» становятся природа самого сознания человека. Во многообразии сиюминутных ощущений себя в настоящем человек находит возможным представить по аналогии и чужую одушевленность прошлого. Между тем мы узнаем ее только через текстуальный мир типичных объяснений другой культуры – только через конвенциональные модели, которые необратимо стирают эмпирические ощущения во «множестве реальностей»...

В настоящем выпуске журнала представлены работы, хотя и разные по тематике, но объединенные тем, что исследователь обращается к тому, что было «на самом деле» с одной лишь оговоркой. Категория «на самом деле» всегда относится к области сознания, к границам сознания человека во времени. Любое необоснованное расширение контекста ведет к игнорированию фактичности, имеющей свое представительство только в модусе субъективности. То, что всякое субъективное есть объективное, сказано давно. Задача гуманитария – показать, как это «работает» в исследовательской практике.

В статье А.Н. Андреева рассматриваются бытовые конфликты среди иностранных художников и ремесленников, населявших слободу при Петре I. Бытовые конфликты в своей первичной неопределенности таят множество причин, но все мыслимое разнообразие мотивов для драк, ссор, «собирается» вокруг культурно осмысленной доминанты – понятий чести и достоинства. Автор отмечает присутствие в этих конфликтах иронии и самоиронии, которые демонстрируют культурные механизмы самоидентификации.

Статья О.И. Киянской посвящена религиозно-политическим нарративам декабристов, представленными важнейшими документами революционного движения – от устава Союза благоденствия до «Православного катехизиса» С.И. Муравьева-Апостола. Неудовлетворенность от деятельности русской церкви толкала европейски образованных людей к поискам «универсального христианства», которое должно помочь правительству. Но нарастание

радикализма внутри движения приводило к срашиванию политических целей и средств военной революции с удобной для такой стратегии религиозной мотивировкой. Одни и те же тексты Священного писания могли приобретать разные смыслы в практиках их осмыслиения под влиянием того или иного контекста. Многообразие трактовок «того же самого» – изначальное свойство любой интерпретации.

В статье П.Е. Спиваковского, посвященной стихотворению М.Ю. Лермонтова «Поэт», ставится под сомнение традиционная интерпретация этого произведения как «продекабристского». В ходе исследования культурного контекста на первый план выходит радикализм индивидуальный, в котором выражались глубокие интенции русского романтизма. Лермонтов бунтовал не с декабристами, он бунтовал лично как демонический пророк.

А.О. Буранок исследует «дешевые книжки» для народа о Русско-японской войне. Казалось бы, рассказы о войне не претендуют на политическую роль. Но исследователь показывает, что «дешевые книжки» представляли собой весь российский политический спектр начала XX в. Здесь находили себе место самые разные интерпретации – от крайне правых, черносотенных группировок, до крайне левых, марксистов. Под общим патриотическим флагом бушевали настоящие политические страсти.

В статье М.П. Одесского рассматривается история политической терминологии 1920-х гг. в связи с политической борьбой, которую вел Сталин против Л.Д. Троцкого и «левой оппозиции». Как выясняется, Троцкий использовал для своего объяснения партийной тактики Сталина термины «комбинация», «комбинаторство», «комбинатор», чтобы показать, что генсек борется не за классовые интересы партии, а за личную власть в аппарате партии. В связи с этим ставится вопрос о возможной коммуникации терминов, употребляемых как в партийной полемике, так и в романах И.А. Ильфа и Е.П. Петрова.

В статье А.Л. Юрганова исследуется партийная чистка в главном советском учреждении, проводившем политику нэпа – в наркомате финансов СССР. Выявляется главный критерий партийной чистки – это «колебания» коммуниста, которые рассматриваются максимально широко – от «правого уклона» до семейных дрязг. В этих координатах формируется Культ Ошибки, создающий то явление, которое мы привычно определяем как «сталинизм». На смену уставу партии приходит критерий, сущность которого заключается в обезличивании всего человеческого, в стремлении исключить любое «колебание» коммуниста как проявление личного начала.

А.В. Келлер изучает картину И.И. Бродского «В.И. Ленин в Смольном» как произведение искусства и исторический источник. Внимание исследователя обращено на эволюцию академического художника дореволюционного времени, который в новых условиях советского времени стал основоположником целого направления – искусства социалистического реализма.

Статья М.Л. Спивак посвящена последнему публичному выступлению Андрея Белого в Политехническом музее 11 февраля 1933 г. Исследуется поведенческая стратегия Белого, который прекрасно понимал, насколько он не вписывается в современность, и тем не менее он пытался представить себя как советского писателя. Своими объяснениями, что он не отказывается от свободы творчества и при этом готов выполнять задачи, поставленные коммунистической партией, Андрей Белый обнажал трагизм всей сталинской эпохи, в которой творчество рассматривалось уже деянием преступным, если оно не подчиняется органам политического контроля.

В статье Г.В. Зыковой и Юнь Лю изучается неизвестный сценарий Ю.П. Казакова «Манька» (1959) как первый опыт писателя в этом жанре. «Мосфильм» потребовал от Казакова внести изменения, но он отказался. Конфликт, в котором писатель попытался противостоять традиционным советским представлениям о любви, демонстрирует границы возможного в общественном сознании того времени.

В разделе “*In Memoriam*” публикуется последняя статья безвременно ушедшего от нас Алексея Евгеньевича Писарева (29.08.1979–01.03.2025), доцента кафедры истории России Средневековья и Нового времени.

В целом можно сказать, что гуманитарное познание стремится к междисциплинарному состоянию не потому, что это модно, а потому, что логика развития разных наук стремится к раскрытию того, «как было на самом деле» через многостороннее изучение исторического контекста – базового элемента научной реконструкции.

Андрей Л. Юрганов

УДК 94(470)+392.77

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-19-38

Бытовые конфликты во Французской слободе Петербурга времен Петра I

Александр Н. Андреев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, alxand@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуются бытовые конфликты во Французской слободе Петербурга – ссоры, драки, выяснения отношений с оскорблениеми, возникавшие среди иноземных художников и ремесленников, населявших слободу при Петре I. Теоретической основой исследования выступают классические инструменты социологии и культурной антропологии, а именно концепция социальных полей и теория «социального конструирования». На архивных источниках и различных опубликованных материалах автор решает вопросы о причинах столкновений, условиях их протекания, отличиях бытовых ссор у французов от аналогичных инцидентов, распространенных среди русских горожан. Выяснено, что в конфликтах французские мастера в первую очередь отстаивали свое личное достоинство, транслируя западноевропейские представления о чести. Их высокая самооценка порождала ссоры, которые обычно происходили в процессе совместного проведения досуга. При этом отмечено, что французские мастера не только бралились, но и прибегали к иронии, которая в качестве инструмента социальной конкуренции была почти неизвестна в России. Важнейшим фактором агрессивного поведения признаны противоречия между амбициями мастеров, их социальными ожиданиями, с одной стороны, и социальной реальностью Петербурга, как ее французы себе представляли, с другой.

Ключевые слова: бытовые конфликты, история повседневности, Французская слобода, Петербург, Россия при Петре I, европеизация России

Для цитирования: Андреев А.Н. Бытовые конфликты во Французской слободе Петербурга времен Петра I // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 9. С. 19–38. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-19-38

Domestic conflicts in the French Quarter of Saint Petersburg under Peter the First

Aleksandr N. Andreev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

alxand@yandex.ru

Abstract. The article deals with domestic conflicts in the French Quarter of Saint Petersburg under Peter the Great, namely: quarrels, brawls, showdowns with insults that arose among foreign artists and artisans who inhabited the settlement. The theoretical foundation of the research is such classical tools of sociology and cultural anthropology, as the concept of “Social fields” and the theory of “Social construction”. Based on archival sources and many published materials, the author solves questions about the causes of conflicts, the conditions of their occurrence, and the differences between domestic quarrels among the French and similar incidents common among Russian citizens. The author found out that in disputes, French masters primarily defended their personal dignity, translating Western European ideas of honor. Their high self-esteem inevitably led to conflicts, which usually occurred in the process of jointly spending leisure time. The article reveals that the French craftsmen not only sworn, but also used irony, which was almost unknown in Russia as an implement of social competition. It is clear that the most important factor in aggressive behavior was the contradictions between the ambitions of the masters, their social expectations, on the one hand, and the social reality of Petersburg, as the French imagined it, on the other.

Keywords: domestic conflicts, Daily life studies, French Quarter, Petersburg, Russia under Peter I, Europeanization of Russia

For citation: Andreev, A.N. (2025), “Domestic conflicts in the French Quarter of Saint Petersburg under Peter the First”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 19–38, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-19-38

Французская слобода, линии которой располагались на Васильевском острове «за дворцом Меншикова», была самым колоритным районом строящегося Петербурга, своеобразным технологическим парком, в котором Петр I намеренно сосредоточил ремесленные и учебные мастерские иноземцев. Слобода была создана в 1716–1717 гг. для работы и проживания мастеровых людей, нанятых во Франции с целью украшения царского «парадиза», а также для формирования нового («европеизированного») русского искусства [Андреев, Андреева 2017; Андреева 2020а]. Эти линии Васильев-

ского острова задумывались как внутренний источник импульсов европейской «современности», как место сосредоточения новых для России производств и художественных идей. Несмотря на то что далеко не все французские мастера и не всегда проживали собственно в слободе (они жили на Адмиралтейской стороне, в том числе в Екатерингофе, периодически трудились на стройках Петергофа и Стрельны), почти все они имели со слободой тесные связи – с ее жителями, мастерскими, католической часовней. Поэтому Французскую слободу справедливо рассматривать в разных ракурсах: и как «культурное гнездо», то есть микротерриторию, имеющую конкретную географическую локализацию, и как широкое этнокультурное образование (общину или землячество), связывавшее французов на берегах Невы в единое целое.

По условиям контрактов, иноземцы должны были учить россиян своим искусствам, что сразу же превратило Французскую слободу в зону интенсивного культурного обмена [Андреева 2020b, с. 6–7]. Навязанная французам роль наставников в ремеслах и художествах требовала их постоянного контакта с русскими учениками и подмастерьями, которые не только усваивали приемы мастерства, но и учились способам социального обхождения. Однако, исследуя процессы взаимодействия русских с иноземцами в XVIII в., историки до сих пор чрезвычайно мало знают о последних, особенно об их социальной психологии и повседневном обиходе. Как вели себя иноземные специалисты в быту, каким образом, находясь в России, они формировали представления о действительности, и что помимо своих профессиональных навыков они могли передать нашим соотечественникам? Эти вопросы, весьма важные для понимания феномена российской европеизации, еще ждут своего решения. Частичные ответы на них может дать изучение повседневности обитателей Французской слободы в Петербурге, особенно бытовых конфликтов, максимально ярко отражающих специфику социальных связей среди иноземцев, демонстрирующих их представления о нормальности поведения, выявляющих их социальные идентичности.

Петровский «парадиз» в первые десятилетия своего существования никому не казался раем. Отнюдь не ангелы строили его и украшали («насаждали», если использовать метафору райского сада). Французы, создававшие изысканную эстетику «парадиза», вели себя крайне неспокойно и агрессивно, их драки и дебоши становились притчей во языцах у петербургских чиновников. Тем не менее ученые, занимавшиеся историей быта петербуржцев и писавшие о Французской слободе, обходили вниманием скоры и разногласия среди ее обитателей [Семенова 1998, с. 21–22; Аниси-

мов 2010, с. 105–108, 324, 388; Андреева 2018а, с. 119–120]¹. Как следствие, в литературе можно встретить лишь краткие упоминания о «дрязгах во французской колонии» [Калязина 1984, с. 100] или почерпнуть разрозненные и подчас противоречивые сведения об отдельных инцидентах². Единственная монографическая работа на тему бытовой культуры мастеров-иноzemцев – книга А.П. Мюллера «Быт иностранных художников в России» [Мюллер 1927], к которой и сегодня продолжают обращаться исследователи, – вообще неверно рисует атмосферу Французской слободы. А.П. Мюллер представляет социальную среду французских мастеров нарочито бесконфликтной: «Скульптор Пино, его родственник Симон и ученик Пино – Перар работают в тесном единении друг с другом»; «скульптор Растрелли дружит с архитектором Леблоном» [Мюллер 1927, с. 41]. Хотя автор монографии и отметила, что некоторые иноземцы пьянствовали, вели распутный образ жизни и другими способами демонстрировали девиантное поведение [Мюллер 1927, с. 96–97], бытовые конфликты внутри колоний и творческих команд не становились предметом ее анализа.

Источники содержат сведения не менее чем о двух десятках бытовых столкновений среди жителей слободы и связанных с нею иноземцев в 1716–1724 гг. Подавляющее большинство конфликтов представляло собой публичные оскорблении мужчин и женщин словами, часто (хотя и не всегда) с угрозой применения насилия. Нередко дело доходило до рукоприкладства, а словесные прения перерастали в драки с оружием.

Во многих случаях причинами раздоров выступали профессиональное соперничество и социальная конкуренция, которые сопровождались столкновениями бытового характера. Так, одним из первых конфликтов стала вооруженная потасовка между архитектором Жаном-Батистом Александром Леблоном и людьми Бартоломео Растрелли, произошедшая 14 августа (старого стиля) 1716 г. «поутру между осми и десяти часов». В потасовке участвовали сам Леблон, некий Гранже, инженер-капитан и архитектор Александр Клапье де Колонг, русские солдаты-«караульщики» и неназванные по именам служители Растрелли. Поводом к конфликту стал само-

¹ См. также: Жерихина Е.И. Французский мир Санкт-Петербурга. СПб.: Росток, 2015. С. 22–31.

² [Андреева 2018б, с. 238]. См. также: Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / под ред. В.С. Ржеуцкого, Д.Ю. Гузевича. М.: Ломоносовъ, 2019. С. 500, 551, 577.

вольный уход от Растрелли к Леблону слуги по фамилии Гранже, которого итальянский мастер нанял с условием «не служить кому иному»³. Однако сразу же по прибытии Леблона в Петербург Гранже оставил дом Растрелли (бросил с себя лакейскую ливрею) и ушел служить к «генерал-архитектору» «за кучера». Уязвленный Растрелли повелел своим людям из охраны арестовать Гранже и препроводить к нему. Утром вторника 14 августа, подкараулив момент выезда Леблона из дома, караульщики Растрелли, «забежав наперед коляски», пытались остановить ее и схватить Гранже. Тогда Леблон и его спутник де Колонг «начали рубить шпагами» людей Растрелли, а Гранже «взял шест и взял бить караульщиков», о чем мы узнаем из письма-жалобы Растрелли к А.Д. Меншикову⁴. Помимо русских солдат, очевидно, в драке участвовали домашние слуги Растрелли, скорее всего тоже французы, поскольку кто-то должен был передать распоряжение скульптора этой публике на понятном ей языке. Растрелли был флорентинцем, однако долгое время работал в Париже и настолько сросся с французской социальной и художественной средой, что в русских документах его не раз именовали «французом»⁵. Он упоминает, что когда драка была в разгаре, будто бы случайно «пришедши с рынка», там оказался еще один его слуга, который схватился с де Колонгом и «не дал ему бить больше»⁶. Эти события произошли вскоре после того, как Растрелли и другим архитекторам было официально объявлено о необходимости их беспрекословного подчинения «нововъезжему мастеру Леблонду» (соответствующий указ состоялся 9 августа, уже на третий день пребывания Леблона в Петербурге⁷). Б. Растрелли почел этот указ личным оскорблением.

Сходный генезис имел конфликт между Леблоном и резчиком Никола Пино, произошедший летом 1717 г. Распра началась с того, что Леблон поставил на один уровень мастерство Пино и его подмастерья Никола Перара (Perard). Леблон попытался вывести Перара из подчинения мастеру при организации работ в Петергофе, что вызвало негодование Пино⁸. Но ссора Леблона и Пино быстро вышла за пределы профессиональной сферы, когда в ней приняли участие жены мастеров – Мари Маргерит Леблон (урожденная

³ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1: 1715 г. Д. 1. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 6 об.

⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 40Б. Л. 450, 452.

⁶ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1: 1715 г. Д. 1. Л. 6 об.

⁷ Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова: 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив. М., 2000. Т. 10. С. 59.

⁸ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 696. Л. 327.

Левек, Levesque) и Марианна Пино (урожденная Гийом-Симон, Guillaume-Simon), принявшиеся оскорблять друг друга⁹. Жена Леблона, согласно отзыву французского консула в Петербурге Анри де Лави, вообще славилась «дурным поведением» (имеется в виду склонность к скандалам) и сильно способствовала ссорам своего мужа с коллегами и окружающими людьми¹⁰.

Основная масса инцидентов происходила в свободное от работы время, в ходе совместного проведения досуга и, естественно, в присутствии многочисленных свидетелей. 14 июля 1717 г. на званом вечере в доме Леблона Перар оскорбил Пино и его жену. Пино жаловался Меншикову: «...оной Перард начал меня без всякой причины всякими непристойными словами поносить и бранить, и в то время при том были свидетели госпожа Леблондша и капитанская жена Колонгова, <жены> Каравакова, Мангелева и Мериелева, красильщика шелку, при которых мне помянутой Перард грозил, а именно в деле отправления моего заколоть меня ножом мастерским и убить до смерти, и в то время господин Леблонд несколько раз помянутому Перарду запрещал всячески к молчанию, но он того не учинил»¹¹. В качестве очевидцев Пино называет капитаншу де Колонг, супругу живописца Луи Каравака и жену шпалерного подмастерья Клода Мериеля (Mériel). В июле и августе 1717 г. не менее трех раз вспыхивал конфликт между Пино и литейным мастером Этьеном Соважем (Sauvage), который вполне оправдывал свою фамилию («Дикий»). 24 июля, «будучи ввечеру» на квартире у художника Каравака, Соваж «поносил всякими непристойными словами» Пино, а также ругал жену Пино «аки самую нечестную и бездельную жену»¹². Нападение на чету Пино Соваж повторил на следующий день, когда французы собрались на вечер к гобелено-вому мастеру Филиппу Бегаглю. 5 августа Соваж еще более разъярился: в присутствии Каравака, Бегагля, младшего Ломбара (сына ювелира Жана Ломбара) и чеканщика Жана Нуазет де Сен-Манжа он поносил Пино, «начал паки необычайно всякие злосмрадные слова испускать и бранить»¹³. Соваж и до того «непрестанно» нападал на Пино, по пьяному делу лез в драку, бесчестил и угрожал ему физической расправой, только мастер резного дела уклонялся

⁹ Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого... С. 389.

¹⁰ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 г. // Сб. РИО. Т. 34. СПб., 1881. С. 283.

¹¹ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1: 1716 г. Д. 3. Л. 96.

¹² Там же. Л. 96 об.

¹³ Там же.

от побоищ (по его собственному признанию, «всегда отходил и в ссору с ним вступать не хотел»). 26 июля 1717 г. оскорбительные высказывания в адрес Пино и его жены допустил также шпалерный мастер Людовик Вавок (Vavoque), который «в квартире у Тренитира (?), товарища Вавакова» вел себя вызывающе и угрожал расправой¹⁴.

Литейщик Соваж не раз становился участником скандалов и драк. 13 сентября 1717 г. (нового стиля) консул Лави сообщал в Париж о том, что Соваж «в пьяном виде явился в дом другого француза и напал на него со шпагой в руках»¹⁵. Литейщик был даже посажен в тюрьму, но как нужный специалист освобожден по ходатайству Лави и Леблона [Иностранные 2019, с. 571].

Буйным нравом отличался и слесарный мастер Гийом Белен (Belin), любитель выпить и поскандалить. В январе 1722 г. он подрался с садовником царя Григорием Рейбаном, пришедшим с женой к нему в гости. После того как садовник попросил взаймы денег, Белен стал его оскорблять. Встреча вышла шумной: француз пытался застрелить Рейбана, а тот кидал в окна кирпичи и выкрикивал угрозы [Андреева 2018b, с. 238]. 16 декабря 1722 г. в Стрельне Белен совершил убийство: «...будучи в стрелиной, в квартире своей, застрелил в лицо до смерти караульного из завоцких служителей рекрута Осипа Кузмина, которой дан был ему, Белину, для караула инструментов, чертежей и маделей»¹⁶. Приговоренный к каторжным работам, Белен, однако, был помилован и указом 14 января 1724 г. отослан в Канцелярию от строений¹⁷.

Нешуточный конфликт с членовредительством произошел в 1717 г. между переводчиком французских рабочих Тома Перно (Pernot) и штофным мастером Аврамом Девалем (De Wals). Деваль пришел в гости к своему приятелю – переплетчику Севастьену Морису Ложеру, жившему в первой линии Французской улицы, и встретил там Перно, с которым вступил в перебранку и стал драться. Свидетелем «при» стал сосед Ложера, «мастер печатных литер» Ошер. Потом Перно наведался на квартиру к Девалю, «бранил его многою бранью и называл шелмою (кокеном)», выкрутил руку его служанке. В итоге Деваль пробил Перно голову и сломал правую

¹⁴ Там же. Л. 96–96 об.

¹⁵ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции... С. 244.

¹⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 37Б. Л. 792 об.

¹⁷ См. объявленный генерал-полицеймейстером А. Девьером указ: Высочайшие именные указы по разным предметам // Сб. РИО. Т. 11. СПб., 1873. С. 528.

руку, хотя из противоречивых показаний участников драки не ясно, произошло это еще у Ложера или уже в доме Деваля, вынужденного, по его словам, «противиться» насильнику¹⁸.

Оскорблении личного достоинства с угрозами зафиксированы в ходе ссоры трактирщика Гибсона с постояльцем немецкой нации Отто, лекарем по профессии. Гугенот Гибсон содержал трактир на Петербургском острове, однако поддерживал отношения со слобожанами. В 1718 г. Отто и Гибсон, а также их жены, многократно бралились и унижали друг друга: то один жаловался, что его оппоненты «непрестанно меня и мою жену поносят и бещестят», то другой бранил недругов «матерно», обзывал француза «шельмом, гунстватом и вором» [Кошелева 2004, с. 362, 396]. Свидетелями распри стали мастер по изготовлению париков Пьер Приё (Приер) и русский живописец Петр Заварзин.

Конечно, далеко не все конфликты фиксировались в документах, особенно если дело не доходило до официальных разбирательств. Глухие упоминания о безобразиях французов позволяют предполагать гораздо большее число инцидентов. Так, в конце 1717 г. царь уволил из-за «дурного поведения»¹⁹ сразу 25 французских мастеровых, что, по примерным подсчетам, составляло около 20% всех жителей слободы, если исходить из общей численности колонии в 130 взрослых человек обоего пола [Андреев, Андреева 2017, с. 115]. Еще летом 1717 г. А.Д. Меншиков в письме к Леблону предлагал оставить до зимы разбор «партикулярных ныне происходящих ссор», чтобы не произошло остановки работ в Стрелиной мызе²⁰. Безусловно, эти «партикулярные ссоры» не ограничивались слободой: часть конфликтов протекала за пределами диаспоры и включала в себя русских участников. Как уже было отмечено, Леблон избил русских караульщиков. В 1721 г. шпалерный и «кроватный» мастер Антуан Жан-Клод Рошебо (Rochebot) не заплатил денег нанятой им же золотошвейке Матрене, бил ее тростью, «опростоволосил и за волосы таскал, и кнутом, что лошадей погоняют, и кнутовищем бил в светлице» [Кошелева 2004, с. 344]. Механик и фонтанный мастер Поль-Жозеф Суalem (Sualem) ссорился с русскими подрядчиками²¹. Палатный мастер

¹⁸ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1: 1716 г. Д. 6. Л. 18–20. См. также: Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого... С. 500.

¹⁹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции... С. 272–273.

²⁰ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1: 1716 г. Д. 3. Л. 79 об.

²¹ Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого... С. 577.

из Фландрии Франсуа де Вааль в сентябре 1725 г. на стройке Подзорного дворца в гневе погнался за неким каменщиком, который, убегая, упал со строительных лесов и «росшился»²².

Меньше всего источники рассказывают нам о внутрисемейных разногласиях, поскольку французы, что вполне естественно, старались «не выносить сора из избы». Но распри были: весной 1722 г. повесился француз-пирожник Ренекен (Rennequin) «вследствие несправедливой обиды, причиненной ему родственниками»²³. Резчик Бартелеми Симон, в дальнейшем – мастер «готического искусства и литейного дела», приходился шурином Никола Пино и помогал ему в мастерской, однако между ними возник конфликт из-за того, что Пино перестал платить помощнику жалованье. Причиной стала не жадность Пино, а невыплата причитающихся ему по контракту денег. Тем не менее Симон озлобился и отказался работать²⁴. В некоторой степени конфликт «Леблондши» и жены Пино можно считать внутрисемейным, так как ссорящиеся находились в духовном родстве: Мари Маргерит Леблон и Марианна Пино были кумами (жена архитектора приходилась крестной матерью одной из дочерей Пино²⁵).

В раннее Новое время бытовые конфликты с оскорблениеми и побоями, если они не приводили кувечьям и смерти, были явлением обычным, неизбежно возникающим вследствие включенности индивидов в социальные связи. Ссоры во Французской слободе Петербурга как две капли воды похожи на конфликты, распространенные среди парижских ремесленников – обычных людей, отнюдь не преступников [Назарьева 2018, с. 749–753, 756]. Сама ремесленная среда отличалась повышенной конфликтогенностью: «Наличие довольно высокого “ценза грамотности”, связанного с профессиональной деятельностью, порождало амбиции, не подкрепленные социальными возможностями» [Назарьева 2018, с. 753]. Однако на другом полюсе социальной жизни, противоположном работе в мастерских, всегда был церковный приход, где проповедь добродетелей служила смягчению нравов. Только с кюре слобожанам не повезло: францисканец Пьер Кайо (Cailleau), прибывший в 1717 г. вместе с французскими мастерами и рабочими для их окормления и нравственного воспитания, сам отличался крайне

²² Там же. С. 133.

²³ Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1722 по 1724 г. // Сб. РИО. Т. 49. СПб., 1885. С. 111.

²⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 32А. Л. 110, 113, 116.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 31. Л. 6 об.

дурным поведением. Отец Пьер запомнился как «человек легких нравов», не раз устраивавший потасовки и дебоши²⁶. Французский посланник Жак де Кампредон был вынужден писать о нем королю, заметив, что этот монах вызывал и продолжает вызывать скандалы своими каждодневными разгулами (*débauches*), вспышками гнева (*emportements*), сквернословием (*blasphèmes*) и дерзкими речами (*discours insolents*)²⁷. Кайо компрометировал французских католиков и, подавая им дурной пример, способствовал распущенности, укореняя конфликтную модель поведения²⁸. Однажды он вторгся в жилище литейщика и скульптора Франсуа Вассу (*Vassou*) для выяснения отношений, но ему путь преградила жена мастера Мария, которую священник обозвал «воровкой, потаскушкой и, наконец, так сильно избил, что ей пришлось слечь в постель»²⁹.

Некоторые инвективы французов, направленные против личности, схожи с традиционными русскими оскорблениеми. Мужчины в отношении чужих жен прибегали к клевете сексуального характера («нечестная жена» Пино, «потаскушка» Вассу). По сути, то же самое (именование женщин «блядями») повсеместно наблюдалось и среди русского населения Петербурга петровского времени [Кошелева 2004, с. 392], и в «Московии» до Петра [Коллманн 2001, с. 113], что объясняют общностью «русской культуры с теми аспектами европейского прошлого, которые и создали восприятие чести» [Коллманн 2001, с. 90]. 24 апреля (старого стиля) 1720 г. произошел очередной скандал: патер Кайо во французской капелле прилюдно запретил живописцу Караваку причащаться и объявил его брак с девицей Маргаритой Симон незаконным, потому что венчание совершил другой священник³⁰. При этом кюре обвинил девушку в нечестии, намекая на собственную связь с нею: он заявил, что знает все «тайные недостатки девицы Симон», «превосходно их изучив до ее законного замужества»³¹.

²⁶ Донесения французского полномочного министра при русском дворе Кампредона за 1725 г. // Сб. РИО. Т. 58. СПб., 1887. С. 36, 92.

²⁷ Записка французского посла де-Кампредона с просьбою о высылке из России француза, монаха францисканского ордена Калио // Толстой Д.А. Римский католицизм в России. СПб., 1876. Т. 1. С. 411.

²⁸ Донесения французского полномочного министра... С. 58.

²⁹ Валишевский К.Ф. Петр Великий: Дело. М., 1990. С. 112. (Репр. воспроизведение издания 1911 г.)

³⁰ Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1719 по 1722 г. // Сб. РИО. Т. 40. СПб., 1884. С. 91–92.

³¹ Валишевский К.Ф. Указ. соч. С. 112.

Похожими выглядят и оскорблении путем уподобления скоту, имеющие языческое происхождение и семантически сближающиеся с проклятием: в России обычно ругали «собакой», «сукой», «собачьим сыном», «скотом» [Кошелева 2004, с. 401]. Тот же патер Кайо, например, угрожал Караваку, что «его похоронят на живодерне, вместе с собаками и ослями»³². Оскорбительные действия с побоями женщин тоже очень похожи – подобные эксцессы были зафиксированы во второй половине XVII в. среди резчиков и столяров Оружейной палаты белорусского происхождения, ссорившихся в гостях друг у друга [Орленко 2018, с. 36].

Тем не менее характер унижения достоинства (посягательства на честь) и социальный смысл брани, проявляемые в ходе бытовых конфликтов во Французской слободе, отличались от аналогичных явлений в русской среде. О.Е. Кошелева, обстоятельно изучившая конфликты среди жителей соседнего острова – Петербургского, пришла к убеждению, что в России первой четверти XVIII в. понятие чести еще оставалось традиционным, то есть подразумевало не личное достоинство, а социальное положение оскорбленного [Кошелева 2004, с. 389, 406]. В Древней Руси представления о чести связывались с социальным статусом человека («саном» или «чином»), его местом в государстве, а личная честь заменялась честью родовой (семейной), когда уважение заслуживалось не личными поступками или качествами, а наследовалось от предков [Черная 1991, с. 57, 62–63]. В XVI–XVII вв. «огосударствление» человека фактически отождествило личное достоинство с «чином», который все еще давался за «породу», а не за заслуги [Черная 1991, с. 74–75]. И только в петровскую эпоху честь и достоинство постепенно начинали мыслиться как автономные свойства человека, не связанные с его положением и происхождением [Черная 1991, с. 84]. Французы Петербурга в столкновениях между собой отстаивали в первую очередь свое личное достоинство, а не статус или «чин». Не в службе русскому царю, а в своих талантах и субъектности, они видели основание для защиты чести. Не официальный статус «иноземцев» – весьма неясный, сопряженный с ограничениями в правах – становился источником их честолюбия, а конкретное содержание контрактов, которые определяли социальный престиж и социальную оценку их деятельности [Ермакова 2024, с. 809–811]. Упоминается лишь один случай оскорблении должностного лица у французов: в 1720 г. ткач из Лиона Пьер Жак Мейнар, назначенный директором шелковой мануфактуры в Петербурге, объявил, что не признает консула де Лави за представителя короля. Однако и в

³² Донесения французского консула в Петербурге Лави... С. 92.

этом случае бесчестье сопровождалось личным унижением, так как в присутствии сучильщика шелка Дегрэ (*Degraix*) Мейнар грязно обругал Лави и побил³³.

Обитатели Французской слободы (за исключением, пожалуй, Растрелли, обладавшего графским титулом) не могли похвастаться родовитостью или сановитостью, а потому корреляция чести с «породой» в феодально-иерархическом смысле для них, скорее всего, тоже не была главной. По мнению нынешних антропологов, в западном мире для защиты чести даже в Средние века не требовалась принадлежность к благородному сословию, а в Новое время тем более. Представители всех социальных слоев могли защищать не только свою репутацию (репутацию честного человека, семьянина, христианина – как, собственно, и на Руси), но и честь, которая, в отличие от репутации, была internalизированной системой ценностей, то есть выступала структурным компонентом психики [Copley 2019, p. 197]. Такая система ценностей мало была свойственна допетровской России, где личное достоинство в координатах православной культуры воспринималось как гордыня, которую нужно было побеждать смирением, где «кротость» представляла высшей добродетелью [Коллманн 2001, с. 72], и где «защита личного достоинства <...> не была официальным, общепринятым, престижным образом действий» [Кошелева 2004, с. 406]. С этим связаны отсутствие в судебных исках русских жителей Петербургского острова, поданных в защиту чести, инвектива морально-этического характера и, наоборот их распространность у иноземцев, которые своими ругательствами акцентировали внимание на непорядочном поведении и моральном облике оппонентов [Кошелева 2004, с. 402–403]. «Ругательная» лексика мастеров Французской слободы, к сожалению, почти не отражена в документах, так как истцы не детализировали нанесенные им словесные оскорблении. К тому же жалобы на бесчестье при переводе на русский язык теряли лингвистическую оригинальность. Но, думается, что обидные выражения французов по смыслу мало отличались от инвектива других иноземцев Петербурга.

Важнейшей предпосылкой столкновений между французами выступало их самолюбие. Без сомнений, мастера имели выраженное чувство собственного достоинства, а многие из них были откровенно гордыми и спесивыми людьми. Это заставляло их ревновать к творческому успеху, славе и талантам, а также к материальному положению друг друга. Ярким и самым известным примером такой

³³ Там же. С. 114. См. также: Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого... С. 356.

ревности являются отношения Леблона и Бартоломео Растрелли, одинаково высокомерных и самоуверенных людей. Архитектор Леблон происходил из торгово-ремесленной среды (его отец был живописцем и держал лавку эстампов), но претендовал на некое «благородство». Проецируя на других свои комплексы, он уязвлял мастера Пино его мнимой принадлежностью к низам буржуазии, говоря, что тот наполнен «духом французского мелкого люда и рабочих, которые легко забывают о своих обязанностях, когда могут от них освободиться»³⁴. Между тем Пино был сыном королевского скульптора, и, в свою очередь, не терпел Леблона как высокочку. Растрелли очень гордился своим графством и оскорблялся, когда его титул, данный от папского двора, не признавали (канцелярист в официальной бумаге отметил: «графство Сфорца, какое он, Растрелли имеет, в России никакой силы своей не имело»)³⁵. Над Растрелли откровенно смеялись, распуская слух, будто он в Париже купил себе титул и орденские знаки³⁶.

Властным и гордым был ювелир Бенедикт Граверо, завидовавший таланту своего ученика Жереми Позье, которого избивал и откровенно эксплуатировал, вынуждая вместо себя выполнять заказы по огранке камней³⁷. Когда Позье закончил обучение по контракту, Граверо препятствовал его самостоятельной карьере, предпочитая видеть в нем не мастера-конкурента, а подмастерье³⁸. Столляр Жан Мишель, когда чиновники Канцелярии от строений указали, будто у него имеется товарищ, едко заметил, что при нем состоит «помастерье, а не товарищ, по имени Рыкей»³⁹. В свою очередь, подмастерья, уязвленные «вторыми ролями» в профессии, часто выступали в роли агрессоров – так было в Париже [Назарьева 2018, с. 755], и так было в Петербурге, что можно видеть из ссоры Перара и Пино. С достоинством и даже апломбом вели себя со служащими Канцелярии Вассу и Белен, весьма ценившие свое мастерство⁴⁰. Каравак в ссоре с Кайо особенно подчеркивал, что является нотаблем французской нации⁴¹.

³⁴ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 696. Л. 327. См. также: Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. С. 389.

³⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 298. Л. 17 об.

³⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 308. Л. 1 об.

³⁷ Записки придворного брильянтищика Позье о пребывании его в России с 1729 по 1764 г. // Русская старина. 1870. Т. 1. № 1. С. 54–55.

³⁸ Там же. С. 57–58.

³⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 32А. Л. 177.

⁴⁰ Там же. Д. 40Б. Л. 466; Ф. 467. Оп. 1. Д. 23А. Л. 8.

⁴¹ Донесения французского консула в Петербурге Лави... С. 91.

Мастера слободы не прочь были и обнажить шпагу – главный инструмент защиты дворянской чести. При этом они не являлись дворянами – ни Соваж, ни Вавок, ни другие ремесленники, которые, по словам Пино, «рубятца шпагами»⁴². Поединки не были характерны для России, где для защиты чести предпочитали обращаться в суды [Коллманн 2001, с. 173].

Таким образом, французские ремесленники и художники претендовали на высокий социальный статус и считали себя мэтрами в своем искусстве. Их высокая самооценка, естественно, порождала конфликты. В соответствии с концепцией социальных полей Пьера Бурдье, социальные отношения постоянно оспариваются и переопределяются, и публичное оскорблечение зачастую становится средством поддержания, пересмотра или восстановления статуса. Бытовой конфликт выступает уникальным полем для соперничества, ареной, где ведется борьба за признание и уважение [Bourdieu, Wacquant 1992, pp. 17–20]. Австралийский историк Давид Гарриош, специализирующийся на истории Парижа в XVIII в., пришел к выводу, что для парижан оскорблении на публике были средством манипулирования общественным мнением, служили удовлетворению амбиций и возвышению в глазах общественности, поддерживая при этом доминирующую систему ценностей [Коллманн 2001, с. 144]. Неслучайно французы Петербурга в ходе соперничества друг с другом не только бралились, но и прибегали к иронии, которая в качестве инструмента социальной конкуренции была почти неизвестна в России. Пино сетовал на то, что излюбленным стилем общения Леблона является насмешка [Калязина 1984, с. 99]. Из окружения Леблона вышел стихотворный памфlet «Граф Посмешный», где высмеивался Растрелли – «пророк от строения в великой России», «трус и искатель милостей», «не радеющий о своей жене»⁴³. Чеканщик Сен-Манж подозревался в сочинении оскорбительных и клеветнических стихов на чету Каравак⁴⁴. На Руси же не прибегали к памфлетам, если кого-то хотели оскорбить [Коллманн 2001, с. 89]. Французы прививали россиянам вкус к тонкой насмешке, которой сами владели мастерски.

Бытовые конфликты среди французов были неизбежными, поскольку разногласия всегда возникают у людей одного круга и положения, особенно у соседей и знакомых, живущих бок о бок и работающих вместе [Коллманн 2001, с. 160, 170–172]. Мастера

⁴² РГАДА. Ф. 150. Оп. 1: 1716 г. Д. 3. Л. 96 об.

⁴³ Там же. Л. 24.

⁴⁴ Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого... С. 551.

компактно жили и трудились в слободе, а скученность ремесленников, как было замечено на материалах Парижа, «не только способствовала укреплению солидарности <...>, но и порождала конфликты» [Назарьева 2018, с. 753]. Однако помимо базовых детерминант социального поведения, агрессии во французской колонии способствовали специфические местные факторы. И это не только уже известные бюрократизация и регламентация творчества [Калязина 1984, с. 99], а также «непривычные условия жизни в неустроенном пустынном городе, перегруженность работой» [Мюллер 1927, с. 35] (работой, надо заметить, часто не по профилю). Это – противоречия между амбициями французов, их социальными ожиданиями, с одной стороны, и социальной реальностью Петербурга, как ее французы себе представляли, – с другой.

Исходя из теории «социального конструирования» П.Л. Бергерра и Т. Лукмана, человек так связан с окружающей действительностью, что одновременно и существует в ней, и творит ее. Определяя для себя сущность явлений и свое место среди них, люди конструируют социальный мир, которому «требуется легитимация, то есть способы его “объяснения” и “оправдания”» [Ипполитов, Репинецкий 2012, с. 155]. Французы мыслили себя в качестве больших художников, которым выпало на долю просветить Россию, они рассчитывали на почет и большие заработки, к тому же обладали европейскими понятиями о чести и личном достоинстве. Особенно Леблон был увлечен размахом предстоящих работ и неограниченными возможностями творчества, рассчитывал на ключевую роль в жизни столицы и огромный по тем временам пятитысячный годовой оклад [Калязина 1984, с. 96]. Естественно предположить, что Леблон транслировал подобные настроения в своей команде, и его подчиненные тоже надеялись на выгодные заказы и почет. Однако на деле почти все оказалось другим.

Французские специалисты сразу же столкнулись с задержками в выплате жалованья. Получение положенных по контракту денег было обставлено так, как будто мастера просили милостыню у царя. Не раз выплаты им урезали «за умалением денежных казны», а также делали вычеты, о которых не было ни слова в контрактах (например, «на содержание госпиталя по две деньги с рубля»⁴⁵). Вместе с работой французы получили официальный статус «нижайших рабов» русского царя и, сталкиваясь с сословными предрассудками, оказались в приниженнем положении. Хвастливый, гордый и самолюбивый Каравак (недаром Я. Штелин писал, что этот живописец – «гасконец, как по рождению, так по привычкам

⁴⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 32А. Л. 113 об.; Д. 34Б. Л. 601 об.

и манерам»⁴⁶ – подавал челобитные с просьбой «додать» ему положенные деньги с характерной формулой: «работаю я, нижайший, у письма персон вашего императорского величества...»⁴⁷. То же самое делали и остальные: Сен-Манж («...Я, нижайший, определен к работам...»; «...дабы повелено было мне, нижайшему рабу, такие заслуженные мои деньги выдать»⁴⁸); скульптор и строитель Антуан Кёрдасье («Принят я, нижайший, в службу...»⁴⁹); дерзкий Соваж («...работаю я, нижайший, в Петергофе»⁵⁰); Суалем («Вашего императорского величества нижайший раб»⁵¹). И если для русских термин «раб», ассоциировавшийся с формулой «раб Божий», был лишен уничижительного значения, то иноземцы подчас понимали его буквально и не желали относить к себе [Ермакова 2024, с. 812].

Частные заказы, поступавшие со стороны русских вельмож, тоже не всегда и не в полной мере оплачивались. Скульптор Симон, вернувшись в Париж, обвинял Ф.М. Апраксина, чей дом он украшал резными композициями, в нежелании платить. В письмах в Россию с требованием возместить убытки Симон недвусмысленно выражал неприязнь к русской знати и вообще к обычаям не платить, а унижать человека побоями⁵². Б. Растрелли просил государство рассчитаться с ним за работы, произведенные в доме П.П. Шафирова, так как «тех денег оной Шафиров ему не заплатил»⁵³. При этом мастерам приходилось заискивать перед вельможами. В чем-то их жизнь напоминала историю с художником по тканям Бурновилем, который работал в Москве на шелковой мануфактуре в 1718–1719 гг. и творил много «непотребств» из-за того, что к нему, выдающемуся мастеру, «снисходительно относились как к ремесленнику»⁵⁴.

Между тем логика обыденного существования, формировавшая у французов чувство социального дискомфорта, не была единственной возможной и «правильной». «Приниженнное» положение мастеров исследователь вправе рассматривать лишь как один

⁴⁶ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. М., 1990. Т. 1. С. 45.

⁴⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 32А. Л. 133.

⁴⁸ Там же. Л. 137 об.

⁴⁹ Там же. Л. 161.

⁵⁰ Там же. Д. 34Б. Л. 599.

⁵¹ Там же. Д. 32Б. Л. 604 об.

⁵² Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого... С. 566.

⁵³ Там же. Д. 48Б. Л. 407.

⁵⁴ Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого... С. 127.

из модусов проявления повседневности [Юрганов 2023, с. 14], как результат интерпретации социальной реальности самими французами. На самом деле в России их ценили очень высоко, но «по-своему». Оклады всех упомянутых мастеров (то, что они получали, несмотря на задержки и урезания) кратно превышали заработные платы русских коллег. Им давалась почетная роль руководителей в «художествах и рукомеслах», а также учителей русских подмастерьев. Французы соприкасались с верхушкой петербургского общества, обедали за столом с вельможами и аристократами. В России при Петре I сильно увеличилась дистанция между престолом и подданными, но, вопреки этой тенденции, французские ремесленники намеренно были поставлены рядом с троном. Речь идет не только о том, что они строили и украшали царские дворцы, но и о том, что царь не раз приезжал к ним «во Французскую линию», интересовался их жизнью и работами⁵⁵. Однако дебошам и дракам была необходима легитимация: неудовлетворенность положением оправдывала агрессию, требовала реабилитировать себя в собственных глазах и мнении общества.

В целом, исследование бытовых конфликтов Французской слободы разрушает миф о том, что западноевропейцы в сравнении с русскими обладали «более мягким нравом и изысканными формами общения» [Мюллер 1927, с. 33]. Повседневными ссорами, драками и оскорблениями иноземцы компенсировали уязвленное самолюбие, особенно страдавшее в специфических российских условиях, и одновременно защищали свое личное достоинство. Последнее представляется весьма важным, поскольку французы, не будучи изолированными от русских жителей, расширяли у них пространство личной чувствительности, способствовали «европеизации» их представлений о чести и бесчестье. Роль иноземцев в этом процессе требует обстоятельного изучения, но нет сомнений в том, что жизнь Французской слободы была одним из первых опытов трансфера западных представлений о человеческом достоинстве в России.

Литература

Андреев, Андреева 2017 – *Андреев А.Н., Андреева Ю.С.* Французская слобода Васильевского острова в Санкт-Петербурге в XVIII в. // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 111–126.

⁵⁵ О присутствии мастеровых «при столе» вельмож, посещении Петром I и Меншиковым слободы см.: Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. С. 97–187.

- Андреева 2018а – *Андреева Е.А.* Второе европейское путешествие Петра I и приезд французских мастеров в Петербург // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6. № 1. С. 114–129.
- Андреева 2018б – *Андреева Е.А.* Французский «десант» Ж.-Б.А. Леблона // Россия и Франция: Культурный диалог в панораме веков / сост. Д.Ю. Гузевич, А.В. Кобак, М.В. Петрова. СПб.: Европейский дом, 2018. С. 231–239.
- Андреева 2020а – *Андреева Ю.С.* Искусство мастеров Французской слободы Санкт-Петербурга в разнообразии его видов: к вопросу о параметрах творческой деятельности французской художественно-ремесленной колонии при Петре I // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. Т. 20. № 2. С. 6–16.
- Андреева 2020б – *Андреева Ю.С.* Педагогический труд художников и декораторов Французской слободы Санкт-Петербурга при Петре I // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. Т. 20. № 3. С. 6–17.
- Анисимов 2010 – *Анисимов Е.В.* Петербург времен Петра Великого. М.: Центрполиграф, 2010. 430 с.
- Ермакова 2024 – *Ермакова О.К.* Маркеры правового статуса иностранцев в России первой четверти XVIII века // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12. № 3. С. 807–817.
- Ипполитов, Репинецкий 2012 – *Ипполитов Г.М., Репинецкий А.И.* История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3. С. 154–161.
- Калязина 1984 – *Калязина Н.В.* Архитектор Леблон в России (1716–1719) // От Средневековья к Новому времени: Материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половины XIX в. / под ред. Т.В. Алексеевой. М.: Наука, 1984. С. 94–123.
- Коллманн 2001 – *Коллманн Н.Ш.* Соединенные честью: Государство и общество в России раннего Нового времени. М.: Древлехранилище, 2001. 461 с.
- Кошелева 2004 – *Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М.: ОГИ, 2004. 486, [2] с.
- Мюллер 1927 – *Мюллер А.П.* Быт иностранных художников в России. Л.: Academia, 1927. 157, [4] с.
- Назарьева 2018 – *Назарьева Н.С.* Участники бытовых конфликтов в Латинском квартале Парижа по материалам нотариальных актов: жертвы и агрессоры // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2018. Т. 160. Кн. 3. С. 749–760.
- Орленко 2018 – *Орленко С.П.* К истории повседневной жизни Бронной слободы второй половины XVII в., или о том, как Дракула со своей женой подрался // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 33–38.
- Семенова 1998 – *Семенова Л.Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). М.; СПб.: Весь мир; БЛИЦ, 1998. 227, [29] с.

- Черная 1991 – Черная Л.А. «Честь»: Представления о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII вв. // Древнерусская литература: Изображение общества. М.: Наука, 1991. С. 56–84.
- Юрганов 2023 – Юрганов А.Л. Логика допущения в модусах повседневности // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2023. № 9. С. 12–16.
- Bourdieu, Wacquant 1992 – Bourdieu P., Wacquant L. An invitation to reflexive sociology. Chicago: The University Chicago Press, 1992. XIV, 332 p.
- Copley 2019 – Copley D.E. Insult and society in the 12th century: Ph.D. Thesis. Chester: University of Chester, 2019. 278 p.

References

- Andreev, A.N. and Andreeva, Yu.S. (2017), “French Quarter of Vasilyevsky island in Saint Petersburg in the 18th century”, *Voprosy istorii*, no. 7, pp. 111–126.
- Andreeva, E.A. (2018), “Peter I's second European journey and the arrival of French masters to St. Petersburg”, *Quaestio Rossica*, vol. 6, no. 1, pp. 114–129.
- Andreeva, E.A. (2018), “French ‘landing party’ of J.-B.A. Leblond”, in Guzevich, D.Yu., Kobak, A.V. and Petrova, M.V., comp., *Rossiya i Frantsiya: Kul'turnyi dialog v panorama vekov* [Russia and France. Cultural dialogue in the panorama of centuries], Evropeiskii dom, Saint Petersburg, Russia, pp. 231–239.
- Andreeva, Yu.S. (2020), “Forms diversity of the French Quarter masters' art in Petersburg. On the question about parameters of the creative activity of the French art colony under Peter the First”, *Bulletin of the South Ural State University. “Social Sciences and the Humanities” Series*, vol. 20, no. 2, pp. 6–16.
- Andreeva, Yu.S. (2020), “Training work of the Saint Petersburg French Quarter's artists under Peter I”, *Bulletin of the South Ural State University. “Social Sciences and the Humanities” Series*, vol. 20, no. 3, pp. 6–17.
- Anisimov, E.V. (2010), *Peterburg vremen Petra Velikogo* [Peter the Great's Petersburg], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.
- Bourdieu, P. and Wacquant, L. (1992), *An invitation to reflexive sociology*, The University Chicago Press, Chicago, USA.
- Chernaya, L.A. (1991), “Chest’. Ideas about honor and dishonor in Russian literature of the 11th – 17th centuries”, in *Drevnerusskaya literatura: Izobrazhenie obshchestva* [Ancient Russian literature. The image of society], Nauka, Moscow, Russia, pp. 56–84.
- Copley, D.E. (2019), *Insult and society in the 12th century*, Ph.D. Thesis, University of Chester, Chester, UK.
- Ermakova, O.K. (2024), “Markers of the legal status of foreigners in Russia in the first quarter of the 18th century”, *Quaestio Rossica*, vol. 12, no. 3, pp. 807–817.
- Ippolitov, G.M. and Repinetetskii, A.I. (2012), “Daily life studies as a branch of history. Some aspects of its genesis and evolution”, *Izvestiya of the Samara Science centre of the Russian Academy of Sciences*, vol. 14, no. 3, pp. 154–161.

- Kalyazina, N.V. (1984), “Architect Le Blond in Russia (1716–1719)”, in Alekseeva, T.V., ed., *Ot Srednevekov'ya k Novomu vremen'i: Materialy i issledovaniya po russkomu uskusu XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [From the Middle Ages to Modern Times. Materials and research on Russian art of 18th and the first half of the 19th century], Nauka, Moscow, USSR, pp. 94–123.
- Kollmann, N.S. (2001), *Soedinennye chest'yu. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego Novogo vremeni* [By honor bound. State and society in Early Modern Russia], Drevlekhranilishche, Moscow, Russia.
- Kosheleva, O.E. (2004), *Lyudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni* [People of Saint Petersburg island of Petrine Era], OGI, Moscow, Russia.
- Myuller, A.P. (1927), *Byt inostrannykh khudozhnikov v Rossii* [Everyday life of foreign artists in Russia], Academia, Leningrad, USSR.
- Nazarieva, N.S. (2018), “Parties involved in domestic conflicts in the Latin Quarter of Paris according to Notarial acts. Victims and aggressors”, *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya “Gumanitarnye nauki”*, vol. 160, book 3, pp. 749–760.
- Orlenko, S.P. (2018), “On the history of daily life of Bronnaya Sloboda in the second half of the 17th century, or how Dracula had a fight with his wife”, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 3, pp. 33–38.
- Semenova, L.N. (1998), *Byt i naselenie Sankt-Peterburga (XVIII vek)* [Life and population of Saint Petersburg (18th century)], Ves' mir, BLITs, Moscow, Russia.
- Yurganov, A.L. (2023), “The logic of presumption in the modus operandi of everyday life”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 12–16.

Информация об авторе

Александр Н. Андреев, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; alxand@yandex.ru

Information about the author

Aleksandr N. Andreev, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; alxand@yandex.ru

УДК 94(470)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-39-55

Религиозно-политические нарративы декабристов (историко-культурологический аспект)

Оксана И. Киянская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;*

*Институт научной информации по общественным наукам
РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия, kianoks@inbox.ru*

Аннотация. В статье речь идет об историко-культурологическом аспекте формирования религиозно-политических нарративов декабристов: от устава Союза благоденствия до «Православного катехизиса» С.И. Муравьева-Апостола. Характеризуется политико-религиозная ситуация в России 1810 – начала 1820-х гг., время деятельности Библейского общества и Министерства духовных дел и народного просвещения. Отмечается, что поиски «универсального христианства», характерные для этой эпохи, нашли свое воплощение в уставе Союза, ставившего целью помочь «правительству».

При характеристике поздних программных документов декабристов отмечается, что они составлялись в ту эпоху, когда идея такого рода помощи ушла в прошлое и декабристы стали готовить военную революцию. Соответственно, отсылки к религии в их поздних документах играют прежде всего служебную роль, являясь лишь удобной оболочкой для выражения политических идей.

Ключевые слова: А.И. Голицын, Библейское общество, декабристы, Н.М. Муравьев, П.И. Пестель, С.И. Муравьев-Апостол

Для цитирования: Киянская О.И. Религиозно-политические нарративы декабристов (историко-культурологический аспект) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоznание. Культурология». 2025. № 9. С. 39–55. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-39-55

Religious and political narratives of the Decembrists (historical and cultural aspect)

Oksana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia, kianoks@inbox.ru*

Abstract. This article is about the historical and cultural aspect of the formation of the Decembrists' religious and political narratives: from the Charter of the Welfare Union to the "Orthodox Catechism" by S.I. Murav'ov-Apostol. It describes the political-religious situation in Russia in the 1810s – early 1820s, the time of the Bible Society and the Ministry of Spiritual Affairs and Public Education. It is noted that the search for "universal Christianity", characteristic of that era, was embodied in the Charter of the Union, which aimed to assist the "government".

Characterising the Decembrists' later programme documents, the author notes that they were drafted at a time when the idea of that kind of assistance became a thing of the past and the Decembrists began to prepare a military revolution. Accordingly, references to religion in their late documents they primarily serve a functional role being used only as a convenient shell for expressing political ideas.

Keywords: A.I. Golitsyn, Bible Society, Decembrists, N.M. Murav'ov, P.I. Pestel, S.I. Murav'ov-Apostol

For citation: Kiyanskaya, O.I. (2025), "Religious and political narratives of the Decembrists (historical and cultural aspect)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 39–55, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-39-55

Религиозные взгляды декабристов и их современников неоднократно изучались исследователями (см., например [Пыпин 2000; Карапуза 2008; Вишленкова 2002; Кондаков 2005]¹). Давно отмечено, что эпоха 1810–1820-х гг. – уникальное с точки зрения истории русской церкви время: православие соседствовало с религиозным ми-

¹ См. также: Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. СПб.: Академический проект, 2000. 477 с.; Мережковский Д.С. Революция и религия // Русская мысль. 1907. № 2. С. 64–85; Щеголев П.Е. Катехизис Сергея Муравьева-Апостола (Из истории агитационной литературы декабристов) // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 50–80; Вернадский Г.В. Два лика декабристов // Свободная мысль. 1993. № 5. С. 81–92.

стицизмом, сторонником которого был сам император Александр I. В конце 1812 г. в России было организовано Библейское общество – как отделение одноименной английской организации, вскоре ставшее независимым. Членом Библейского общества был Александр I, возглавляя же эту организацию друг императора, министр духовных дел и народного просвещения князь Александр Голицын.

Голицын, осторожный политик, был, как и император, мистиком, сторонником «универсального христианства», стирающего конфессиональные различия; пропагандируемая им «внутренняя церковь» допускала единение с Иисусом Христом, минуя церковь официальную [Флоровский 2006, с. 133]. Религиозные воззрения князя распространяли подчиненные ему преподаватели учебных заведений и сочувствовавшие или желающие польстить министру издатели и авторы российских журналов.

Рука об руку с религиозными инициативами Голицына шли инициативы образовательные, филантропические и литературные. В систему его министерства входили многочисленные общественные организации: Общество для заведения училищ по методе взаимного обучения, Императорское человеколюбивое общество, Вольное общество любителей российской словесности и др.

Естественно, что и члены образованного в 1818 г. Союза благодеяния были погружены в общественно-религиозные искания эпохи.

Устав Союза декларировал: целью было «споспешствовать» российскому правительству «на степень величия и благодеяния, к коей она самим творцом предназначена»². Вопрос в данном случае состоит в том, кого именно члены тайного общества понимали под «правительством»: в окружение императора входили люди, по-разному понимавшие идею «величия и благодеяния» России.

И устав тайного общества, и практическая деятельность его членов свидетельствует, что под «правительством» в данном случае понимался именно Голицын и близкие к нему чиновники. Деятельность членов Союза благодеяния должна была охватывать «четыре главные отрасли»: «человеколюбие», «образование», «правосудие» и «общественное хозяйство». Две из них – «человеколюбие» и «образование» – дублировали деятельность возглавлявшихся князем Голицыным государственных и общественных организаций.

Религиозным вопросам в уставе Союза удалено значительное место.

² Устав Союза благодеяния // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1951. Т. 1. С. 241–242.

В Союз принимались совершеннолетние российские граждане, разделяющие его цели и исповедующие «христианскую веру». Те, кто изберет для себя деятельность на ниве «человеколюбия», должны быть уверены в том, что «сия добродетель» есть «отличное качество истинного христианина».

Тем же членам Союза, которые избрали для себя образовательную отрасль, вменялось в обязанность, в частности, «распространять правила», что

человек не иначе, как с помощью веры, может преодолеть свои страсти, противостоять неприязненным обстоятельствам и шествовать по пути добродетели,

а также

обнаруживать всю подлость лицемерия и несогласие оного с истинной верой.

Вполне в духе «внутренней церкви» Голицына устав утверждал, что

вера наша состоит не в наружных только признаках, но в самых делах наших.

Союз благоденствия приветствовал принятие в свои ряды священнослужителей. Вступившие в организацию «духовные особы» должны были

просвещать прихожан своих насчет их обязанностей, не исключая из сего никакого сословия³.

Примечательно, что в уставном документе Союза благоденствия речь идет о «вере», «христианстве» и «духовных особах» – однако не упоминается о православии. Тем самым подчеркивалась конфессиональная толерантность, за которую ратовал Голицын.

Устав Союза благоденствия – по крайней мере, в части, доступной исследователям – был проникнут духом филантропии и вольнолюбия, но радикализмом не отличался. Не отличалась радикализмом и деятельность подавляющего большинства его членов: их работа шла в области литературы, просвещения, благотворительности и т. п. Они действительно учили грамоте солдат, помогали бедным, пытались искоренять неправду в судах.

³ Там же. С. 246, 261, 265–266, 243.

В Союзе существовала и радикальная мысль, впоследствии воплотившаяся в идею военной революции. Выдвинутая Голицыным идея религиозного равноправия приводила к размышлениям о равноправии политическом, рождался «союз Христа с Вольностью» (выражение Д.С. Мережковского).

В уставе этот революционный элемент только намечался: действующие на ниве «правосудия» должны были «истреблять» «продажу крепостных людей в рекруты», «отклонять» от продажи крепостных поодиночке и стараться

вразумить, что люди не суть товар и что только простительно одним народам, непросвещенным светом христианства, почитать подобных себе собственностию⁴.

Отдельными членами Союза благоденствия уже создавались намного более определенные в политическом смысле документы. Яркий пример тому – «Любопытный разговор» Никиты Муравьева.

Муравьев, впоследствии лидер декабристского Северного общества и автор конституционного проекта, по словам его биографа, Н.М. Дружинина, с детства

проникся религиозными эмоциями и до конца своих дней оставался верен христианской традиции. Культ «добродетели» сохранял свою силу над Н. Муравьевым в продолжение всей его жизни; изучение и комментирование Евангелия, знакомство с историей церкви и чтение религиозных трактатов сопутствовали его политической деятельности [Дружинин 1985, с. 54, 85].

Никита Муравьев, как известно, воевал, а после войны был одним из лидеров вернувшейся в Россию молодежи. Он был в числе основателей Союза спасения, первой декабристской тайной организации, и входил в Коренной совет, управлявший Союзом благоденствия.

«Любопытный разговор», написанный им в 1820 г., не был окончен, и цель его написания точно не известна. По форме это был «cateхизис», то есть сочинение в форме вопросов и ответов; такая форма была заимствована из сочинений испанских монахов, призывающих сограждан в годы войны восстать против захватнической политики императора Наполеона.

В тексте «Любопытного разговора» был, в частности, следующий пассаж:

⁴ Там же. С. 273.

В<опрос>. Не сам ли Бог учредил самодержавие?

О<твет>. Бог во благости своей никогда не учреждал зла.

В<опрос>. От чего же говорят: *Нест бо власть аще не от Бога?*

О<твет>. Злая власть не может быть от Бога. *Всякое древо доброе добры плоды творит...* всякое же дерево, не приносящее плодов добрых, будет посечено и ввергнуто в огнь. Хищным волкам в одеждах овчих, пророчествующим во имя Господне, мы напомним слова Спасителя: *Николи же знах вас: отъидите от меня, делающие беззакония*⁵.

«Любопытный разговор» впоследствии нашли среди бумаг Сергея Муравьева-Апостола, троюродного брата Никиты. Согласно позднейшим исследованиям, он – как формой, так и содержанием – прослужил одним из источников знаменитого «Православного катехизиса», прочитанного 31 декабря 1825 г. в городе Василькове в ходе восстания Черниговского пехотного полка, поднятого Муравьевым-Апостолом.

* * *

В 1821 г. Союз благоденствия прекратил существование. На его руинах возникло Южное общество с центром в украинском Тульчине, а несколько лет спустя воссоздалась и столичная организация, получившая название Северного общества. Радикальные настроения в обеих организациях были намного более сильными. И Северное, и Южное общества готовили перемену власти в России с помощью военной силы – согласно принятой самими декабристами терминологией, военную революцию.

В позднейших документах, созданных и на юге, и на севере, религиозные идеи зазвучали по-другому. Наиболее характерна в этом смысле «Русская Правда» Павла Пестеля – программный документ Южного общества.

Пестель происходил из весьма набожной протестантской семьи с немецкими корнями. Его мать и отец, генерал-губернатор Сибири, были уверены, что только искренняя вера

дает истинную твердость и единственное надежное счастье, каким можно наслаждаться в этом мире, а после еще и в ином⁶.

⁵ Муравьев Н.М.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 322.

⁶ Из бумаг П.И. Пестеля: Семейная переписка // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 112.

Но эти убеждения они не сумели внушить сыну. Павел Пестель спорил с ними, утверждая, что «Всевышнему недостало его могущества, чтобы сделать нас счастливыми»⁷. Своеобразный «парадокс Пестеля» был записан Александром Пушкиным по итогам встречи с ним в 1821 г. в Кишиневе:

Mon coeur est materialiste, говорит он, mais ma raison s'y refuse⁸.

В отношении религии – как и в политическом отношении – Пестель был сторонником «разумного эгоизма». Главный политico-публицистический документ, вышедший из-под его пера, – «Русская Правда», начинается своеобразной преамбулой:

Первоначальная обязанность человека, которая всем прочим обязанностям служит источником и порождением, состоит в сохранении своего бытия. Кроме естественного разума, сие доказывается и словами Евангельскими, заключающими весь закон христианский: люби Бога, и люби ближнего, как самого себя, словами, вмещающими и любовь к самому себе как необходимое условие природы человеческой, закон естественный и, следственно, обязанность нашу⁹.

«Любовь к самому себе», вытекающая, по Пестелю, из «закона христианского», может обеспечить главное условие существования новой России – всеобщее равенство перед законом. Только в обществе равных возможностей эгоизм каждого гражданина может быть реализован в полной мере:

Все люди в государстве должны непременно быть перед законом совершенно ровны... всякое постановление, нарушающее сие равенство, есть нестерпимое зловластие, существующее непременно быть уничтоженным, –

гласит «Русская Правда»¹⁰. Согласно этому документу, сословное деление общества уничтожалось, а крепостное право отменялось.

Идея всеобщего юридического равенства вполне воплотилась и в национальной программе «Русской Правды». Национальное

⁷ Там же. С. 267.

⁸ «Сердцем я материалист, но мой разум этому противится» (фр.) (Пушкин А.С. Дневники. Записки. СПб.: Наука, 1995. С. 14).

⁹ Пестель П.И. Русская Правда и сочинения, ей предшествующие. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1958. С. 115.

¹⁰ Там же. С. 152.

своеобразие: культурное, религиозное или политическое, уничтожало принцип равных возможностей. И поэтому народам представлялся выбор: либо ситься с русскими, приняв их образ жизни и формы правления, либо испытать на себе много неприятностей – вплоть до выселения из страны.

Религия нужна Пестелю для подтверждения этих вполне земных политических постулатов. Населенные славянами губернии должны – после победы российской революции – получить «одинаковым образом» устроенное «правление», поскольку большинство населения в этих губерниях – православные. «Народы кочующие», согласно «Русской Правде», следует «на постоянные жилища поселить и к земледелию обратить» – а для того, в частности, «открыть им свет православной веры и лучи истинного просвещения»; живущим же в России цыганам «предоставить... право или оставить Россию» или принять «веру православную»¹¹.

Российским мусульманам планировалось запретить многоженство, поскольку «обычай сей противен православной вере», монахам «иностранных вероисповеданий» не могло быть позволено пребывание в России, «ибо все сии ордены противны духу православной веры и потому не могут в России быть терпимы» и т. п. В целом же новый российские власти после революции должны были исходить из того, что

христианская православная грекороссийская вера признана быть должна господствующею верою великого государства Российского.

Все же иные христианские конфессии и «инородные веры»

дозволяются в России если только не противны они российским законам духовным и политическим, правилам чистой нравственности и не нарушают естественных обязанностей человека¹².

Как справедливо отмечал биограф Пестеля С.Н. Чернов, при анализе дошедших до нас письменных текстов руководителя Южного общества «бросается в глаза его – лютеранина вероисповеданием – почтительность к православной церкви». Этот феномен исследователь склонен был объяснить «тяжелым внутренним признанием себя по крови и культуре нерусским» при том, что ему было свойственно «искреннее национальное самоопределение себя русским». Отчасти с этим мнением можно согласиться, как и с тем

¹¹ Там же. С. 138–139, 143.

¹² Там же. С. 143, 155, 205.

утверждением, что «нерусскость» Пестеля могла казаться ему препятствием в будущей, постреволюционной карьере [Чернов 2004, с. 73–74].

Дело было не только в личных чувствованиях руководителя Южного общества. Религия, как и язык, законодательство или российские традиции, была нужна Пестелю для того, чтобы из граждан будущей Российской республики составить

только один народ, и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства Российского государства все были русские.

Вся Россия, по его мнению, должна была «являть» «на целом своем пространстве» «вид единородства, единообразия и единомыслия»¹³.

«Конституция» Никиты Муравьева по многим своим основным положениям была, как известно, противоположна «Русской Правде». Республике Муравьев предпочитал конституционную монархию, общинному землевладению – освобождение крестьян без земли, прямому избирательному праву – имущественный ценз и т. п. Собственно религиозным вопросам в «Конституции» уделено гораздо меньше внимания, чем в «Русской Правде».

В тексте есть переклички с «Любопытным разговором»:

Опыт всех народов и всех времен доказал, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для обществ, что она не согласна ни с правилами святой веры нашей – ни с началами здравого рассудка.

Не основано на «Божьей воле» и юридическое неравенство: после победы революции Муравьев планировал отменить сословное разделение российского общества, поскольку такое разделение «противно христианской вере – по которой все люди *братья*, все рождены *благо*»¹⁴.

Пестелевскому унитарному государству Никита Муравьев противопоставил конфедерацию полунезависимых «держав», в каждой из которых должны быть сформированы свои органы законодательной и исполнительной власти. Поэтому религия, цементирующая народ в единое целое, ему не нужна: «русскими», согласно «Конституции», признаются

¹³ Там же. С. 149.

¹⁴ Цитируемый в данной статье текст конституции Н.М. Муравьева находится в следственном деле С.П. Трубецкого.

все коренные жители России и дети иностранцев, родившиеся в России, достигшие совершеннолетия, если они объявили желание остаться в России.

О православии в «Конституции» ничего не говорится. Впрочем, вопрос, например, о цыганах Муравьев решал столь же жестко, как и Пестель:

Кочующие племена не имеют прав гражданских¹⁵.

* * *

Сергей Муравьев-Апостол, как и Никита Муравьев, по рождению был православным. Однако его взгляды на религию и мораль сформировались уже во взрослом возрасте: мать будущего декабриста умерла, когда он был еще ребенком, а отец к религии был равнодушен.

В основе морально-этических представлений декабриста лежали как представления о собственной исключительности, так и мистицизм. Отцу он писал, что, по его мнению, люди «делятся на два класса: одни рождены, чтобы управлять, другие – быть ведомыми». «Ведомых» Муравьев-Апостол презрительно называл «стадом баранов». А «рожденных управлять» уподоблял ветхозаветному пророку Моисею:

Чтобы управлять людьми, надо поступать, как Моисей; после беседы с ним на горе Синай Бог украсил его голову двумя сверкающими лучами – вот и Моисей. Но поскольку существует несколько разновидностей превосходства и поскольку оно всегда относительно, случается так, что в царстве слепых одноглазые – короли¹⁶.

Естественно, что себя он относил к «рожденным управлять».

Соратникам Муравьев-Апостол читал ветхозаветную «Книгу премудрости Иисуса, сына Сирахова»¹⁷, в которой, в частности, были такие слова:

Господь от начала сотворил его и оставил в руке его произволения его. Если хочешь, соблюдешь заповеди и сохранишь благоугодную

¹⁵ Трубецкой С.П.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 109, 112, 111.

¹⁶ «Ваш покорный сын»: Письма Сергея Муравьева-Апостола к отцу, 1821–1823. М.: РГГУ, 2022. С. 79, 94.

¹⁷ Спиридов М.М.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 127.

верность... Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дастся ему (Сирах 15: 14–17).

В «Православном катехизисе», прочитанном по приказу Муравьева-Апостола перед восставшими черниговцами, тоже отразились его представления о совеем месте в мире:

Вопрос: Каким же образом ополчиться всем чистым сердцем?

Ответ: Взять оружие и следовать смело за глаголющим во имя Господне¹⁸.

Веру подполковника в себя как в «глаголящего во имя Господне», «избранного», решившегося подвизаться «за истину до смерти» (Сирах 4: 32) и пожертвовать жизнью за других, не смогли поколебать ни разгром восстания, ни ранение на поле боя, ни тюрьма, ни ожидание смертной казни. Отцу из тюрьмы он писал:

Я много надеюсь на милость Господа, который читает в сердцах и не может осудить меня за чувства моего сердца.

Те же идеи лежат в основе его тюремного дневника, старшему брату, Матвею, тоже участвовавшему в восстании Черниговского полка, перед казнью он написал письмо, в котором повествовал, в частности, о собственной «уверенности», что его «жертва» «не отвергнута» Христом¹⁹.

Особенностью поздних религиозных воззрений Сергея Муравьева-Апостола было соединение традиционного для Александровской эпохи мистицизма с убеждениями радикального революционера. Но – кроме идеи о «глаголющем во имя Господне» – в «Православном катехизисе» его религиозные взгляды почти не отразились.

Как известно, «Православный катехизис» написан Сергеем Муравьевым совместно с другом, Михаилом Бестужевым-Рюминым.

¹⁸ Муравьев-Апостол С.И.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 254–255.

¹⁹ Журналы и докладные записки Следственного комитета // Восстание декабристов: Документы. М.: Наука, 1986. Т. 16. С. 158; Муравьев-Апостол С.И. Письма // Русский архив. 1887. № 3. С. 320; Он же. Письмо к отцу от 21 января 1826 г. Предсмертные размышления. Письмо накануне казни к брату его, Матвею Ивановичу // Русский архив. 1887. № 1. С. 51–52, 53.

Бестужев-Рюмин, младший из казненных в 1826 г. декабристов, тоже был православным, происходил из семьи российских провинциальных дворян.

Очевидно, что его родителей религиозные вопросы интересовали мало: их сын вырос вольтерьянцем.

Первые либеральные мысли почерпнул я в трагедиях Вольтера, –

показывал Бестужев-Рюмин на следствии²⁰. О французском философе он беседовал, в частности, с близким родственником, мужем двоюродной сестры Саввой Мартыновым, который, по воспоминаниям современников, сделал состояние на карточной игре, служил лишь «четырем королям» и «веровал в одного Вольтера»²¹.

Соратникам Бестужев-Рюмин говорил, что в России «со времен Петра Великого духовенство не играет никакой роли» – и этот фактор способен сыграть положительную роль в революции. Следователям же в 1826 г. поведал, что «на исповеди и у святого причастия» бывал «по удобности, но оная не каждый год встречалась»²².

По-видимому, именно Бестужеву-Рюмину принадлежала идея воздействовать на солдат религией с помощью «Православного катехизиса»; по крайней мере, на этом настаивал старший брат Сергея Муравьева-Апостола, Матвей, тоже участник восстания²³.

Комментаторы «Катехизиса» разошлись в трактовках этого текста. П.Е. Щеголев и Д.С. Мережковский, например, считали, что в нем Иисус Христос провозглашается «единым царем Вселенной», а также обосновывается новый религиозно-общественный порядок, противоположный «всякому порядку государственному», провозглашением строительства «Царства Божия на Земле»²⁴. А, например, Н.К. Шильдер утверждал, что в этом документе «на основании превратных толков Священного Писания» превратно излагались

²⁰ Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1950. Т. 9. С. 49.

²¹ Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 659–660.

²² Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело... С. 92, 49.

²³ Муравьев-Апостол М.И.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 9. С. 229, 241.

²⁴ Щеголев П.Е. Катехизис Сергея Муравьева-Апостола. С. 58, 72; Мережковский Д.С. Революция и религия. С. 63, 72, 73.

обязанности воина к Богу и отечеству в соединении с оскорбительными рассуждениями против верховной власти²⁵.

В данном случае Шильдер, вероятно, все же ближе к истине. «Катехизис» содержал, по свидетельству Бестужева-Рюмина, «выписки из Священного Писания в либеральном смысле». Содержание «Православного катехизиса» относилось «к представительному правлению», – подтверждал его слова Матвей Муравьев-Апостол²⁶.

Как и «Любопытный разговор», «Православный Катехизис» построен на идее изначального равенства людей, на том, что «цари» похитили у народа свободу. Идея эта доказывается библейскими цитатами, в основном из 8-й главы «Книги Царств», в которой Господь гневается на израильтян, просящих у него царя:

Сие будет правда царева: сыны ваши возьмет, и дщери ваши возьмет, и земли ваши одесятствует, и вы будете ему рабы и возопиете в день он от лица царя вашего, его же избрасте себе, и не услышит вас Господь в день он, яко вы сами избрасте себе царя.

В отличие от автора «Любопытного разговора» авторы «Катехизиса» настаивают на военной революции как способе освободить народ от власти «неправедных» царей.

При этом из библейского текста выбрасываются не относящиеся к пропагандистской задаче фрагменты. Не упоминается, например, о том, что, несмотря на гнев, Господь все же «избирает» в цари крестьянина Саула, а пророк Самуил «помазывает» его на царство. Когда же Саул нарушает Божественную волю, пророк произносит слова, убийственные для авторов «Катехизиса»:

...послушание лучше жертвы и повиновение лучше туха овнов, ибо непокорность есть такой же грех, что волшебство, и противление тому, что идолопоклонство (1 Царств 15:22).

Сама ситуация военного мятежа вряд ли была годной для серьезного обсуждения с солдатами вопросов веры. По сути «Катехизис» – документ светский. Слово «православие» встречается в тексте только один раз – в названии; содержание же его ничего собственно «православного» не отражает.

²⁵ Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование: В 4 т. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1898. Т. 4. С. 365.

²⁶ Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело. С. 60; Муравьев-Апостол М.И.: Следственное дело. С. 184, 186.

Описывая основные черты авторитарного государства – каковым и являлась Россия в XIX в. – М.П. Одесский и Д.М. Фельдман справедливо отмечают: в таком государстве

монарх – сакрализован. Он почитается особой священной, его право повелевать – Богоданно [Одесский, Фельдман 2012, с. 21].

Государь повелевает народами «от имени» Бога, и любой офицер является для низких чинов командиром лишь постольку, поскольку сам выполняет волю Бога и государя.

Нет власти не от Бога... Противящийся власти противится Божию установлению (Рим. 13.1.2;ср.: 1 Петр. 2.13–17).

Именно этому учила солдат официальная церковь.

Главная задача «Катехизиса» как раз и состояла в том, чтобы сломать укоренившуюся в солдатском сознании устойчивую вертикаль Бог – царь – офицер, убрать из нее второй элемент. Следовало доказать, что «с законом Божиим» сходно то правление, «где нет царей». Выполнив эту задачу, заговорщики смогли бы обосновать свое право на власть в отсутствии царя, сделать солдат союзниками, оправдать в их глазах собственные действия.

Логично предположить, что идея переделки Библии в угоду политической пропаганде принадлежала прежде всего вольтерьянцу Бестужеву-Рюмину, бывавшему в церкви «по удобности». Судя по показаниям Матвея Муравьева-Апостола, идея читать «Катехизис» перед восставшим полком тоже принадлежала ему²⁷.

* * *

Декабристы, «люди двадцатых годов», по-разному видели будущее государственное устройство, нельзя свести воедино и их взгляды на религию и мораль. Среди них были, конечно, люди искренне верующие. Так, член Южного общества поручик Николай Бобрищев-Пушкин утверждал на следствии, что ему не нравился «действизм или по крайней мере равнодушие» к религии товарищей по тайному обществу.

Я боролся с ним почти четыре года, всегда, где только приводил случай, обороняясь и предохраняя кого только мог, –

показывал Бобрищев-Пушкин²⁸.

²⁷ Муравьев-Апостол М.И.: Следственное дело. С. 239.

²⁸ Бобрищев-Пушкин Н.С.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Наука, 1969. Т. 12. С. 365.

«Деизм» или, по крайней мере, сомнение в существовании божественного начала был свойствен Пестелю, а религиозные воззрения Сергея Муравьева-Апостола могли считаться православными лишь с большой долей допущения. Соратник Пестеля князь Барятинский писал атеистические стихи, Василий Давыдов, руководитель Каменской управы Южного общества, прижил вне брака троих детей. А руководитель Северного общества, несостоявшийся диктатор 14 декабря князь Сергей Трубецкой в юности был участником кружка «Зеленая лампа», отличавшегося ярко выраженной свободой нравов.

В публичной презентации религиозно-политических нарративов декабристов можно отметить некоторые общие черты.

Устав Союза благоденствия написан под сильным воздействием «внутренней церкви» князя Голицына. В поздних документах декабристов это влияние по-прежнему чувствуется:

Внутренняя вера есть неограниченная собственность каждого человека как существа разумного, не имеющего ни малейшей обязанности давать в том отчета кому бы то ни было, но вместе с тем и не имеющего права от других такового отчета требовать, –

утверждал Пестель в «Русской Правде»²⁹. Никита Муравьев полагал, согласно «Конституции», что «вера» граждан России не может подлежать рассмотрению законодательных органов³⁰.

«Свободное отправление богослужения всем верам» было обещано идеологами Северного общества гражданам России и в написанном накануне 14 декабря 1825 г. «Манифесте», одним из авторов которого был Трубецкой³¹.

Но поздние декабристские документы писались уже в другую эпоху: идеи помощи «правительству» и даже сотрудничества с ним давно себя изжили. В этих документах отсылки к религии играют прежде всего служебную роль, подчеркивают политические цели. По словам Н.М. Дружинина, «идея естественного права» в «Конституции» Никиты Муравьева «облеклась в религиозную оболочку» [Дружинин 1985, с. 147]. Это высказывание верно и для других такого же рода текстов.

²⁹ Пестель П.И. Русская Правда и сочинения, ей предшествующие. С. 206.

³⁰ Трубецкой С.П.: Следственное дело. С. 132.

³¹ Там же. С. 107.

Литература

- Вишленкова 2002 – *Вишленкова Е.А.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX в. Саратов: Изд-во СГУ, 2002. 467 с.
- Дружинин 1985 – *Дружинин Н.М.* Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н.М. Избранные труды: Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985. С. 5–304.
- Карацуба 2008 – *Карацуба И.В.* «Православный катехизис» С.И. Муравьева-Апостола: комментарий // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы. М.: РГГУ, 2008. С. 460–476.
- Кондаков 2005 – *Кондаков Е.Ю.* Либеральное и консервативное направление в религиозных движениях в России первой четверти XIX в. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 343 с.
- Одесский, Фельдман 2012 – *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Поэтика власти: Тираноборчество. Революция. Террор. М.: РОССПЭН, 2012. 263 с.
- Пыпин 2000 – *Пыпин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб.: Академический проект, 2000. 477 с.
- Флоровский 2006 – *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Мин.: Белорусский экзархат, 2006. 608 с.
- Чернов 2004 – *Чернов С.Н.* Павел Пестель. СПб.: Лики России, 2004. 304 с.

References

- Chernov, S.N. (2004), *Pavel Pestel'* [Pavel Pestel], Liki Rossii, Saint Petersburg, Russia.
- Druzhinin, N.M. (1985), “Decembrist Nikita Muravyev”, in Druzhinin, N.M., *Izbrannye trudy: Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX v.* [Selected works. Revolutionary movement in Russia in the 19th century], Nauka, Moscow, USSR.
- Florovsky, G.V. (2006), *Puti russkogo bogosloviya* [Pathgs of Russian Theology], Minsk: Belarusian Exarchate, 608 pp.
- Karatsuba, I.V. (2008), “‘Orthodox Catechism’ by S.I. Muravyov-Apostol. Commentary”, in *Dekabristy: aktual'nye problemy i novye podkhody* [Decembrists. Current iussues and new approaches], RGGU, Moscow, Russia, pp. 460–476.
- Kondakov, E.Yu. (2005), *Liberal'noe i konservativnoe napravlenie v religioznykh dvizheniyakh v Rossii pervoi chetverti XIX v.* [Liberal and conservative direction in religious movements in Russia in the first quarter of the 19th century], RGPU imeni A.I. Gertsena, Saint Petersburg, Russia.
- Odesskii, M.P. and Feldman, D.M. (2012), *Poetika vlasti: Tiranoborchestvo. Revolyutsiya. Terror* [Poetics of power. Tyrannicide. Revolution. Terror], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Pypin, A.N. (2000), *Religioznye dvizheniya pri Aleksandre I* [Religious movements under Alexander I], Akademicheskii proekt, Saint Petersburg, Russia.

Vishlenkova, E.A. (2002), *Zabotyas' o dushakh poddannykh: religioznaya politika v Rossii pervoi chetverti XIX v.* [Taking care of the souls of the subjects. Religious policy in Russia in the first quarter of the 19th century], Izdatel'stvo SGU, Saratov, Russia.

Информация об авторе

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Институт научной информации по общественным наукам РАН (НИИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21; kianoks@inbox.ru

Information about the author

Oksana I. Kiyanskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); 51/21, Nakhimovskii Av., Moscow, Russia, 117997; kianoks@inbox.ru

УДК 82.0+821.161.1

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-56-65

Пророк и его власть:
о стихотворении М.Ю. Лермонтова «Поэт»
(«Отделкой золотой блистает мой кинжал...»)

Павел Е. Спиваковский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, literaturozedenie@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу стихотворения М.Ю. Лермонтова «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал...»). Традиционная советская интерпретация здесь ставится под сомнение, поскольку «продекабристская» рецепция этого произведения ныне выглядит как минимум односторонней. В период написания стихотворения Лермонтов расходится во взглядах с декабристами, и все большую значимость приобретает его радикальный индивидуализм. Мощь и агрессивность кинжала из первой части стихотворения имеет прямое отношение к стремлению поэта, героя второй части, к власти над окружающими. Образ поэта-пророка в этом стихотворении тесно связан и с лирическим героем стихотворения Лермонтова «Пророк», и с образом лермонтовского Демона, также несущим в себе пророческое начало. Такое сближение вызвано тем, что пророк для Лермонтова – это прежде всего индивидуалист, «пророк самого себя», стремящийся к власти. Он может получать какие-то дары от Бога, но для самого пророка это малосущественно, как малосущественно и для «Мцыри», получившего от Бога способность воспринимать думы «темных скал». При этом и лермонтовский пророк (в любой из своих инкарнаций), и Мцыри воспринимают полученное лишь как привилегию, возвышающую их над другими людьми. Также в статье присутствует полемика с Б.М. Эйхенбаумом и анализируются «сплавы» слов в поэзии Лермонтова.

Ключевые слова: Лермонтов, индивидуализм, кинжал, поэт-пророк, Эйхенбаум, власть, Демон

Для цитирования: Спиваковский П.Е. Пророк и его власть: о стихотворении М.Ю. Лермонтова «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал...») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоznание. Культурология». 2025. № 9. С. 56–65. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-56-65

The prophet and his power.
 On Mikhail Lermontov's poem 'The Poet'
 ('My dagger glitters with gold...')

Pavel E. Spivakovskii
*Russian State University for the Humanities,
 Moscow, Russia, literaturovedenie@gmail.com*

Abstract. The article deals with an analysis of Mikhail Lermontov's poem "The Poet" ("My dagger glitters with gold..."). The traditional Soviet interpretation is called into question here, since the 'pro-Decembrist' reception of that work now seems, at the very least, one-sided. At the time of writing the poem, Lermontov diverged in views from the Decembrists, and his radical individualism attains increasing significance. The might and aggressiveness of the dagger in the first part of the poem is directly related to the desire of the poet, the hero of the second part, for power over those around him. The image of the poet-prophet in this poem is closely linked to the lyrical hero of Lermontov's poem "The Prophet" and to the image of Lermontov's Demon, who also has a prophetic nature. This similarity stems from the fact that, for Lermontov, the prophet is first and foremost an individualist, a 'prophet of himself,' striving for power. He may receive certain gifts from God, but for the prophet himself, that is insignificant for Novice (Mtsyri), who received from God the ability to perceive the thoughts of 'dark rocks.' At the same time, both Lermontov's prophet (in any of his incarnations) and Novice perceive what they have received as a privilege that elevates them above other people. The article also contains a polemic with Boris Eikhenbaum and analyses the "alloying" of words in Lermontov's poetry.

Keywords: Lermontov, individualism, dagger, poet-prophet, Eikhenbaum, power, Demon

For citation: Spivakovskii, P.E. (2025), "The prophet and his power. On Mikhail Lermontov's poem 'The Poet' ('My dagger glitters with gold...')", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 56–65, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-56-65

В советском литературоведении утверждалось представление о стихотворении «Поэт» («Отделкой золотой блестает мой кинжал...») <1837–1838?; 1839>¹ как о произведении, в центре

¹ Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. / Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. тома Н.Г. Охотин. Т. 1. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. С. 292. Здесь и далее датировка стихотворений Лермонтова дана по этому изданию.

внимания которого ностальгия по «общественной роли» поэта. Например, О.В. Миллер в «Лермонтовской энциклопедии» интерпретирует первую часть стихотворения так:

Стих<отворение> построено на сравнении. Первая и большая его часть (24 строки из 44) – описание кинжала, его в прошлом славной воинской судьбы и бесполезного настоящего, когда «игрушкой золотой он блещет на стене», – представляет собой параллель и своего рода ступень ко второй, главной части, где говорится об утрате поэзией ее обществ<енной> роли [Миллер 1981].

Так ли все просто в лермонтовском тексте?

В начале второй части стихотворения речь идет о том, что поэт, подобно кинжалу, «свое утратил назначенье»². Какое же назначение предписывается кинжалу? Очевидно, его задача убивать.

Сверхкрепкая, возможно, дамасская сталь, из которой изготовлен кинжал, прорывает кольчуги, оставляя на груди каждого убиваемого «страшный след»³. Существенно и то, что кинжал в романтической традиции является роковым предметом [Манн 1977, с. 37]. Особенno показательно в стихотворении, что в ответ на малейшую обиду прежний владелец кинжала, наездник-мусульманин, просто доставал его и *резал* обидчика. Никакого конвенционально регламентированного столкновения, наподобие дуэлей, принятых в то время среди европейского дворянства, здесь нет, и автору это нравится: не случайно убийство обидчика подается в возвышенно-романтическом модусе: «Звенел в ответ речам обидным»⁴. Здесь автор стихотворения явно отдает предпочтение более жестокой «неевропейской» этике. Можно, впрочем, взглянуть на это и несколько иначе: так, по мнению Вяч.И. Иванова, Лермонтов – «отрицатель всех норм»⁵.

У психологически антропоморфного кинжала в достаточной мере развито чувство собственного достоинства. Он, подобно ранним римлянам, придерживается принципов воинской аскезы: «В те дни была б ему богатая резьба / Нарядом чуждым и постыдным»⁶. Важно и то, что, «послушнее раба» разделяя со своим хозяином его

² Там же. С. 291.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Иванов Вяч.И. Лермонтов // Иванов Вяч.И. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1987. С. 370.

⁶ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 1. С. 291.

«забавы»⁷ (слово весьма многозначное, семантические границы здесь трудноопределимы), кинжал убивал совершенно бескорыстно, «не зная платы за услугу»⁸. Богатство же развращает и лишает мужества быть непреклонным и целеустремленно жестоким. Не случайно автор сожалеет о том, что теперь, обретя золотые ножны, кинжал уже никого не убивает: «Игрушкой золотой он блещет на стене – / Увы, бесславный и безвредный!»⁹ Это «увы» звучит чрезвычайно красноречиво.

В связи со всем описанным выше возникает вопрос, насколько агрессивным, по мнению автора, должен стать поэт, чтобы полноценно походить на свой «железный аналог»? Каково главное предназначение поэта, которое, по мнению автора стихотворения, сейчас позорным образом «обменивается» на золото? Весьма симптоматично, что речь идет о *власти*.

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговеньи?¹⁰

В «прежние», мифологизированные Лермонтовым времена поэт возвышался над толпой, управляя ее помыслами и действиями, так что все внимали его властному поэтическому слову. На буквальном же уровне сказано, что свет внемлет *именно власти*. Такой поэтический «сплав» слов (по Б.М. Эйхенбауму) не является следствием речевой неточности. «Сплавы» слов у Лермонтова, создавая иллюзию неточного словаупотребления, функционируют в его текстах почти как противоречия в текстах А.С. Пушкина. Можно, конечно, вслед за А.П. Чудаковым посчитать, что в пушкинских образах нет единства [Чудаков 1992], однако необходимо учитывать: пушкинские художественные тексты построены по принципу библейского, а не гомеровского повествования [Ауэрбах 1976, с. 23–44], иначе говоря, противоречия требуют от читателя вдумчивого сопоставления различных частей текста, что само по себе провоцирует создание куда более сложной рецептивной картины.

Говоря о «сплавах» слов в поэзии Лермонтова, Эйхенбаум утверждал, что

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

начальная формула «Демона», сложившаяся у Лермонтова с самого первого очерка и дошедшая неизменной до последнего – «Печальный Демон, дух изгнанья» – типична для языка Лермонтова. Из Пушкинского «дух отрицанья, дух сомненья» возникает по аналогии нечто уже не совсем понятное: «дух изгнанья» – что это, дух изгнанный или дух изгоняющий? Ни то, ни другое. Это – языковой сплав, в котором ударение стоит на слове «изгнанья», а целое представляет собой эмоциональную формулу¹¹ [Эйхенбаум 1924, с. 98].

Последние утверждения выглядят несколько странно, поскольку в лермонтовском «Демоне» нет ни слова о «духе изгоняющем», и даже если бы об этом зашла речь, словосочетание «дух изгнанья» никак не могло бы быть отнесено к гонителю, поскольку семантика слова «изгнание» с неизбежностью указывает на *гонимых*, на тех, *кого отправляют в изгнание*, а вовсе не на их *гонителей*. Изгнание становится для Демона своеобразным эйдетическим клеймом, «приросшим» к нему и радикально изменившим его эсценциалистски воспринимаемую «природу», неким подобием Каиновой печати. За всем этим сложно было бы увидеть лишь редуцированную эмоциональную формулу. Эйхенбауму очень не нравятся усложнения у Лермонтова, «затрудняющие восприятие», подобно тому как Белинского раздражала «неточная» строка «покрытый ржавчиной презренья»¹². Оба, и ученый и критик, не будучи консерваторами, невольно выступают здесь с консервативных позиций. Лермонтовские усложнения поэтической речи предвосхищают поэтику XX столетия, когда обыденные, «буквалистские» сочетания слов нередко оказываются отброшены и им на место приходят достаточно непростые ассоциативные связи (например, в «Поэме без героя» А.А. Ахматовой или в стихах О.Э. Мандельштама). Лермонтовские «сплавы» слов только при «быстром» прочтении кажутся бессмысленными. На самом же деле, они содержат в себе богатый и концентрированно экспрессивный смысл, раскрывающийся лишь тогда, когда мы вникаем в их внешне противоречивую семантику.

¹¹ В данной статье все шрифтовые выделения в цитатах принадлежат авторам цитируемых текстов.

¹² «Ржавчина презренья – выражение неточное и слишком сбивающееся на аллегорию. Каждое слово в поэтическом произведении должно до того исчерпывать всё значение требуемого мыслию целого произведения, чтоб видно было, что нет в языке другого слова, которое тут могло бы заменить его» (Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 545).

Что же касается словосочетания «покрытый ржавчиной презренья»¹³, оно порождает представление о порче кинжала, который, к сожалению для автора стихотворения, больше никого не убивает, вследствие чего кинжал не чистят. Презрение к «мирному» пребыванию кинжала в золотых ножнах, с одной стороны, вызвано завершением его «героической» биографии, а с другой – оно должно спровоцировать поэта-пророка пойти путем «мщенья» и прямой агрессии. Толпу тешат «блёстки и обманы»¹⁴, «косметически» приукрашающие реальное положение вещей. По словам Эйхенбаума, «главная сила удара направлена здесь против стихотворений Бенедиктова, пользовавшихся в эти годы большим успехом» [Эйхенбаум 1961, с. 53]. Жеманно-нарциссическое стихотворение Бенедиктова «Прощание с саблею» <1831 или 1832>, по всей видимости, вызывало отторжение автора стихотворения «Поэт», тем более что в нем идет речь о превращении боевой сабли в кинжал:

...Ты будешь со мной;
И, ржавчине лютой не дав на съеденье,
Тебя обращаю я в кинжал роковой,
И ловкой и пышной снабжу рукоятью,
Блестящей оправой кругом облеку,
И, гордо повесив кинжал над кроватью,
На мщенье коварству его сберегу!¹⁵

По-своему блестящий автопародийный лирический герой Бенедиктова, предвосхищающий образы Козьмы Пруткова и Игоря Северянина, едва ли заслужил такой непропорционально серьезный ответ. Ответ Бенедиктову здесь все же есть, но главная сила удара обращена на другое. Поэт явно стремится господствовать над толпой, несмотря на то что подчиняться его слову, очевидно, никто не собирается, и, в частности, за это толпе необходимо мстить. Искусственное разжигание обиды очень характерно для многих произведений Лермонтова: «коварные» замыслы и обвинения со стороны обидчиков дают его героям моральное право на ненависть и месть, которые, с точки зрения поэта, ставят обиженного выше любого закона. «В каком указе есть / Закон иль правило на ненависть и месть»¹⁶, – вопрошают лермонтовский Арбенин.

¹³ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 1. С. 292.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Бенедиктов В.Г. Стихотворения. 2-е изд. Л.: Сов. писатель, 1983. С. 52. (Б-ка поэта. Большая серия)

¹⁶ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 3 / отв. ред. О.В. Миллер. С. 315.

Речь поэта в прошлом, если верить автору стихотворения, настраивала толпу на возвышенный лад, его стихи нужны были и для войны, и для пиров, они, подобно фимиаму, усиливали эмоциональное воздействие молитв. Более того, стих поэта, «как Божий дух, носился над толпой»¹⁷, заменяя таким образом Святого Духа. Упоминание о колоколе «на башне вечевой», который вещает «во дни торжеств и бед народных»¹⁸, как справедливо замечал Эйхенбаум, отсылает нас к декабристской поэзии [Эйхенбаум 1961, с. 94] и, в частности, к декабристской версии романтизма, особенно повлиявшей на раннего Лермонтова [Вацуро 2008, с. 359], но отчасти отразившейся и в более позднем его творчестве. При этом особой идеиной или интеллектуальной близости между Лермонтовым и декабристами в конце 1830-х гг. не было. Показательно в этом плане свидетельство ссылочного декабриста М.А. Назимова:

Над некоторыми распоряжениями правительства, коим мы от души сочувствовали, и о коих мы мечтали в нашей несчастной молодости, он глумился. Статьи журналов, особенно критические, которые являлись будто наследием лучших умов Европы и заживо задевали нас и вызывали восторги, что в России можно так писать, не возбуждали в нем удивления. Он или молчал на прямой запрос, или отдельовался шуткой и сарказмом. Чем чаще мы виделись, тем менее kleилась серьезная беседа¹⁹.

По всей видимости, интересы Лермонтова в описываемое время все сильнее расходятся с декабристскими.

В конце стихотворения произносится очень важное слово: «Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?»²⁰. Фигура пророка у Лермонтова принципиально отлична от пушкинской. Если у Пушкина пророк является носителем Божьей воли («Исполнись волею Моеей»²¹), и угль, горящий в его сердце, заимствованный из начала 6-й главы Книги пророка Исаии, есть орудие духовного очищения (пусть в случае Пушкина и через искусство), то герой Лермонтова в стихотворении «Пророк» <1841>, получив от Бога дар всеведения,

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 291.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов: жизнь и творчество // Лермонтов М.Ю. Соч.: первое полн. изд. В.Ф. Рихтера / под ред. П.А. Висковатова. Т. 6. М.: В.Ф. Рихтер, 1891. С. 304.

²⁰ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 1. С. 292.

²¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 3. Кн. 1. СПб.: Наука, 2019. С. 98.

видит «в чертах людей» лишь «страницы злобы и порока»²². Как известно, согласно новозаветному тексту, всеведением не обладал даже Христос в своем человеческом естестве, поскольку даже он не знал, когда именно произойдет Страшный суд (Мк 13:32). Кроме того, начиная проповедовать «чистые ученья»²³ любви и правды, лермонтовский пророк идет против самого себя, потому что любви к людям в нем нет. Поэтому, будучи отвергнут людьми, он находит частичное утешение лишь в мире природы (по словам пророка, «мне тварь покорна там земная»²⁴), т. е. как и в стихотворении «Поэт», для него важнее всего именно власть. А тем, кто ее не признает или отвергает, надо мстить.

Образ пророка у Лермонтова еще многограннее. Так, в поэме «Демон» Тамара остро переживает встречу с внезапно возникшим перед ней незнакомцем:

И перед утром сон желанный
Глаза усталые смежил;
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной²⁵.

Пророческим началом, как видим, может быть наделен и Демон. Такое оказывается возможным, потому что для Лермонтова пророк, хоть и получает какие-то дары от Бога, по сути, является *пророком самого себя*, и главное для Демона, как и для других лермонтовских инкарнаций образа пророка, это власть над окружающими. Дары от Бога, кстати, получает и Мцыри, гордящийся тем, что способен воспринимать думы «темных скал»: «Мне было свыше то дано!»²⁶ – гордо провозглашает он, и это совершенно не препятствует герою-индивидуалисту враждовать с Богом. Лермонтовский пророк не становится носителем Божьего слова, как у Пушкина. «Чистые ученья» любви и правды, духовно чуждые весьма необычному лермонтовскому пророку, ненавидящему людей, больше похожи на формальные уроки «Закона Божьего», чем на те «огненные» слова, которые Бог в библейском тексте (в основном в Ветхом Завете) обращает к людям через пророков. Лермонтовский пророк стремится к иному: в идеале он должен быть самодостаточен в своем стремлении повелевать, и потому при желании вполне способен преобразиться, например, в Демона.

²² Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 1. С. 347.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 348.

²⁵ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 2 / отв. ред. Ю.М. Прозоров. С. 401–402.

²⁶ Там же. С. 428.

Лермонтовские слова тоже «огненные», но цель их появления совсем иная. Автор стремится к созданию образов индивидуалистов, иногда существенно более радикальных, чем индивидуалисты Байрона. Поэт-пророк, чье творчество должно подменить веяние Святого Духа, фигура грозная и титаническая. Естественно, титану, перед которым *должны* склониться все, необходимо оружие, несущее гибель. Именно ради этого в финале стихотворения и появляется метафорический образ разящего клинка.

Литература

- Ауэрбах 1976 – *Auerbach E.* Мимесис: Изображение действительности в западно-европейской литературе. М.: Прогресс, 1976. 556 с.
- Вацуро 2008 – *Vatsuro V.E.* О Лермонтове: работы разных лет. М.: Новое изд-во, 2008. 715 с.
- Манн 1977 – *Mann Yu.V.* Игровые моменты в «Маскараде» Лермонтова // *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1977. Т. 36. № 1. С. 27–38.
- Миллер 1981 – *Miller O.V.* «Поэт» // *Лермонтовская энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 441.
- Чудаков 1992 – *Chudakov A.P.* Структура персонажа у Пушкина // Сб. ст. к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана / отв. ред. А. Мальтс. Тарту, 1992. С. 190–207.
- Эйхенбаум 1924 – *Eichenbaum B.M.* Лермонтов: опыт историко-литературной оценки. Л.: Госиздат, 1924. 168 с.
- Эйхенбаум 1961 – *Eichenbaum B.M.* Статьи о Лермонтове. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 372 с.

References

- Auerbach, E. (1976), *Mimesis: Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapadnoevropeiskoi literature* [Mimesis. The representation of reality in Western literature], Progress, Moscow, USSR.
- Vatsuro, V.E. (2008), *O Lermontove: raboty raznykh let* [On Lermontov. Works of various years], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Mann, Yu.V. (1977), “Playful moments in Lermontov’s ‘Masquerade’”, *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, vol. 36, no. 1, pp. 27–38.
- Miller, O.V. (1981), “Poet”, in *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov encyclopaedia], Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, USSR, p. 441.
- Chudakov, A.P. (1992), “Pushkin’s character structure”, in Mal'ts, A., ed., *Sbornik statei k 70-letiyu professora Yu.M. Lotmana* [Collected articles for the 70th anniversary of professor Yu.M. Lotman], Tartu, Estonia, pp. 190–207.

- Eikhenbaum, B.M. (1924), *Lermontov: opyt istoriko-literaturnoi otsenki* [Lermontov. A study in historical-literary evaluation], Gosizdat, Leningrad, USSR.
- Eikhenbaum, B.M. (1961), *Stat'i o Lermontove* [Articles about Lermontov], Izdatelstvo AN SSSR, Moscow, Leningrad, USSR.

Информация об авторе

Павел Е. Спиваковский, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; literaturovedenie@gmail.com

Information about the author

Pavel E. Spivakovskii, Cand. of Sci (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; literaturovedenie@gmail.com

УДК 08:94(470)"1904/1905"
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-66-82

«Дешевые книжки» для народа о Русско-японской войне

Александр О. Буранок
*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, buranok@yandex.ru*

Аннотация. Особую группу источников о Русско-японской войне 1904–1905 гг. представляют так называемые «дешевые книжки для народа», массово издаваемые «на злобу дня» и жанрово разнообразные. Появление подобного рода изданий было вызвано резко возросшим интересом российской публики ко всему, что связано с Японией и Дальним Востоком. «Дешевые книжки» представляют весь российский политический спектр начала XX века – от крайне правых, черносотенных группировок, до откровенно марксистских работ. Часто подчеркивалось, что часть прибыли, либо вся выручка от издания направляется на «усиление российского флота», «в кассу Красного Креста», «в помощь больным и раненым воинам», «в пользу детей-сирот» и т. д. Авторы и издатели таким образом выражали свои патриотические чувства, стремились помочь своей стране в борьбе с дальневосточным врагом.

Ключевые слова: «дешевые книжки» для народа, Русско-японская война

Для цитирования: Буранок А.О. «Дешевые книжки» для народа о Русско-японской войне // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 9. С. 66–82. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-66-82

“Cheap books” for the people about the Russo-Japanese War

Aleksandr O. Buranok
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, buranok@yandex.ru*

Abstract. A special group of sources on the Russo-Japanese War of 1904–1905 are the so-called “cheap books for the people”, mass- published “on the

© Буранок А.О., 2025

topic of the day” and of diverse genres. The appearance of such publications was caused by the sharply increased interest of the Russian public in everything connected with Japan and the Far East. “Cheap books” represent the entire Russian political spectrum of the early 20th century – from extreme right-wing, Black Hundred groups to openly Marxist works. It was often emphasized that part of the profit, or all of the proceeds from the publication, were directed to “strengthening the Russian fleet”, “to the Red Cross fund”, “to help sick and wounded soldiers”, “for the benefit of orphans”, etc. Authors and publishers thus expressed their patriotic feelings, and sought to help their country in the fight against the Far Eastern enemy.

Keywords: “cheap books” for the people, Russo-Japanese War

For citation: Buranok, A.O. (2025) “‘Cheap books’ for the people about the Russo-Japanese War”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural studies” Series*, no. 9, pp. 66–82, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-66-82

В ночь с 26 на 27 января 1904 г.¹ – с нападения японских миноносцев на русские военные корабли в Порт-Артуре – началась Русско-японская война. Первые телеграфные сообщения о нападении достигли Петербурга приблизительно к 12 ночи², то была телеграмма наместника Дальнего Востока адмирала Е.И. Алексеева на имя государя императора. За ней последовали и другие телеграммы и сообщения. Газеты подхватили эту информацию и, опираясь на нее, а позже и на сообщения своих специальных корреспондентов, регулярно информировали читающую публику о событиях на Дальнем Востоке [Воробьев 2008; Рыженков 2001; Шишкина 2007]. Чуть позже журналы стали освещать тему войны [Брагина 2020], но в отличие от газет, главным образом сосредоточившихся на оперативной информации, они давали аналитические обзоры, анализ и оценку данной информации.

Простой народ не читал, в массе своей, газет и журналов. «“Интеллигентный класс” и раньше имел некоторое представление о Японии и японцах, теперь может его получить из официальной истории, монографий, статистических календарей, научных исследований и романов, путешествий и воспоминаний, прессы. <...> ...что же касается народа, то он совершенно не имеет хоть сколько-нибудь реального представления о нашем противнике, на борьбу с которым

¹ Все даты в статье даются по старому стилю.

² Спустя 6 часов после атаки, из-за разницы во времени между Порт-Артуром и Петербургом.

он посыпает своих сыновей и жертвує последние сбережения. В лучшем случае его сведения ограничиваются смутным представлением, что противник желтолицый нехристъ, что он отсюда далеко, что он где-то вероломно напал на нашу эскадру»³. Причина, по мнению авторов данной книжицы, крылась в отсутствии специальных брошюр, которые в популярном изложении способствовали бы усвоению народом соответствующих элементарных сведений о противнике и театре военных действий в целом. Дать «описание главнейших элементов Японского государства и черт японского народа, нашего взаимно-географического положения и содержания тех политических причин, которые привели к настоящему столкновению»⁴ – цель данной брошюры. По мнению автора статьи «Формирование “образа врага” в Русско-японской войне 1904–1905 гг.» Л.В. Жуковой, «пропаганда войны среди “народа”, не читающего толстых журналов и газет, ведется через специальные дешевые брошюры и лубочные картинки» [Жукова 2005, с. 262]⁵.

Анализу содержания таких брошюр и посвящена данная статья. Нами выявлены 137 подобных брошюр, которые мы обозначим как «дешевые книжки для народа» о Русско-японской войне. 100 изданы в 1904 г. и 37 – в 1905 г.

Сам термин «дешевые книжки для народа» характерен для издателей того времени, например, Н.П. Дучинского⁶. Необходимо рассказать, что мы в него вкладываем, прежде чем приступить к анализу подобного рода литературы. Итак, «дешевые», т. е. цена за одну книжку менее 1 рубля. Цена на подобные издания в 1904–1905 гг. колебалась от 5 до 80 копеек, все зависело от количества страниц, качества бумаги и обложки, наличия или отсутствия иллюстраций. Нам удалось установить цену у 48 книжек, что дает среднюю цену книжки ≈19 коп.

Термин «книжки» говорит нам о том, что это были сброшюрованные издания разного формата – от карманного (100–130) × (140–

³ О Японии и японцах и о том, отчего и как началась Русско-японская война см.: Книжка для народа. СПб.: «Владимирская» Паровая Типо-Литография, 1904. С. 3–4.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ В фондах Самарского областного художественного музея (СОХМ), по нашим подсчетам (А.Б.), сделанным на основании инвентарной книги музея, хранятся 193 лубка, посвященных Русско-японской войне.

⁶ Николай Полиевктович Дучинский (1873–1932) – педагог, издатель, редактор нескольких журналов («Природа и жизнь», «Русская жизнь», «Человек и животные» и др.), автор книг о представителях царской династии Романовых.

177) мм до большого (А-4, или 210 × 297 мм); чаще в мягкой обложке. Из 137 «дешевых книжек для народа» о Русско-японской войне место издания указано у 132; безусловным лидером по этому показателю является Санкт-Петербург (47 книжек за 1904 год и 20 книжек за 1905 год), далее следуют Москва (21 книжка за 1904 год и 6 книжек за 1905 год), Евпатория (5 книжек за 1904 год и 2 – за 1905 год), Одесса (4 книжки за 1904 год и 1 – за 1905-й), Нижний Новгород (4 книжки за 1904 год); в Риге, Ростове-на-Дону, Киеве издали по 2 книжки за 1904 год; в Екатеринославе, Саратове, Белгороде, Прилуках, Кишиневе, Воронеже, Аккермане, Баку, Харькове, Оренбурге, Сувалках, Севастополе издали по 1 книжке за 1904 год; и еще по 1 книжке издали в 1905 году в Вильне и Женеве.

Издательства/типографии (там, где они, конечно, указаны) по городам распределились следующим образом.

Санкт-Петербург: издание Н.П. Дучинского (17), общество ревнителей военных знаний (7), издательство Я. Левенштейн и О.С. Иодко (6), издание В. Березовского (3), типо-литография В.В. Комарова (3), Военная типография (2), «Молот» (2), типография А.К. Вейерман (2), типография Министерства путей сообщения (2), паровая скоропечатная «Восток», типография Максимова, типография С.Н. Худекова, типография товарищества «Общественная Польза», типография Артели Печатного Дела, типография А. Тырина, издательство Н.С. Аскарханова, «Владимирская» паровая типо-литография, типография И.Н. Скороходова, Столичная скоропечатня, Русская типо-литография Г. Быкова, издание М.П. Петрова, типография Цепова, типография Ш. Бусселя, Артель заводчика А.Ф. Маркса, «Новый мир», паровая типо-литография М. Розноер, типография императорского Человеколюбивого общества, типо-литография «Евг. Тиле преем.», издатель С.А. Чиколини, типография М. Михайловой.

Москва: типо-литография А.П. Коркина (5), типография товарищества И.Д. Сытина (4), типография И.Я. Полякова (3), типография А.И. Мамонтова (3), типо-литография И.И. Пашкова (2), типо-литография Русского товарищества печатного и издательского дела, типо-литография Ф.И. Филатова, типография Г. Лисснера и А. Гешеля, издательство И.П. Банникова, типо-литография К.М. Машистова, типография А.П. Поплавского, издание журнала «Правда», издание Е.И. Коноваловой, издатель Д.П. Ефимов, Университетская типография.

Евпатория: типография М.Л. Мурованского (7).

Одесса: издание книжного магазина Е.П. Распопова (2), издательство М.С. Козмана, благотворительное общество «Бессарабия», типо-литография Штаба Одесского военного округа.

Нижний Новгород: типография губернского Правления (2), типо-литография нижегородского товарищества печатного дела «Н.И. Волков и К°», типография О.П. Проворовой.

Ростов-на-Дону: типография товарищества «Донская Речь» (2).

Рига: лито-типография А. Шталь, типо-литография Г. Гемпель.

Екатеринослав: типография С.И. Барановского.

Саратов: типография А.Д. Тобиас и К°.

Белгород: типография А.А. Вейнбаума.

Киев: типо-литография Т.Г. Мейнандера.

Прилуки: типо-литография А.Я. Мирова.

Кишинев: благотворительное общество «Бессарабец».

Воронеж: типо-литография В.И. Исаева.

Аккерман: издание Аккерманского местного комитета Российской общности Красного Креста, типография П.К. Караподорова.

Баку: типография Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП).

Харьков: типография «Печатное дело» князя К.Н. Гагарина.

Оренбург: типо-литография Ив.Ив. Евфимовского-Мировицкого.

Вильна: типо-литография Р.И. Тасьмана.

Женева: издание «Искры».

Севастополь: типография Ковалева.

Как видно, подавляющее число издательств/типографий были частными, т. е. выпуск «дешевых книжек для народа» по Русско-японской войне был частной инициативой, коммерческим предприятием; нередко средства от подобного рода изданий направлялись на благотворительность, а иногда и издавались благотворительными обществами. Собственно, к правительенным издательствам/типографиям мы можем причислить в Санкт-Петербурге Военную типографию (издавшую 2 книжки) и типографию Министерства путей сообщения (2 издания), в Одессе 1 издание типо-литографии Штаба Одесского военного округа, в Нижнем Новгороде 2 издания типографии губернского Правления. К откровенно антиправительственным издательствам/типографиям мы можем причислить в Санкт-Петербурге «Молот» (2 издания) и «Новый мир», в Баку – типографию РСДРП и в Женеве – издание «Искры». Как видим, все антиправительственные издательства принадлежат РСДРП.

Термин «для народа» отражает целевую аудиторию данных изданий. Однако должны заметить, что наше знакомство с «дешевыми книжками» по Русско-японской войне позволяет нам утверждать, что ориентированы они были на самую разную публику: крестьян, горожан, интеллигенцию, солдат и матросов, офицеров... При этом данные издания отражали весь тогдашний политический спектр Российской империи – от крайне правых, шовинистических чер-

носотенных работ, до крайне левых – марксистских и эсеровских. Конечно, подавляющее большинство «дешевых книжек для народа» о Русско-японской войне были выдержаны в духе официальной пропаганды, содержали указание о дозволении цензурой, даже в 1905 г. верили в победу России в этой войне.

На основе указания «допущено цензурой» или «допущено к печати» удалось установить примерную дату выхода у 72 изданий в 1904 г. и 15 изданий в 1905 г. Ниже на основе указания «допущено цензурой» или «допущено к печати» мы приводим два графика, которые наглядно демонстрируют выход «дешевых книжек для народа» о Русско-японской войне в 1904 и 1905 гг.

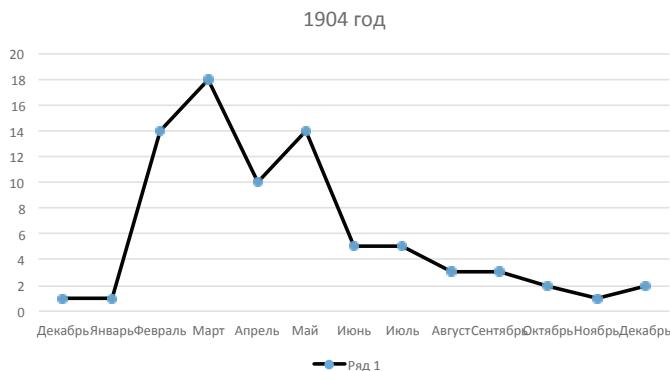

Рис. 1. Количество «дешевых книжек для народа» о Русско-японской войне в 1904 г.

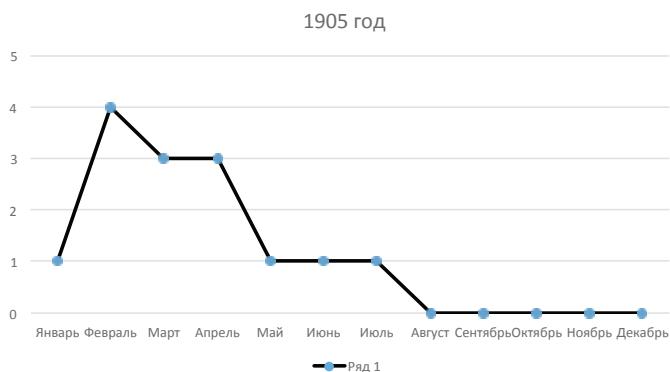

Рис. 2. Количество «дешевых книжек для народа» о Русско-японской войне в 1905 г.

На наш взгляд, данные графики прекрасно демонстрируют, что интерес к подобного рода изданиям был характерен для первых четырех месяцев войны (конечно, по старому стилю война началась еще ночь с 26 на 27 января 1904 г., но издательства и печатная промышленность не успели выпустить, на сколько нам известно, ни одного январского издания подобного рода литературы). Далее интерес к «дешевым книжкам» со стороны издателей резко снижается и продолжает падать до конца 1904 г. Некий всплеск наблюдается лишь в феврале 1905 г., видимо, к годовщине начала боевых действий.

Авторство мы можем установить у 62 из 137 обнаруженных нами «дешевых книжек для народа» о Русско-японской войне, это – Владимир Александрович Теплов⁷, князь Эспер Эсперович Ухтомский⁸, Юлий Лукьянович Елец (1862–1932)⁹, Александр Георгиевич, Павел Львович Юдин¹⁰, Григорий Волынский, Л.А. Мукосеев¹¹, И.П. Белоконский¹², Николай Федорович Денисюк¹³,

⁷ Владимир Александрович Теплов – русский дипломат, путешественник, историк и публицист.

⁸ Князь Эспер Эсперович Ухтомский (1861–1921) – из дворян, русский дипломат, ориенталист, публицист, поэт, переводчик (*Шундалов И.Ю. Эспер Эсперович Ухтомский, 1861–1921. URL: https://qwercus.narod.ru/zz/uchtomskijEE_bio.htm <дата обращения 24.05.2025>*).

⁹ Юлий Лукьянович Елец (1862–1932) – из дворян, гвардейский полковник русской армии, писатель, военный историк и журналист (Елец Юлий (Юлиан) Лукьянович. URL: <https://runivers.ru/lib/authors/author58416/> <дата обращения 24.05.2025>).

¹⁰ Павел Львович Юдин (1864–1928) – из оренбургских казаков, русский историк-архивист, краевед и журналист (*Киржинова Ф.А. Историк-архивист Павел Львович Юдин (1864–1928): библиографические сведения // Вестник Майкопского государственного технологического университета. Майкоп: МГТУ, 2011. № 3. С. 72–76*).

¹¹ Леонид Александрович Мукосеев (1878–1931) – из семьи капитана парохода, ходившего по Волге; земский врач и организатор здравоохранения в первые годы Советской власти. (ГАСО. Ф. Р-3739. Оп. 1: Историческая справка).

¹² Иван Петрович Белоконский (1855–1931) – из семьи врача; русский журналист, писатель, редактор, педагог и революционер (Белоконский Иван Петрович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона: в 86 т. СПб., 1890–1907. Доп. Т. 1. СПб., 1905. С. 347).

¹³ Николай Федорович Денисюк (1864–1917) – библиограф, музикальный критик, автор популярных очерков по литературе и экономическим вопросам.

Е.И. Булгакова¹⁴, Леонид Николаевич Воронов, А.Ф. Мейснер¹⁵, профессор Иван Алексеевич Сикорский¹⁶, Николай Ильич Березин¹⁷, Дмитрий Гавrilovich Булгаковский¹⁸, Петр Владимирович Верховский¹⁹, И.Н. Божеряхов²⁰, Станислав Станиславович Окрейц²¹,

¹⁴ Видимо, Булгакова Елена Ивановна (урожденная Токмакова) (1868, по другим данным, 1873–1945) – писательница, сотрудничала в журнале «Вопросы жизни» (Санкт-Петербург). См.: Булгакова Елена Ивановна. URL: https://zarubezhje.narod.ru/av/b_028.htm (дата обращения 24.05.2025).

¹⁵ Мейснер Александр Федорович (1865–1922) – из дворян, поэт, прозаик (см.: Мейснер Александр Федорович. URL: http://az.lib.ru/m/mejsner_a_f/text_1989_bio.shtml <дата обращения 24.05.2025>).

¹⁶ Иван Алексеевич Сикорский (1842–1919) – из семьи священника, российский психиатр, публицист, профессор Киевского университета Святого Владимира, почетный член Киевской духовной академии (*Ренников А.* Сикорский. URL: https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/sikorski_2008-06-27.htm <дата обращения 24.05.2025>).

¹⁷ Николай Ильич Березин (1866–1938) – русский географ и библиограф, писатель, книготорговец и букинист.

¹⁸ Дмитрий Гаврилович Булгаковский (1843 – после 1918) – православный священник, российский писатель, историк и фольклорист. Был одним из организаторов «Санкт-Петербургского попечительства о народной трезвости». Длительное время издавал журнал «Всероссийский вестник трезвости».

¹⁹ Петр Владимирович Верховский (Верховской) (1867–1940) – из дворян, окончил Морской корпус, произведен в мичманы (1888). В заграничном плавании на крейсере «Дмитрий Донской» в 1891–1893 гг. (см.: Верховский Петр Владимирович // Высшее чиновничество Российской империи: Краткий словарь / сост. С.В. Волков. Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. URL: <https://www.livelib.ru/book/180940/readpart-vysshee-chinovnichestvo-rossijskoj-imperi-sergej-volkov/~5> <дата обращения 24.05.2025>).

²⁰ Возможно, Иван Николаевич Божерянов (1852–1919) – писатель, историк, археолог. URL: <http://www.e-heritage.ru/Catalog>ShowPers/536> (дата обращения 24.05.2025).

²¹ Станислав Станиславович Окрейц (1836–1922) – из семьи чиновника, русский писатель, журналист, публицист, литературный критик, издатель журналов «Дешевая библиотека», «Луч», «Всемирный труд» и др. В 1903–1904 гг. Окрейц издавал журнал «Речь». В 1905 г. жил в одесском приюте для неимущих литераторов.

раввин Лейб Моисеевич Цирельсон²², Николай Николаевич Родзевич²³, Н.Н. Козьмин, Александр Николаевич Виноградский²⁴, Борис Михайлович Лобач-Жученко, Леонид Иванович Денисов²⁵, Николай Матвеевич Соколов²⁶, Константин Константинович Абаза²⁷, иеродиакон Воронежского Благовещенского Митрофанова монастыря Феофилакт Куницын, Генерального штаба подполковник Н.Л. Юнаков²⁸, В.В. Шелов, Федор Генрихович Мускатблит²⁹, Ва-

²² Лейб Моисеевич Цирельсон (1859–1941) – раввин, общественный деятель, один из крупнейших галахических авторитетов XX в. На протяжении нескольких десятилетий – главный раввин Бессарабии. Писал на иврите, идише, арамейском, а также русском и румынском языках.

²³ Николай Николаевич Родзевич (?–1919) – из дворян, русский педагог (директор Одесской гимназии) и общественный деятель, один из руководителей право-монархического движения в Одессе (*Степанов А.* Николай Николаевич Родзевич. URL: https://www.hrono.ru/biograf/bio_r/rodzovich.php <дата обращения 24.05.2025>).

²⁴ Александр Николаевич Виноградский (1874–1935) – из дворян, русский генерал и военный историк (Виноградский Александр Николаевич. URL: <http://www.grwar.ru/persons/person/1926> <дата обращения 24.05.2025>).

²⁵ Леонид Иванович Денисов (1866–1942) – епископ Русской православной церкви, епископ Каширский, викарий Московской епархии. Духовный писатель, церковный историк, специалист в области церковной археологии и иконографии.

²⁶ Николай Матвеевич Соколов (1860–1908) – из дворян, русский поэт, публицист неославянофильского толка, литературовед, литературный критик и переводчик, цензор Петербургского цензурного комитета, член Санкт-Петербургского комитета по делам печати. Соколов вызывал агрессивное неприятие не только в либеральном лагере, но и в националистических кругах.

²⁷ Константин Константинович Абазá (1841–1905) – из дворян, русский военный историк, писатель, педагог; автор популярных исторических очерков. Отставной полковник.

²⁸ Николай Леонтьевич Юнаков (1871–1931) – из дворян, военачальник Российской империи, военный историк, ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (1911–1914) (Юнаков Николай Леонтьевич. URL: <http://www.grwar.ru/persons/person/970> <дата обращения 24.05.2025>).

²⁹ Федор Генрихович Мускатблит (Мускатблит) (1878–1947) – из семьи врача, журналист, участник студенческого движения (Мускатблит Федор Генрихович. URL: http://az.lib.ru/m/muskatblit_f_g/text_1999_bio.shtml <дата обращения 24.05.2025>).

силий Иванович Иванов³⁰, Ал.И. Тарнавский³¹, Михаил Зотов, Сергей Андреевич Пальгунов, Ж. Шон, подполковник Заустинский, Генерального штаба полковник Е. Новицкий³², подполковник 88-го пехотного Петровского полка В.И. Селивачёв³³, Хвостов³⁴, генерал-майор Виктор Александрович Рейс³⁵, Михаил Иванович Ботьянов³⁶, капитан Генерального штаба В.Г. Болдырев³⁷, князь А.Г. Щербатов³⁸, Гуго Ванденберг, Ольга Константиновна Жандр

³⁰ Иванов Василий Иванович (1865–1912) – поэт и фельетонист.

³¹ Александр Иванович Тарнавский (1850–?) – преподаватель учительской семинарии, директор народных училищ Оренбургской губернии, статский советник.

³² Евгений Федорович Новицкий (1867–1931) – из дворян, русский военачальник, генерал-лейтенант. (Новицкий Евгений Федорович. URL: <http://www.grwar.ru/persons/person/505> <дата обращения 24.05.2025>).

³³ Владимир Иванович Селивачёв (1868–1919) – из дворян, русский военачальник, генерал-лейтенант Российской императорской армии, воен-спец РККА. Участвовал в Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войнах.

³⁴ Александр Михайлович Хвостов (1867–?) – из дворян, русский военный деятель, генерал-лейтенант Генерального штаба (1917), военный востоковед (Хвостов Александр Михайлович. URL: <http://www.grwar.ru/persons/person/1374> <дата обращения 24.05.2025>).

³⁵ Виктор Александрович Рейс (1864–1908) – из дворян, русский генерал-майор, участник Русско-японской войны, командующий 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (Рейс Виктор Александрович. URL: <http://www.grwar.ru/persons/person/9833> <дата обращения 24.05.2025>).

³⁶ Михаил Иванович Ботьянов (Ботьянов) (1835–1916) – из дворян, русский военачальник, генерал от инfanterии (06.12.1899), герой покорения Кавказа, обороны Севастополя и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (Ботьянов Михаил Иванович. URL: <http://www.grwar.ru/persons/person/2473> <дата обращения 24.05.2025>).

³⁷ Василий Георгиевич Болдырев (1875–1933) – из крестьян, русский военный и государственный деятель, военачальник, генерал-лейтенант. Участник антибольшевистского сопротивления на Востоке России. Верховный главнокомандующий вооруженных сил Российского государства (24 сентября – 18 ноября 1918).

³⁸ Князь Александр Григорьевич Щербатов (1850–1915) – из дворян, президент Московского общества сельского хозяйства, камергер (1899), учредитель и председатель «Российского союза торговли и промышленности» (Щербатов Александр Григорьевич. URL: <https://web.archive.org/web/20141030110333/http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=1207> <дата обращения 24.05.2025>).

(Елиашевич)³⁹, Карл Каутский⁴⁰, Л. Памирцев, М.П. Павлович⁴¹, И.А. Любич-Кошунов⁴².

Итак, нам удалось установить авторство 62 «дешевых книжек», а самих авторов оказалось 47 человек, из них 16 – дворяне, сословие еще 16 – не указано, священнослужителей – 5, по одному – из казаков и крестьян; при этом военными из них являлись 11 человек. Авторы, чьи политические взгляды удалось определить, распределились следующим образом: 5 правых, монархистов; 4 марксиста; 2 либерала.

Перейдем к анализу содержания «дешевых книжек». Данный раздел – «содержание» или «оглавление» – есть у 55 из 137 выявленных нами «дешевых книжек для народа» о Русско-японской войне.

Мы посчитали упоминание тем, занесенных в данный раздел, которые распределились следующим образом: Япония – 40, бои у Порт-Артура и герои войны – по 24, бои под Ляояном – 21, война – 19, подвиг «Варяга» и «Корейца» при Чемульпо (бой при Чемульпо) – 16, флот – 15, начало боевых действий (вероломство японцев) и назначение А.Н. Куропаткина – по 14, Корея – 13, Россия на Дальнем Востоке – 12, действия Владивостокской эскадры крейсеров – 12, Родина/Русь – 12, Манифест Николая II о начале войны – 11, дипломатия накануне войны – 10, Порт-Артур – 9, гибель «Петропавловска» и С.О. Макарова – 9, погибшие – 9, казаки – 9, вице-адмирал В.И. Скрыдлов – 8, война на суше – 7, Тюренченский бой – 7, Манчжурия – 6, союзники

³⁹ Ольга Константиновна Жандр (в замужестве Елиашевич) (? – после 1917) – из дворян, проживала в Литве, была поэтессой.

⁴⁰ Карл Иоганн Каутский (1854–1938) – немецкий экономист, историк, публицист и социал-демократический политик. Теоретик марксизма, редактор четвертого тома «Капитала» К. Маркса.

⁴¹ Михаил Лазаревич Вельтман (псевдонимы Михаил Павлович Павлович (Волонтер) (1871–1927) – из образованной еврейской семьи, российский публицист, историк-востоковед, революционер, социал-демократ, военный корреспондент (*Кузнецова Н.А.* Павлович // Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е.М. Жукова. М.: Советская энциклопедия, 1973–1982).

⁴² Иоасаф Арианович Любич-Кошурев (1872–1937) – из бедной еврейской семьи, писатель, очеркист (*Никитина И.В.* Любич-Кошурев Иоасаф Арианович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. URL: http://az.lib.ru/l/ljubichkoshurow_i_a/text_1994_bio.shtml <дата обращения 24.05.2025>).

Японии (Великобритания, США, Запад) – 6, военные силы Японии и причины войны – по 5, герои-священники – 5, Китай и пожертвования – по 4, Владивосток – 4, Сыквантун – 4, бой при Бафанду – 3, адмирал С.О. Макаров – 3, добровольцы – 3, бои на реке Ялу – 3, высадка японцев на Ляодунский полуостров – 3, сестры милосердия – 3, японские пленные – 3, генерал Куроки – 3, Цусима – 3, общественное мнение – 3, враги России / космополиты / эгоисты – 3, «желтая опасность» / панмонголизм – 2, подвиг «Ретвизана» в начале войны – 2, генерал Ф.Э. Келлер – 2, финансы войны – 2, военачальники – 2, гибель японских крейсеров и броненосца – 2, бой у Чонжу – 2, шпионы – 2, мобилизация – 2, контр-адмирал Р.Н. Вирен – 2, вице-адмирал З.П. Рожественский – 2, патриотический подъем в начале войны – 1, братья-славяне – 1, наместник на Дальнем Востоке и главнокомандующий русских войск в Порт-Артуре и Маньчжурии Е.И. Алексеев – 1, Квантунская область – 1, подводные лодки – 1, воздушные шары – 1, укрепления – 1, Монголия – 1, потопление японских пароходов – 1, Тибет – 1, генерал П.К. фон Ренненкампф – 1, из писем нижних чинов – 1, хунхузы – 1, перевал Янзелин – 1, Мукден – 1, инцидент в Северном море – 1, Тихоокеанская эскадра – 1, Тайцзыхе – 1, Янтай – 1, русские пленные – 1, Симучен – 1, Камчатка – 1.

Подведем некоторые итоги.

Так называемые дешевые книжки представляют особую группу литературы, массово выпускаемой, что называется, «на злобу дня». Появление подобного рода изданий было вызвано резко возросшим интересом российской публики ко всему, что связано с Японией и Дальним Востоком. Представляли они собой небольшие по объему (до полусотни страниц каждая) и цене (до рубля за штуку) книжки, выпускавшиеся издательствами Москвы, Петербурга и ряда других городов. Общая тема для всех них была Япония, Дальний Восток, Русско-японская война, а жанры самые различные: сказки, описания, рассказы, хроники, географические справочники и карты.

По своему содержанию «дешевые книжки» чаще всего представляли сборники различных материалов; источники, которые послужили их основой, обычно не указывались. Это были официальные донесения; телеграммы и статьи военных корреспондентов; материалы прессы (отечественной и иностранной); различные словари и справочники; монографии и научные статьи. Авторы только двух книжек, исследовавшихся нами, указали источники, которыми они

пользовались: Белоконский И.П. «Как живут японцы»⁴³ и Мускат-блит Ф. «Битва при Ляояне: Критический очерк»⁴⁴.

Весьма вероятно, что те же источники легли в основу большинства «дешевых книжек», так как современники сообщали о небольшом количестве доступных материалов о Японии и Дальнем Востоке. «Началась война, и россиян охватило вполне законное стремление познакомиться с своим внешним врагом на далёкой окраине. Книжный рынок, однако, оказался не на высоте своего положения. 2–3 капитальных труда, скучнейшие рассказы о приключениях “знаменитых и незнаменитых” иностранных туристов – вот все, что мог предложить он пытливому уму читателя. Не было даже порядочной карты»⁴⁵. Война, несомненно, пробудила интерес общества к данной проблематике, и количество доступных материалов резко возросло и продолжало увеличиваться и после подписания мирного договора.

⁴³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. СПб.: Акционерное издательское общество «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон», 1890–1907; Настольный энциклопедический словарь. М.: Изд. товарищества «А. Гранат и Ко», 1895–1901; Большая энциклопедия / под ред. С.Н. Южакова, П.Н. Милюкова. СПб., 1902–1903; *Реклю Э.* Земля и Люди. Кн. 4. Т. 6–7. СПб., 1898–1899; *Южаков С.Н.* Доброволец «Петербург». СПб., 1894; *Позднеев Д.* Настоящее и будущее Японии по взглядам европейской литературы. СПб., 1896; *Покотилов Д.Д.* Корея и японо-китайское столкновение. СПб., 1895; *Шрейдер Д.И.* Япония и японцы. СПб., 1895; *Гончаров И.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1: Фрегат «Паллада». СПб., 1899; *Хаекина Л.* Народное образование в Японии // Вестник воспитания. 1903. № 7; *Черевкова А.А.* Очерки современной Японии. СПб., 1898; Азия: Иллюстрированный географический сборник. М., 1900; *Пеликан А.* Прогрессирующая Япония. СПб., 1895; *Булгакова Е.И.* Япония и японцы. М., 1899; Русские ведомости. 1901. № 28, 29, 52; *Хаханов А.* Японский язык // Русские ведомости. 1904. № 47; *Гессе-Вартег Э., фон.* Япония и японцы / пер. со 2-го немецкого изд. М.А. Шрейдер. СПб., 1902; *Кнорринг Ф.И.* Из Америки в Японию // Вестник Европы. 1904. № 1, 2; *Богуславский Н.Д.* Япония: Военно-географическое и статистическое описание / Издано при содействии Военного Министерства. СПб., 1903.

⁴⁴ Официальные донесения А.Н. Куропаткина и генерал-лейтенанта Сахарова, маршала Ояма и генералов Куроки, Оку и Нодзу; газеты: «Русский инвалид», «Новости дня», «Русский листок», «Русское слово», «Русские ведомости»; «Московские ведомости»; «Новое время»; «Южное обозрение»; «Times»; «Matin».

⁴⁵ *Владимирцев В.* К войне с Японией (Несколько слов о «дешевых» книжках) // Самарская газета. 1904. 4 июля. С. 2.

Весьма важным представляется вопрос о том, кто стоял за той информацией, которая содержалась в «дешевых книжках» и представлялась публике. Решить его полностью для нас сейчас крайне сложно, необходима кропотливая работа в архивах по установлению тех лиц и организаций, на чьи деньги выпускались подобного рода издания, ибо «кто платит, тот и заказывает музыку». Однако, уже из имеющихся у нас сведений, мы можем дать первоначальный анализ данного вопроса. «Дешевые книжки» представляют весь российский политический спектр начала ХХ в. – от крайне правых, черносотенных группировок, до откровенно марксистских работ. Четко выделяются такие группы: «частная инициатива», «военные», «правые», «левые», «благотворительные общества», одна книжка принадлежит «партии генерала Стесселя». Выделение подобного рода структур, на наш взгляд, оправдано, хотя, конечно, существовали и другие, а также промежуточные, комбинированные формы. В целом, необходимо отметить большое значение «частной инициативы». Авторы, в основном придерживающиеся либеральных воззрений, лояльные к власти, стремились сыграть на том всплеске интереса общества к событиям на Дальнем Востоке, удовлетворить его и заработать какие-то деньги. Часто подчеркивалось, что часть прибыли, либо вся выручка от издания направляется на «усиление российского флота», «в кассу Красного Креста», «в помощь больным и раненым воинам», «в пользу детей-сирот» и т. д. Авторы и издатели таким образом выражали свои патриотические чувства, стремились помочь своей стране в борьбе с дальневосточным врагом. 25 февраля 1904 г. представители столичной печати поднесли Николаю II всеподданнейший адрес «издателя газеты «Новое Время» Суворина и редактора газеты «Санкт-петербургские Ведомости» Столыпина». Там были такие строки: «Верная духу Родины, печать гордится выпавшою ей высокою честью быть вестницей и истолковательницей того величественного подъема несокрушимой духовной силы, которой ответил русский народ на брошенный ему вызов. <...> Мы верим, Государь, Провидение уготовало Вам славный жребий – вести русскую мощь и доблесть к совершенению великого народного дела. Да поможет Вам в этом Бог»⁴⁶.

В брошюрах, выпущенных «военными», содержалась информация, направленная на укрепление боевого духа солдат и офицеров, расширения их кругозора о будущем противнике и театре ведения боевых действий, а позднее, и анализ боевого опыта Русско-японской войны.

⁴⁶ Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / под ред. И.А. Протопопова. Самара, 1904. С. 240.

В основном выпуск «дешевых книжек» пришелся на 1904 год, и самым популярным сюжетом было начало войны. Данное обстоятельство может быть напрямую связано с тем, что предназначались они для народа, а ему надо было в первую очередь объяснить, почему вспыхнула война, ради каких целей она ведется, кто является нашим противником. По мнению Л.В. Жуковой, для формирования образа врага характерны различные приемы, используемые российскими СМИ: «подмена понятий»; «искажение информации» или ее избыток; представления о коварстве и жестокости японцев, и вместе с тем «о слабости врага, о тяжелом его положении и неумении вести военные действия», о расовом превосходстве «белых» над «желтыми»; идея войны как борьбы православной Руси с языческой Японией; «исключение подобия» [Жукова 2005, с. 261–263].

Достигли ли своих целей данные издания? По-видимому, нет, ибо известно, что война была не популярна, и народ ее не понимал и не принимал (первоначальный подъем патриотических чувств никак не связан с подобного рода литературой, хотя она и играла на этих чувствах и настроениях) [Айрапетов 2015]. «Дешевые книжки» позволяют проследить динамику изменения общественного мнения о войне, официальной пропаганды, взглядов политических группировок, так как служили одним из важных источников информационного обеспечения Русско-японской войны.

Литература

- Айрапетов 2015 – *Айрапетов О.Р.* На пути к краху: Русско-японская война 1904–1905 гг.: военно-политическая история. М.: Алгоритм, 2015. 494 с.
- Брагина 2020 – *Брагина А.А.* Русско-японская война в презентациях российских популярных журналов начала XX в. // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, образования: Материалы Международной конференции, Ярославль, 5–6 марта 2020 г. / под науч. ред. О.С. Нагорной. Ч. 2. Ярославль: Ярославский государственный педагогический ун-т им. К.Д. Ушинского, 2020. С. 62–69.
- Воробьевы 2008 – *Воробьевы Э.А.* Формирование образа героя в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. (на материалах газет «Дальний Восток», «Сибирская жизнь», «Вестник Маньчжурской армии») // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. Т. 7. Вып. 1. Новосибирск, 2008. С. 141–146.
- Жукова 2005 – *Жукова Л.В.* Формирование «образа врага» в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2003/2004. М., 2005. С. 261–263.

- Рыженков 2001 – Рыженков М.Р. Патриотические газеты и журналы писали... о начинающейся великой борьбе Георгия Победоносца с драконом // Военно-исторический журнал. 2001. № 9. С. 63–64.
- Шишкоина 2007 – Шишкоина Л.И. Русско-японская война в зеркале петербургской газетной периодики // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петербургские чтения, 2006: сборник научных трудов / науч. ред. Е.М. Таборисская. СПб., 2007. С. 288–293.

References

- Airapetov, O.R. (2015), *Na puti k krakhu. Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg.: voenno-politicheskaya istoriya* [On the way to failure. The Russo-Japanese War 1904–1905: Military political history], Algoritm, Moscow, Russia.
- Bragina, A.A. (2020), “*Russko-yaponskaya voina v reprezentatsiyakh rossiiskikh populjarnykh zhurnalov nachala XX v.*” [The Russo-Japanese War in Representations of Russian Popular Magazines of the Early 20th Century], in Nagornaya, O.S., ed., *Voprosy otechestvennoi i zarubezhnoi istorii, politologii, sotsiologii, obrazovaniya: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, Yaroslavl’, 5–6 marta 2020 g.* [Questions of Russian and foreign history, political science, sociology, education. Proceedings of the International Conference, Yaroslavl, March 5–6, 2020], part 2, Yaroslavl’skii Gosudarstvennyi Pedagogicheskii Universitet im. K.D. Ushinskogo, Yaroslavl’, Russia, pp. 62–69.
- Ryzhenkov, M.R. (2001), “*Patrioticheskie gazety i zhurnaly pisali... o nachinayushcheisya velikoi bor’be Georgiya Pobedonotsa s drakonom*” [Patriotic newspapers and magazines wrote... about the beginning of the great struggle of St. George the Victorious with the dragon], *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 9, pp. 63–64.
- Shishkina, L.I. (2007), “*Russko-yaponskaya voina v zerkale peterburgskoi gazetnoi periodiki*” [The Russo-Japanese War in the Mirror of St. Petersburg Newspaper Periodicals], in Taborisskaya, E.M., ed., *Pechat’ i slovo Sankt-Peterburga: Peterburgskie chteniya, 2006: sbornik nauchnykh trudov* [Printing and word in Saint Petersburg. Petersburg’s readings, 2006. Collected articles], Saint Petersburg, Russia, pp. 288–293.
- Vorob’eva, E.A. (2008), “*Formirovanie obraza geroya v Russko-yaponskuyu voinu 1904–1905 godov (na materialakh gazet ‘Dal’niy Vostok’, ‘Sibirskaya zhizn’, ‘Vestnik Man’chzhurskoi armii’)*” [Formation of the image of a hero in the Russo-Japanese War of 1904–1905 (based on materials from the newspapers “Far East”, “Siberian Life”, “Bulletin of the Manchuria Army”)], *Vestnik NGU. Seriya: Istorika. Filologiya*, vol. 7, iss. 1, Novosibirsk, Russia, pp. 141–146.
- Zhukova, L.V. (2005), “*Formirovanie ‘obraza vraga’ v russko-yaponskoi voine 1904–1905 gg.*” [Formation of the “image of an enemy” in the Russo-Japanese War of 1904–1905], in *Voenno-istoricheskaya antropologiya: Ezhegodnik, 2003/2004* [Military-historical anthropology, yearbook, 2003/2004], Moscow, Russia, pp. 261–263.

Информация об авторе

Александр О. Буранок, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; buranok@yandex.ru

Information about the author

Aleksandr O. Buranok, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; buranok@yandex.ru

УДК 82:323(470)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-83-94

Между «чистыми комбинаторами»
и «великим комбинатором»:
из истории советской политической терминологии
1920-х гг.

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется советская политическая терминология 1920-х гг. В это время Л.Д. Троцкий и «левая оппозиция» вела борьбу с партийным руководством, которое возглавлял И.В. Сталин. Конкретная политическая ситуация потребовала от оппозиционеров интеллектуального осмысления проблемы аппаратной формы борьбы, с которой марксистская теория ранее не сталкивалась. Троцкий использовал для новой теории ряд новых политических терминов. В частности, термины «комбинация», «комбинаторство», «комбинатор», обозначавшие тех, кто борется не за классовые интересы, а за аппаратную власть. Также в статье ставится вопрос о связи этих терминов с «великим комбинатором» – протагонистом романов И.А. Ильфа и Е.П. Петрова.

Ключевые слова: советская политическая терминология, советская литература, «комбинация», «комбинаторство», «комбинатор», Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, И.А. Ильф, Е.П. Петров

Для цитирования: Одесский М.П. Между «чистыми комбинаторами» и «великим комбинатором»: из истории советской политической терминологии 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоznание. Культурология». 2025. № 9. С. 83–94. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-83-94

Between “proper combinators”
and the “great combinator”.
From the history of Soviet political terminology
of the 1920s

Mikhail P. Odesskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the Soviet political terminology of the 1920s. At that time, L. Trotsky and the “left opposition” were fighting the party leadership, which was headed by I. Stalin. The specific political situation demanded from the oppositionists an intellectual understanding of the issue of the hardware form of struggle, which Marxist theory had not previously encountered. Trotsky used a number of new political terms for the new theory. In particular, the terms “combination”, “combinatorship”, and “combinator” denoted those who were fighting not for class interests, but for hardware power. The article also raises the question of the connection of those terms with the “great combinator” – the protagonist of the novels by I. Ilf and E. Petrov.

Keywords: Soviet political terminology, Soviet literature, “combination”, “combinatorship”, “combinator”, L. Trotsky, I. Stalin, I. Ilf, E. Petrov

For citation: Odesskii, M.P. (2025), “Between ‘proper combinators’ and the ‘great combinator’. From the history of Soviet political terminology of the 1920s”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 83–94, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-83-94

К середине 1920-х гг. коммунистическая партия СССР столкнулась с вызовами, которые ранее не прогнозировались и не описывались в рамках официальной теории. Имеются в виду не только сложные внешне- и внутриполитические проблемы, но прежде всего жесткая борьба, разгоревшаяся между наследниками В.И. Ленина. Это обусловило активное формулирование новых концептов и новых идеологем.

Резонансная роль досталась здесь Л.Д. Троцкому, в ту пору неуклонно утрачивавшему прежнюю власть. По наблюдению А.Л. Юрганова, вехой для бывшего вождя следует считать апрельский пленум ЦК ВКП(б) 1926 г., когда он осознал, что «аппаратная война *идет уже полным ходом*» [9, с. 113], что И.В. Сталин, на время заключивший с ним союз-соглашение, добился желаемых результатов, укрепил свои позиции в партии и открыто взял курс на единовластие. Троцкий стремился найти понятийный инструмент

мент для объяснения «сталинской механики подавления», того, что она, как считал «левый» оппозиционер, не была «последовательна в защите идей или принципов, ни идей, ни принципов нет в помине: стратегия подавления была нацелена на захват власти <...>» [Юрганов 2022, с. 121]. Или другими словами: «<...> Сталин как практик изначально держался той “середины”, в которой, по излюбленной им марксистской диалектике, можно всегда обнаружить логику перехода одного политического смысла в противоположный» [Юрганов 2022, с. 126].

Соответственно, цель данной статьи – анализ «логики перехода одного политического смысла в противоположный» на уровне идеологем; а именно: функционирование однокоренных слов «комбинация», «комбинирование», «комбинатор», которые Троцкий использовал для описания специфики политического мышления своего антагониста.

* * *

В июле 1926 г. Троцкий обобщил накопившиеся претензии к партийному руководству по ряду конкретных пунктов, в том числе связанных с концессиями (бывший председатель Реввоенсовета с 1925 г. возглавлял Главный концессионный комитет): «Только неуважением к общественному мнению партии можно объяснить попытку <...>, – путем намеков, инсинуаций и комбинаций – приписать нам сочувствие или терпимое отношение к таким взглядам, как сдача в концессию государственной промышленности <...>¹».

Пока понятие «комбинации», казалось бы, не заслуживает внимания: оно помещено в ряд с «намеками» и «инсинуациями» и выглядит как окказионально подобранные слова для описания недобросовестных пропагандистских манипуляций. Однако в сентябре 1926 г. в тезисах «К Пятнадцатой партийной конференции» оно приобретает отчетливо концептуальный характер.

Анализируя текст «К Пятнадцатой партийной конференции», А.Л. Юрганов вскрыл в них определение «такого явления, как политическая двойственность»:

Троцкий уловил, что в политической игре Сталина нет никакого политического содержания – политической линии, – ее успешно заменяет комбинаторство. А вот реальное содержание вносят как раз те представители партии, которых сталинская фракция считает левыми или правыми. Троцкий угадал, что Сталин при случае повернется в

¹ Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927: В 4 т. Т. 2. М.: Терра–Terra, 1990. С. 27.

любую сторону «содержания», если это будет ему выгодно для удержания власти, но отнюдь не потому, что таковы его политические взгляды, имеющие непреложные основания [Юрганов 2022, с. 123].

К такого рода выводам Троцкий пришел, проведя классовую диагностику своих оппонентов:

Официальная руководящая группа представляет собою блок, стержнем которого является аппаратная фракция Сталина. В этом блоке три основных элемента: одни держат курс на хозяйствика, другие – на тред-юнионизм, третьи – чистые аппаратчики – объединяют блок и, застрачивая «хозяйчиков» и тред-юнионистов оппозицией, стремятся удержать всю группировку от слишком резкого ската вправо. Организационное руководство блоком принадлежит чистым аппаратчикам, лишенным политической линии и заменяющим ее комбинаторством. Реальное содержание вносят в политику представители двух определенных социальных уклонов. Чистые комбинаторы со Сталиным во главе служат как бы тормозом при блоке, тенденции которого влекут его вправо².

Актуальная «фракция Сталина» включает «три основных элемента»: 1) сторонники развития нэпа (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков); 2) профсоюзные деятели (М.П. Томский); 3) «чистые аппаратчики» (Сталин и его окружение). У первых двух «элементов» блока есть «реальное содержание» – правые «социальные уклоны», напротив, у третьего отсутствует социально-политическое «содержание», которое заменяет организационное «комбинаторство» и которое закономерно акцентировал А.Л. Юрганов.

Подобный блок таит, можно сказать, диалектическое противоречие.

С одной стороны, без третьего «элемента» партийное руководство может окончательно скатиться «вправо», что «левой» оппозиции классово неприемлемо: «Надолго сохранить, однако, видимость единства руководящей группы не удастся. Логика классовых интересов могущественнее аппаратной дипломатии и сталинского комбинаторства»³.

С другой стороны, уникальность политической ситуации заключается в том, что «чистые аппаратчики» могут со временем оказаться могущественнее и опаснее «правых». Этот поворот обозначен новыми словами: «комбинаторство», которое более негативно

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 88.

окрашено, чем «комбинации», и даже – «чистые комбинаторы со Сталиным во главе».

В 1927 г. употребление идеологемы «комбинаторство» и т. п. закрепляется: учащается и терминологизируется. Она востребована преимущественно при характеристике внешнеполитических событий – провала всеобщей английской стачки 1926 г. и резни коммунистов в апреле 1927 г., устроенной лидерами Гоминьдана. Троцкий возлагал вину за обе глобальные неудачи, трагически замедливших ход мировой революции, – на Сталина и Бухарина, которые рекомендовали иностранным коммунистическим партиям не обострять отношения и не нарушать союз с другими антиправительственными силами. По мнению Троцкого, эта линия советского руководства – сплошная «комбинация» и «комбинаторство»:

Другой путь развития может открыться только через руководящую роль пролетариата в национально-демократической революции. <...> Без этого разговоры о некапиталистических путях развития являются прикрыванием правой меньшевистской политики лево-эсеровской дореволюционной фразеологией – а это есть наиболее отвратительная комбинация из всех, какие только можно себе представить («Классовые отношения китайской революции», 3 апреля 1927 г.).

Уговаривание отдельных гоминьдановских «лидеров», комбинаторство, противопоставление лица лицу, сочетание их – вся эта закулисная механика, недостаточность и бессилие которой обнаружены сейчас вполне, будет заменена другим, куда более серьезным, настоящим революционно-классовым отбором» («О лозунге Советов в Китае», 16 апреля 1927 г.).

В Англии, как и в Китае, линия была направлена на сближение с «солидными» верхами, на личные связи, на дипломатическое комбинаторство ценою фактического отказа от углубления пропасти между революционными или левеющими массами и предательскими вождями («Китайская революция и тезисы тов. Сталина», 7 мая 1927 г.).

При полном молчании всей печати и молчании Коминтерна втихомолку подготавливается тем временем новая оппортунистическая комбинация в духе всей китайской политики Сталина – Бухарина («Речь на Президиуме ИККИ», 27–28 сентября 1927 г.)⁴.

⁴ Архив Троцкого: В 3 т. Т. 1. Харьков: ОКО, 1999. С. 51, 72, 168, 317.

Похоже, термин взяли на вооружение и другие «левые». Так, Г.Е. Зиновьев пишет 6 октября 1927 г. о китайских событиях (слово «комбинация» он закавычивает, возможно, как «чужое»): «Что произошло нового с тех пор? Некоторые, сравнительно еще очень небольшие, успехи Е Тина и Хэ Луна. Что представляет собою движение этих последних – мы еще хорошенко не знаем. <...> Е Тин и Хэ Лун еще недавно обсуждали какую-то новую “комбинацию” насчет союза с гоминьдановскими генералами (“К вопросу о нынешнем положении в Китае”)⁵.

Исподволь компрометируя сталинистов, Троцкий также прилагает свою дефиницию к заграничным, безоговорочным врагам:

Мелкобуржуазное руководство Гоминьдана колеблется, опасаясь слишком бурного развития массового движения. Всем прошлым своим мелкобуржуазные радикалы привыкли больше смотреть вверх, на комбинации разных «национальных» групп, чем вниз, на подлинную борьбу миллионов («Верный путь», 11 мая 1927 г.)⁶.

При анализе «достижений» особенно для него одиозного Англо-русского комитета («Англо-русский комитет сотрудничества» координировал деятельность английских и советских профсоюзов, ликвидирован в 1927 г.) Троцкий дал генерализованную картину Коммунистического Интернационала в версии Сталина – Бухарина, снова нажимая на слово «комбинаторство»:

Значение рабочих делегаций чисто вспомогательное. Основная наша связь с английским рабочим классом – через компартию. Найти дорогу к рабочим массам, организованным в трендюони, можно не комбинаторством, не фальшивыми сделками верхов, а правильной революционной политикой британской компартии, Коминтерна, Профинтерна, ВЦСПС. Завоевать массы может лишь выдержанная революционная линия. <...> Если кто пытался перепрыгнуть через действительно необходимые и неизбежные ступени, так это Stalin и Бухарин. Им казалось, что они могут хитроумным маневрированием, комбинаторством перевести британский пролетариат в старший класс помимо компартии или, точнее, при ее некотором содействии. <...> Оппортунизм всегда начинает с этого. Но после того, как методы дипломатии и комбинаторства опишут полный круг, оппортунизм возвращается к разбитому корыту» («Чего ждали и что получили? (Баланс Англо-Русского комитета)» (25 сентября 1927 г.)⁷.

⁵ Там же. С. 332.

⁶ Там же. С. 186.

⁷ Там же. С. 313.

Своего рода итогом можно считать социальный прогноз (после 18 декабря 1927 г.), в котором Троцкий синтезировал магистральный термин для определения сталинизма, – «термидор» со своей «комбинацией»:

Первым (но не единственным) условием победы термидора является такой разгром оппозиции, при котором не было бы нужды «бояться» ее. В партийном и государственном аппарате «чистые дельцы», успевшие переплестись всеми узами с новым буржуазным обществом, получили бы перевес над чистыми политиками, центристами, сталинскими аппаратчиками, которые пугают дельцов оппозицией и этим удерживают свою временную «самостоятельность». Что стало бы в этом случае с центристами сталинского типа – вопрос второстепенный. Одни из них отшатнулись бы, может быть, влево. Другие, более многочисленные, просто вышли бы из игры. Третий отказались бы от нынешней мнимой «самостоятельности» (центризма) и вошли бы в новую, чисто термидорианскую комбинацию («На новом этапе»)⁸.

* * *

Носители современного русского языка часто не отдают себе отчет в том, что слова «комбинаторство» и т. п. несколько отклонялись от языковой нормы (см. подробней [Одесский, Фельдман 2015, с. 52–63]). Обратившись к словарям русского языка от В.И. Даля до Д.Н. Ушакова, легко убедиться, что слово «комбинатор» снабжено пометкой «разговорное» и обыкновенно толкуется через слова «комбинировать» и «комбинация». В свою очередь, слова «комбинировать» и «комбинация» имеют два регулярных значения: «комбинировать» – «сочетать, соединять» и «вычислять, сопоставлять различные данные»; «комбинация» – «сочетание, соединение» и «взаимно обусловленное расположение ряда предметов». Однако для случая Троцкого релевантно другое значение: «комбинировать» – «строить комбинаций» с пометкой «без дополнения» (например, «комбинировать, как бы подешевле приобрести шубу») и «комбинация» – «план, замысел, что-нибудь предпринимаемое с какими-нибудь практическими целями путем создания какого-нибудь нового соотношения предметов, явлений, лиц». Это значение – в отличие от двух нормативных – опять снабжено пометкой «разговорное» (или «переносное»).

Напротив того, для языка идиш слова «комбинатор», «комбинация» со значением «аферист», «афера» вполне соответствуют литературной норме. Толковый словарь начала XX в. содержит

⁸ Там же. С. 355.

слово «комбинатор», характеризуя его как лексическое заимствование (“lat.”) и интерпретируя как “mench velkher makht farshidene handls-kombinatsyes”, «человек, совершающий ловкие торговые комбинации»⁹. Аналогично «Русско-еврейский (идиш) словарь» (основная работа над ним велась до Великой Отечественной войны и отражает языковую норму конца 1920–1930-х гг.) – наряду с «комбинацией звуков» и «шахматной комбинацией» – фиксирует значение «ловкая комбинация»¹⁰. Итак, словари свидетельствуют: для конца XIX – первой трети XX в. в русском контексте «комбинация» – разговорное употребление слова, а в идиш – нормативное.

Проникая в русский язык, слова «комбинация», «комбинатор» – со значением «плутовство» – явно сохраняли «национальные» коннотации. В 1900 г. в журнале «Театр и искусство» (№ 84/86) опубликована повесть «Туркестанская комбинация» с подзаголовком «Из воспоминаний провинциального актера» (автор – Михаил Ниротморцев, псевдоним – «Ниръ»). Заглавный герой – «провинциальный актер» – рассказывает, как конкурент выжил его из некоего туркестанского губернского города, воспользовавшись тем, что у рассказчика проблемы с паспортом и он не имеет права находиться в губернском городе. В finale разочарованный рассказчик мечтает о том, чтобы его следующая «комбинация» была удачнее. Заглавие повести – «Туркестанская комбинация» – «закавычено», выражая стилистическую маркированность слова «комбинация». Бюрократические злоключения «провинциального актера» такого свойства, что хотя в тексте слово «еврей» не фигурирует и фамилия героя не упоминается, но никакого сомнения в его национальной принадлежности не возникает.

Другой яркий пример – газетная статья 1906 г. «Новая финансовая комбинация», подписанная «М. М.»:

Таким образом, с внешней стороны эта финансовая комбинация с векселями представляет собой странное и непонятное явление. Если же заглянуть в сущность ее, то легко убедиться, что это мероприятие чревато тяжелыми последствиями. Опутывая нас последовательно за круговой дуг за друга ответственностью, Мендельсон и Ко ведут всю страну к национальному порабощению. Государственный банк уже почти всецело в руках его, так как владеет его векселями на 400 млн руб., которые он имеет право представить к оплате в любую минуту. Получив теперь векселя и частных банков, синдикат иностранных банки-

⁹ Fremd-verter-bukh / Tsunoyfgeshtelt durkh A.B. Rozenshteyn. Warshe, 1907. 5 Auf. S. 226.

¹⁰ Русско-еврейский (идиш) словарь. М.: Русский язык, 1984. С. 209.

ров приобретает власть над всеми кредитными учреждениями страны. Вопрос этот чрезвычайно важный. Всякое порабощение отдельной или целой страны начинается с порабощения ее сначала на экономической и финансовой почве. Отсюда до полного закрепощения всего один только шаг. Бюрократия благополучно довела Россию до первого этапа и последовательно продолжает вести ее дальше по тому же пути <...> («Русь», 1906 г., 7 (20 марта).

В 1914 г. слово «комбинация» – в близком значении – прозвучало в эпистолярном диалоге В.В. Розанова и отца Павла Флоренского. Раздосадованный поражением в деле Бейлиса, Розанов искал способ перевести на русский язык главную «иудейскую тайну» – книгу «Зоар», а его образованный корреспондент не советовал: «Конечно, из Зогара многому можно научиться, и было бы полезно, чтобы он был переведен. Но издание такое надо делать втиши и на средства какого-ни~~будь~~ мецената <...> Есть, правда, иная комбинация: сделать перевод с французского. Но тут явятся неизбежные вопросы: насколько ему можно доверяться, тем более что в подписке на него принимают участие разные Ротшильды, раввины и т. п. господа»¹¹.

Контекст говорит сам за себя. И здесь нет сомнений в том, что для обоих участников диалога слово «комбинация» маркировано как еврейское, недвусмысленно отражающее их отношение. Необходимо также подчеркнуть, что у Флоренского с Розановым «комбинация» возникает в доверительной и несколько иронической переписке, так что до подъема в высокую литературу еще было далеко.

На уровне литературных аллюзий слово «комбинация» тоже не нейтрально. К примеру, оно функционирует в качестве лейтмотива одного из основных персонажей романа Шолом-Алейхема «Блуждающие звезды» (1909–1911). Это – Нисл Швалб (в другой транскрипции – Ниссель Швальб), который проживает в Лондоне и становится антрепренером актера Лео Рафалеско.

«По своей основной профессии он агент»¹². Это в художественном мире Шолом-Алейхема – не столько «профессия», сколько современный еврейский тип, противоположный мечтательным обитателям местечка. «Агент» относительно свободен от традиций, перемещается по миру, а кроме того, склонен к аферам, по термино-

¹¹ Розанов В.В. Литературные изгнанники. Кн. 2: П.А. Флоренский, С.А. Рачинский, Ю.Н. Говоруха-Отрок, В.А. Мордвинова. М.; СПб.: Республика; Росток, 2010. С. 16.

¹² Шолом-Алейхем. Собр. соч.: В 6 т. М.: Художественная литература, 1959. Т. 2. С. 312.

логии Шолом-Алейхема – к «комбинациям». Ведь одной профессией «агента» не прожить. Слово «комбинация» – постоянный эпитет Швалба: он устраивает «блестящую комбинацию»¹³, «различные комбинации»¹⁴, «новую комбинацию»¹⁵, а глава, где представлено развернутое описание ловкого «агента», так и названа – «Человек с комбинациями»¹⁶.

Однако, как указывалось [А.М.П.: Памяти А.М. Пескова 2013, с. 542–544], 6 ноября 1926 г. «Красная газета» публикует фельетон журналиста П. Черского (П.Ф. Червинский), озаглавленный «Великий комбинатор»: в нем очерчен «аферист с идеями», «соучастник большинства растрат», специальность которого – «комбинации», извлечение выгоды из циркуляции призрачных бумажных проектов. Никаких национальных намеков при этом нет.

Учитывая последний пример, можно заключить, что если в начале XX в. слово «комбинация» еще воспринимается как «еврейское», то, похоже, к середине 1920-х гг. оно уже переместилось в русский язык – со статусом «разговорное», «газетное».

* * *

Итак, ко времени идеологической терминологизации, осуществленной Троцким в 1926–1927 гг., слова «комбинация»/«комбинаторство»/«комбинатор» были освоены русским языком, но имели хождение в качестве разговорных (или газетных). Все они обозначали «аферу», «мошенничество» и применительно к партийному руководству должны были эпатировать. Даже если Троцкий не показывал, что учитывает (или впрямь не учитывал) их «еврейских» коннотаций.

¹³ Там же. С. 62.

¹⁴ Там же. С. 65.

¹⁵ Там же. С. 77.

¹⁶ Я. Слоним, который перевел роман «Блуждающие звезды» для советского шеститомника, даже применил к Швалбу «бендеровское» словосочетание «великий комбинатор» (*Шолом-Алейхем. Собр. соч. Т. 2. С. 339*). Это, однако, не перевод, а сознательная ссылка на текст Ильфа и Петрова в «обратной перспективе»: в оригинале Шолом-Алейхем использовал словосочетание «человек с комбинациями» (см. в советском довоенном издании сочинений Шолом-Алейхема на идиш: *Шолом Алейхем. Собрание избранных сочинений. Т. 15. М.: Дер эмес, 1938. С. 137*). И в прижизненном переводе романа «Блуждающие звезды» здесь присутствует – в точном соответствии с оригиналом – «наш гениальный человек с комбинациями» (*Шолом-Алейхем. Романы: В 4 т. М.: Универсальное книгоиздательство Л.А. Столляр, 1913. Т. 2. Ч. 3. С. 117*).

Суммируя проведенное исследование, невольно сталкиваешься, однако, с новой проблемой, еще более интригующей, но порождающей скорее вопросы, чем доказательные ответы.

Дело в том, что в сентябре 1927 г. (когда кампания Троцкого против «комбинаторства» и «чистых комбинаторов» продолжалась больше года) И.А. Ильф и Е.П. Петров начали писать знаменитые «Двенадцать стульев» [Одесский, Фельдман 2015, с. 11–14] – роман о «великом комбинаторе» Остапе Бендере (опубликован в 1928 г.).

Отсюда возникает вопрос: какой смысл вкладывали соавторы в титул героя?

«Великий комбинатор» (см. название главы, в которой состоялось явление героя), очевидно перекликается с «великим провокатором» из романа И.Г. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито» (1922).

Аналогично «великий комбинатор» напоминает рыцарски-оккультного «великого магистра». Перед «любителями» из Васюков Бендер непосредственно предстал – правда, в шахматном смысле – «гронсмейстером», т. е. «великим магистром» (звание «гронсмейстер» для советских шахматистов было учреждено в 1927 г., и в описываемое в романе время звание еще никто не получил). Также «командор» – во втором романе дилогии «Золотой теленок» (1931) – не только начальник автомобильного пробега, а одна из высших степеней в рыцарском ордене. Но тогда следует уточняющий вопрос: осознавали или нет Ильф и Петров политический контекст слова «комбинатор»?

Вероятно, нет: ведь тексты оппозиционеров, содержавшие критику «сталинской фракции», не были предназначены для широкого читателя. Конечно, теоретически правомерно предположить, что какие-то высокопоставленные знакомые или покровители посвятили молодых журналистов-литераторов в партийный дискурс. Однако намеренное применение антисталинской идеологемы для обозначения мошенника-рецидивиста выглядит неправдоподобно и почти самоубийственно. Да и в «Двенадцати стульях» соавторы смеялись над лозунгами «левой» оппозиции [Одесский, Фельдман 2015, с. 64–87].

Соответственно, финальный вопрос: услышал ли перекличку «чистых комбинаторов» с «великим комбинатором» – сам Сталин? Те, кто изучали бытование сатирической дилогии Ильфа и Петрова в советской литературе, неизбежно стакивались с гипотетическим умозаключением: романы были настолько рискованными, что их счастливая издательская судьба (по крайней мере, при жизни соавторов) непредставима без вмешательства Сталина. Однако факты, поддерживающие такую гипотезу, до сих пор не найдены. Так что в данном случае тайна читательских реакций Сталина остается тайной.

Литература

- А.М.П.: Памяти А.М. Пескова 2013 – А.М.П.: Памяти А.М. Пескова / ред. А.С. Бодрова. С.Н. Зенкин. М.: РГГУ, 2013. 655 с.
- Одесский, Фельдман 2015 – *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Миры И.А. Ильфа и Е.П. Петрова: Очерки вербализованной повседневности. М.: РГГУ, 2015. 293 с.
- Юрганов 2022 – *Юрганов А.Л.* В кривом зеркале сатиры: Культ вождя партии и официальная сатира в середине 20-х – начале 30-х годов. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 496 с.

References

- Bodrova, A.S. and Zenkin, S.N. (2013), *A.M.P.: Pamyati A.M. Peskova* [In memory of A.M. Peskov], RGGU, Moscow, Russia.
- Odesskii, M.P. and Feldman, D.M. (2015), *Miry I.A. Il'fa i E.P. Petrova: Ocherki verbalizovannoj povsednevnosti* [I. Ilf and E. Petrov's worlds. Essays on verbalized everyday life], RGGU, Moscow, Russia.
- Yurganov, A.L. (2022), *V krivom zerkale satiry: Kul't vozhdya partii i ofitsial'naya satira v seredine 20 – nachale 30-kh godov* [In the mirror of satire: The cult of the party leader and official satire in the mid-1920s and early 1930s], Tsentr gumanitarnykh initiativ, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; modessky@mail.ru

«Колебания» как основной мотив партийной чистки (Наркомфин СССР, декабрь 1929 г.)

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Iurganov@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется партийная чистка в декабре 1929 г. в главном советском учреждении, проводившем политику нэпа – в наркомате финансов СССР. Анализ архивных материалов показывает, что основной мотив партийной «чистки» сводился к тому, чтобы убрать всех тех работников, которые в той или иной степени были причастны к осуществлению новой экономической политики, убрать путем обвинений в разного рода «колебаниях», которые рассматривались максимально расширительно – от «правого уклона» до семейных дрязг. На смену Уставу партии приходит критерий, сущность которого заключается в обезличивании всего человеческого, в стремлении искоренить любое «колебание» коммуниста как проявление личного начала. Эта чистка – первый и самый важный этап в создании тоталитарной системы власти.

Ключевые слова: наркомат финансов СССР, партийная чистка, Сталин, М.И. Фрумкин, сталинизм, новая экономическая политика, военный коммунизм, тоталитаризм

Для цитирования: Юрганов А.Л. «Колебания» как основной мотив партийной чистки (Наркомфин СССР, декабрь 1929 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 9. С. 95–117. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-95-117

“Deviations” as the main motive for the party purge (People’s Commissariat of Finance of the USSR, December 1929)

Andrei L. Yurganov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Iurganov@yandex.ru*

Abstract. The article studies the party purge in December 1929 in the main Soviet institution that implemented the policy of the NEP – the People’s Com-

© Юрганов А.Л., 2025

missariat of Finance of the USSR. The analysis of archival materials shows that the main motive for the party “purge” was to remove all those workers who were involved to a greater or lesser extent in the implementation of the new economic policy, to remove them by accusing them of various kinds of “deviations”, which were considered as broadly as possible – from “right-wing position” to family squabbles. The Party Charter is being replaced by a criterion, the essence of which is the depersonalization of everything human, the urge to eradicate any “hesitation” of a communist as a manifestation of a personal beginning. That purge is the first and most important stage in the creation of a totalitarian system of power.

Keywords: People's Commissariat of Finance of the USSR, party purge, Stalin, M.I. Frumkin, Stalinism, new economic policy, military communism, totalitarianism

For citation: Yurganov, A.L. (2025), “‘Deviations’ as the main motive for the party purge (People's Commissariat of Finance of the USSR, December 1929)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 95–117, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-95-117

На ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) в 1928 г. В.М. Молотов сказал, что «генеральная чистка партии стучится к нам в двери». В Бюллетене ЦКК – НК РКИ в ноябре 1928 г. был опубликован проект плана работ НК РКИ СССР на 1928/29 г., который содержал преамбулу о состоянии государственного аппарата в целом. Чистка партийная и чистка государственного аппарата были едины в необходимости репрессивных мероприятий при переходе от нэпа к ускоренной индустриализации, но они радикально отличались по смыслу стоящих задач и методов проведения общей кампании [Киселева 2014]. Если в чистке государственного аппарата основное внимание уделялось социальному происхождению работника – чуждому или не чуждому пролетарской власти – то в партийной чистке основной мотив заключался, прежде всего, в обнаружении «колебаний». Это был момент, когда разворачивалась борьба Сталина с «правым» уклоном [Анфертьев 2020].

Наркомат финансов СССР стал главной мишенью Сталина в борьбе с так называемой «правой опасностью». М.И. Фрумкин, будучи заместителем наркома финансов, оказался первым, кто открыто выступил против насильственной колLECTIVизации. 15 июня 1928 г. он написал письмо членам ЦК ВКП(б), в котором сообщил, что «деревня... настроена против нас»¹.

¹ Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929. М.: РОССПЭН, 1999. С. 291.

Фрумкин привел цитаты из выступлений руководителей партии, в которых говорилось о «вреде» середняка². Деформация ленинской политики пугала поворотом к практике военного коммунизма.

Наркомат финансов СССР в силу своей высококонтролируемой деятельности не мог не приглашать на работу дореволюционных специалистов, с помощью которых стране Советов удавалось создавать благоприятные условия для сочетания рыночного хозяйства с планово-директивным стилем управления. Коммунисты наркомата, во многом определявшие позицию руководства, были главным штабом по проведению новой экономической политики. Поворот к новой гражданской войне означал, что чистка партии предполагала и новый набор требований к коммунисту. Архивные документы наркомата за декабрь 1929 г. показывают, что во всех персональных делах коммунистов основной алгоритм обвинения – это «колебания». Но смысл колебаний не сводился только к уклонам – правому, левому, или к примиренчеству, – нет! «Колебания» или, как тогда говорили, «неправильности», выявляемые партийной комиссией, относились к целому комплексу нормативных требований.

Типология выявленных «колебаний» такова: это, прежде всего, политические колебания, а также личностно-психологические (грубость, невоздержанность, вредные привычки и т. д.) и бытовые (отношения в семье, с соседями, антисемитизм).

Чистка партийного коллектива наркомата финансов в 1929 г.reprезентативно отражает собой общее направление всех партийных чисток. В атомарном состоянии она показывает внутренний мир аналогичных партийных мероприятий и служит основанием для выводов, которые не могут ограничиваться только историей наркомата, – это типичный сценарий любой партийной чистки.

В декабре 1929 г. в наркомате финансов «чистились» как его руководители, начиная с М.И. Фрумкина (замнаркома), так и рядовые коммунисты.

Колебания политические. Дореволюционная биография коммуниста

Политические колебания рассматривались расширительно. Настолько расширительно, что даже дореволюционная биография коммуниста оказывалась существенной для характеристики

² Там же. С. 292–293.

настоящего положения. От коммуниста требовалась предельная честность. Если рабочие группы, создаваемые специально для чистки, находили в документах что-то, о чем коммунист умалчивал, то это рассматривалось как обман с плохими последствиями, вплоть до исключения из партии. Обнаруживаются две стратегии спасения себя во время «чистки» – уводить внимание комиссии в сторону, не говоря о самых опасных темах (в расчете, что не докопаются) и наоборот – делать ставку на исключительную искренность (в расчете на то, что даже «плохую» правду, но правду, не осудят).

Каждый коммунист, проходя через чистку, сначала рассказывал о себе, ему задавали вопросы и после этого открывались прения, в которых звучали мнения не только членов парткомиссии, но и беспартийных (в основном рабочих).

Начальник Госфинконтроля Арон Исакович Вайнштейн не боялся вопросов о своем дореволюционном прошлом, когда он был во главе политической партии Бунд (1917–1921). Он осознавал, что именно под его руководством еврейская социалистическая партия вошла в состав РКП(б), растворившись в ней. Но Вайнштейн постарался «проскочить» в своей биографии время лета–осени 1917 г., когда он довольно резко выступал против большевиков. Например, в резолюции Совещания при ЦК Бунда от 7 (20) ноября 1917 г. утверждалось, что вина за развязывание гражданской войны в России лежит на партии большевиков: «Большевики, которые образуют наиболее организованную часть революционной демократии, несут на себе, без сомнения, политическую ответственность за теперешнее восстание и гражданскую войну, за восстание, которое они начали против воли большинства революционной демократии...»³.

Вайнштейну повезло – рабочие бригады и товарищи по партии не нашли (или не захотели искать) подобные высказывания.

Иначе поступил заместитель начальника Планово-экономического управления наркомата Лев Григорьевич Шанин-Шапиро. Фактически он исполнял обязанности начальника, так как руководитель этого управления, Леонид Наумович Юрковский, выдающийся экономист и горячий сторонник нэпа, за месяц до чистки сам уволился из наркомата. Шанину-Шапиро нечего было терять – риск в его положении мог оказаться спасительным.

Он с предельной откровенностью стал рассказывать о своем дореволюционном прошлом. Родился в семье богатого лесопромышленника и домовладельца. В юности увлекся марксизмом, в 13 лет читал «Капитал» Маркса, сочинения Лаврова и Канта. В 15 лет

³ Рафес М. Очерки по истории «Бунда». М.: Московский рабочий, 1923. С. 421–422.

уехал за границу, познакомился с Куновым и Каутским, состоял в партии Бунд. В 1908 г. порвал отношения с партией, поступил на Юридический факультет Московского университета. В 1917 г. примкнул к меньшевикам и «занимал оборонческую позицию», работая в Земском союзе в качестве заведующего отделом одной из армий. Мог бы не говорить о себе такое во время чистки, но сказал: «После июльских дней 1917 г. выступал резко против большевиков, требуя положить конец разыгравшейся солдатчине». После Октябрьского переворота отошел от политической жизни, «много работал над собой и пришел в январе 1918 г. к решению порвать с меньшевиками и вступить в ВКП(б)». Хотел того или нет, но Шанин-Шапиро честно сообщал парткомиссии, что он всякий раз уходил из той или иной партийной организации, когда она проигрывала: из Бунда он ушел, по его словам, потому что «революция пошла на спад», от меньшевиков отрекся, потому что они проиграли... В дальнейшем он работал в наркомате просвещения, во время Гражданской войны был на фронте, исполняя обязанности заместителя начальника политического отдела 60-й дивизии⁴.

Если в отношении дореволюционной деятельности он не считал нужным что-либо скрывать, то свое отношение к левакам и правым он пытался представить как правильное отношение, и даже провидческое.

Вопросы членов комиссии были обращены в основном к дореволюционному прошлому:

Как попал в университет, если не имел как еврей права на жительство в Москве?

– Я тогда принял крещение из-за жены, ради которой хотел жить в Москве.

За что получил в 1920 г. выговор?

– Я получил выговор за то, что опубликовал на Замоскворецком партактиве цифры, которые не подлежали оглашению, но когда я доказал, что эти цифры были опубликованы, то с меня выговор был снят.

Почему ни разу не был арестован до революции?

– Потому что почти не вел организационной работы, а на нелегальном положении был мало и никакой общественной организационной работы тоже не вел.

Как избежал службы в царской армии?

– Отец дал взятку и меня признали непригодным к военной службе⁵.

⁴ ЦГА Москвы. П-7. Оп. 1. Д. 112. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 20 об.

Повлияла ли откровенность Шанина-Шапиро на решение парткомиссии? Повлияла, конечно, но не так, как он того хотел. Член парткомиссии т. Шкловский предложил исключить Шанина-Шапиро из партии потому, что он «переходил из одной партии в другую, тогда как эта партия имела власть или влияние. Шанин был всегда индивидуалистом (курсив мой. – А.Ю.) и таковым остался и сегодня». Дореволюционное прошлое формально не имело отношения к чистке, но де-факто – открывает не сиюминутную характеристику коммуниста, а его способность к колебаниям вообще. Суждение Шкловского было положено в основу решения об исключении Шанина-Шапиро из партии. Однако не все были согласны с таким предложением. Один из членов комиссии, Т. Мицкевич, директор Музея революции, старший член ВКП(б), возражал, говоря, что Шанин-Шапиро – это «не примазавшийся к партии»: «Я считаю Шанина человеком искренним и абсолютно морально чистым и его выступления на собраниях служат доказательством этого. Его выступление на собрании сегодня не является саморекламой, а саморазоблачением»⁶.

Разумеется, дореволюционная биография не была решающим аргументом при принятии решения, но она включалась в оценочные суждения – и «чистка» обретала вне-контекстуальный смысл определения сущности человека, его изначальной способности сливаться с партией [Смирнова 2003; Нерар 2011]. Один из критиков Шанина-Шапиро, тов. Лебединский, говорил на собрании: «Шанин все время колебался от генеральной линии партии, потому что он ярко выраженный тип индивидуалиста-меньшевика»⁷.

Интересно проходило обсуждение Рудольфа Моисеевича Штарова, старшего инспектора и консультанта Наркомфина СССР. В своей биографии он сообщал: работал в типографии, образование – гимназия, член партии большевиков с 1918 г., в других партиях не состоял, был призван на фронт в 1915 г., за распространение «пораженческой литературы» просидел в тюрьме около года, с 1919 по 1920 г. служил в Красной Армии в качестве Уполномоченного по снабжению дивизии, с 1923 г. – в Наркомфине СССР.

Вопросы комиссии были обращены не просто в дореволюционное прошлое, а в прошлое партийца, которому следует объяснить, почему он раньше не вступал в партию. Так и прозвучал один из вопросов: «Почему раньше не вступал в партию?». Штаров ответил: «У нас была активная организация Бунда и не было организации большевиков. Кружки создавались на время необходимой работы,

⁶ Там же. Л. 21.

⁷ Там же. Л. 22.

постоянного кружка не было. Входило в них 9–11 чел. Каждый раз были приезжие, которые эти кружки и организовывали (среди солдат). Политически в это время был уже подготовлен»⁸.

Штарова спросили также, почему он не вступил в партию во время Февральской революции, как он относился к июльским событиям 1917 г., а потом и к октябрьскому перевороту.

Напомню, что Штаров вступил в партию в 1918 г., но это никак не ограничивает партийную комиссию в вопросах...

Где были во время Февральской революции, почему не вступил в партию, и как относился к июльским и октябрьским восстаниям?

– Во время Февральской революции сидел на гауптвахте, а после оттуда направлен в 133 полк.

Какое участие принимал в последующих событиях?

– Был членом ротного комитета, устраивал собрания...

Какое участие (в революционном движении) принимал до 14-го года?

– Самодержавию я не мог сочувствовать, в этом козырь у меня хороший (еврей). Проводил работу среди кустарей и ремесленников за свержение самодержавия. В программах партии я еще не разбирался.
<...>

Знал ли, что после свержения должно быть, после свержения самодержавия?

– Я знал, что после свержения должны быть – по опыту 1905 г. – советы, но кто ими должен руководить – не знал⁹.

Чистка была не только партийная, но и антропологическая: идеал послушания и обезличивания коммуниста требовал подтверждения (или не подтверждения) в любых фактах биографии.

Политические ошибки как принцип существования «генеральной линии»

Чистка определяла меру ошибок партийца, безошибочной могла быть только сама генеральная линия партии. Нарком финансов Н.П. Брюханов отделял ошибки технические от прямого несовпадения с мнением партии. Он так и говорил о начальнике управления государственными налогами, Лифшице: «Возглавляя работу по

⁸ Там же. Л. 43.

⁹ Там же. Л. 44.

с.-х. налогу НКФ, Лифшиц был постоянным докладчиком и членом разных комиссий Политбюро ЦК по вопросам обложения деревни. В этой работе у Лифшица и НКФ в целом были ошибки, которые приходилось поправлять ЦК и правительству, но *ошибки эти были ошибками учета, а не ошибками линии* (курсив мой. – А. Ю.), а основную линию партии в области обложения деревни Лифшиц проводил правильно и никаких уклонов в его практической работе от генеральной линии партии не было»¹⁰.

Без ошибок не бывает, чистка выясняла меру политического уклонения от метафизически недоступной генеральной линии. Если член партии не соглашался признавать свои ошибки, то само это несогласие признавали как уклон от правильности поведения. М.О. Лифшица ругали за неспособность учитывать критику – правильно на нее реагировать. У него был конфликт с партийным комитетом, который возглавлял В.И. Наумов. Лифшицу не нравились придирики партийцев, их постоянное желание навешивать ярлыки – партийцам не нравилась грубость Лифшица. Но Наумов говорил на партсобрании не о его политических ошибках, а прежде всего о том, что Лифшиц ошибок не признает. Секретарь парторганизации понимал, что это обвинение сильнее даже, чем сами ошибки: «Лифшиц никогда не признавался в ошибках. К Лифшицу очень трудно попасть на прием. Если Лифшиц останется во главе Госналога, то задачи, стоящие перед Госналогом, не будут выполнены...»¹¹.

Тем не менее Лифшиц признал, что в работе наркомата допущена политическая ошибка, которую тут же приписали правому уклону – это было нашумевшее «астраханское дело», когда выяснилось, что с частных лиц, занимавшихся заготовкой рыбной продукции, брали пониженный налог, который таким образом поощрял частный бизнес. В конце 1928 г. в газете «Поволжская правда» появились материалы о срашивании частного капитала с финансовыми структурами государства. Астраханский окружной отдел ГПУ начал расследование, вскрылись факты, согласно которым в финансовом аппарате Астрахани председатель губернской налоговой комиссии А.В. Адамов с сотрудниками других отделов снижали налоговое обложение частников, давая им отсрочки на платежи. Лифшиц был наказан – получил выговор от партийной ячейки в 1929 г. – за то, что не обложил астраханских промышленников дополнительным налогом.

Обсуждение незаурядной фигуры выдающегося управленца показало, что одна эпоха уходит, а другая рождается. Лифшиц

¹⁰ Там же. Л. 33 об.

¹¹ Там же. Л. 31 об.

был силен своей рациональностью, смелостью подходов, решительностью, настойчивостью, преданностью делу – эти яркие качества, признаваемые членами парткомиссии, омрачены были его грубостью, резкостью, неуважением к коллегам, с которыми он не находил общего языка. В новой эпохе новостью было то, что любая активная деятельность человека обязательно сопровождалась не только критикой недостатков, но прежде всего превращением этих недостатков в «оппортунистические ошибки». Сложный вопрос о военном налоге, который неоднократно обсуждался на самом верху, а Лифшиц занимал определенную позицию, которая имела поддержку у некоторых высших руководителей партии (в частности, у К.Е. Ворошилова), превращался не в обсуждение рациональное, которое имеет свои аргументы «за и против», а в политическое обвинение о несовпадении с генеральной линией партии.

В результате лишь один человек в комиссии по чистке был за то, чтобы исключить Лифшица из партии (нетрудно догадаться, что это был Наумов), – все прочие проголосовали за оставление его в рядах, но с формулировкой, что Лифшиц игнорировал партийные замечания «на искривление классовой линии в работе Госналога»¹². В новой эпохе нужны безгласные исполнители – и Лифшица снимают с должности, в которой он, даже по мнению некоторых своих недругов, добивался хороших результатов.

Самый яркий пример несовпадения с генеральной линией партии – отношение парткомиссии к уже упомянутому Шанину-Шапиро, который не был успешным исполнителем, как Лифшиц, но зато вместе с Л.Н. Юровским, начальником Планово-экономического управления, олицетворял прежнюю политику нэпа, от которой как раз и старались «очиститься». Шанин-Шапиро пытался быть максимально откровенным в описании дореволюционной биографии, но довольно жестко отстаивал себя в современных дискуссиях как человека, совпадавшего с «генеральной линией». Он говорил о себе: в 1923 г. защищал взгляды ЦК партии, выступая против Троцкого, в 1925 г. отстаивал тезисы о необходимости «аграризации страны», писал против идей Кондратьева, возражал Фрумкину, критиковал бухаринские «Заметки экономиста»...

Он признал, что только один раз «разошелся с мнением партии – перед XIV съездом, когда я требовал курса на аграризацию страны»¹³.

Никто ему не поверил. Напротив – было ясно, что члены парткомиссии и рабочие бригады хорошо подготовились к обсуждению

¹² Там же. Л. 30.

¹³ Там же. Л. 20.

Шанина-Шапиро. Они выявляли не столько ошибки, сколько колебания, которые должны были показать, что коммунист «вихляет», пытается приспособиться к обстоятельствам. Его дореволюционная жизнь лишь подтверждала, что заместитель начальника ПЭУ НКФ СССР – приспособленец.

Т. Пальчиковский: Вся практическая работа Шанина в ПЭУ никаку не годится, потому что Шанин не проводил линию, все время находясь между двух стульев. Шанину не место в партии.

Т. Сайгушкин: Во всех зигзагах, которые имеются в политических выступлениях Шанина за последние годы есть определенная линия, а именно игнорирование моментов классовой борьбы, он все время говорит о технико-организационных моментах и поэтому теоретические суждения Шанина очень часто уклоняются от генеральной линии партии.

Т. Ксензацкий (ВЛКСМ): По вине Шанина ПЭУ превратилось в орган послушный махрово-кулацким идеологам. Коммунисты в ПЭУ отирались Шаниным от руководящей работы и Шанин не пытался даже мобилизовать коммунистов ПЭУ на борьбу с буржуазной профессурой...¹⁴

Было найдено определение для характеристики его политический позиции – он «либерал»! Это сказал Шкловский: «В коллегии ПЭУ в борьбе с буржуазной прессой он вел себя не как коммунист, а как либерал. Шанину не место в рядах партии».

Из дореволюционной биографии перекочевало еще одно определение для характеристики Шанина-Шапиро: он остался меньшевиком.

Тов. Рубейн постарался это доказать:

Шанин здесь попытался замазать свои ошибки, а не прямо признал их. Статьи Шанина, напечатанные в «Большевике» за 1926 г., могут быть знаменем кулаков сегодня. В его статьях о деревне в 1926 г. о производственном кооперировании нет ни слова, а между тем Шанин пытался доказать, что он первый поставил серьезно вопросы о курсе на коллективизацию деревни. В Комакадемии при обсуждении контрольных цифр Шанин поддерживал Базарова и утверждал, что пятилетка составлена с перенапряжением для народного хозяйства. Комиссия по чистке должна принять меры, чтобы Шанина не восстановили высшие инстанции. Он был меньшевиком и им остался¹⁵.

¹⁴ Там же. Л. 21.

¹⁵ Там же. Л. 22.

Его поддержали и другие ораторы:

Т. Терехин: Оппортунистические ошибки ПЭУ проистекали из того, что Шанин сомкнулся с буржуазными профессорами ПЭУ и как коммунист потерял свое лицо.

Т. Лебединский: Шанин все время колебался от генеральной линии партии, потому что он ярко выраженный тип индивидуалист-меньшевика. Не случайно, что он сегодня заявил, что «в данный момент имеется примерное совпадение во взглядах его с взглядами партии». Шанин должен быть исключен из партии навсегда. ...

Т. Лобызева: Шанин не мог и не умел по-большевистски противостоять взглядам буржуазной профессуры в ПЭУ и выступал там как либерал¹⁶.

Понятие «либерал» включалось в обвинение тех коммунистов, которые были в наибольшей степени замечены в осуществлении новой экономической политики и сопротивлялись чрезвычайным мерам.

В партийной среде это понятие распространилось в 1928 г. для обозначения тех, кто колеблется в «мелкобуржуазной стихии», когда партия использует чрезвычайные меры в изымании «излишков» хлеба у крестьян. Вопрос этот обсуждался на июльском пленуме ЦК ВКП(б) в 1928 г.

Сталин тогда впервые и к удивлению многих большевиков, в том числе Бухарина, назвал эти меры данью, налагаемой на крестьян ради спасения всей экономики страны. Слова «либерализм», «либеральный» Сталин часто использовал для опровержения тех, кто сопротивлялся тезису о дани [Юрганов 2022, с. 339–340].

«Генеральная линия» партии была недоступной истиной, которая существовала для того, чтобы обнажать ошибки коммунистов; и наоборот – ошибки коммунистов обосновывали принцип существования генеральной линии как Культа Ошибки, который никому не позволял оставаться безнаказанным [Юрганов 2020; Юрганов 2024]. Даже те, кто не был уличен в колебаниях (в декабре 1929 г.), не мог рассчитывать на то, что в другой раз не окажется в числе наказанных за малейшее недоразумение. Всякое проявление жизненного процесса есть политическое колебание относительно генеральной линии.

¹⁶ Там же.

Личностно-психологические колебания

В повторяющихся обвинениях видны основные мотивы неприятия тех или иных личностных качеств коммунистов. Выделим некоторые из них – наиболее существенные при принятии решения о партийном взыскании.

«Делячество»

Семантика этого понятия оказалась широкой и многоаспектной. В делячестве обвиняли замнаркома М.И. Фрумкина, который, отказавшись от своей ошибочной позиции в 1928 г., оставлял за собой право самостоятельного рассуждения, в котором он пытался объяснить свою позицию. В парткомиссии поняли так, что он оправдывает себя. Смысл обвинения, – не торгуйся! Признавай ошибки без всяких оговорок, ибо ты ошибался не частично, не в чем-то, не в конкретном вопросе – а во всем. Тов. Саррак говорил в прениях: «Ответы Фрумкина есть делячество». Ему вторил тов. Шкловский: «Четкой установки у Фрумкина не имеется. Основы разногласий у него остаются. Заявление более деляческое, а нужно было бы от него получить политическое (заявление. – А.Ю.)»¹⁷.

Одного из руководителей Управления финансирования народного хозяйства, Г.Д. Пальчиковского, обвинили в том, что он пытался договориться с тов. Ганиным о том, чтобы тот поддержал его утверждение о наличии партстажа. Ганин ему отказал. Тогда, со слов Ганина, Пальчиковский «направил на меня заявление в Бюро ячейки о правом уклоне в моем отделе. Из этого я заключаю, что Пальчиковский в этом отношении грязен. *Если он когда-либо не купил, то будет ему все позволено* (так в тексте. – А.Ю.) для оклеветания этого товарища»¹⁸. При обсуждении начальника Управления государственными налогами, М.О. Лифшица, всплыла история с получением посылки из-за границы. Ему пришлось объяснять: «посылка стоила 120 р., а пошлина была назначена с штрафом в 450 р., я просил таможню, Тарифный комитет, сделать мне скидку и мне скинули 75% с пошлины»¹⁹. Кроме того, Лифшиц вынужден был рассказать и больших гонорарах за литературную деятельность, – это тоже не понравилось парткомиссии: «Я получаю большие гонорары за мои литературные работы, но я пишу не по своей инициативе, а потому что просят дать статью, при чем ни-

¹⁷ Там же. Л. 17–17 об.

¹⁸ Там же. Л. 26.

¹⁹ Там же. Л. 31.

когда я не просил определенного вознаграждения, а издательство сами назначают мне ставки. Госиздат мне платит 150 р. за печатный лист и за одну книгу недавно я получил от Госиздата 4000 р., из которых 1700 внес в партийную кассу»²⁰. Тов. Соколовский сказал на обсуждении: «Учитывая, что установлены факты использование Лифшицем своего положения в корыстных целях, что он груб и что извращает классовую линию, я считаю, что Лифшица нужно выгнать из партии»²¹.

«Барство»

М.О. Лифшица, начальника Управления государственными налогами, обвиняли в том, что к нему нельзя попасть на прием. Тов. Ганин говорил: «...он меня выставил из кабинета»²². Особенно заметны были «элементы барства» у А.И. Вайнштейна, начальника Госфинконтроля. Тов. Кудрявцева говорила: «...у Вайнштейна есть элементы барства, так как он не может запросто относиться к сотрудникам»²³. Тов. Берков уточнял: «...к т. Вайнштейну очень трудно попасть на прием, а если попадешь, то он очень невнимателен к мнению рядовых сотрудников». Настоящей жертвой невнимательного отношения Вайнштейна к сотрудникам стал беспартийный тов. Пульнер: «Я три года и по служебной, и по общей линии будировал вопрос о непорядках в центральной Бухгалтерии ГФК, но несмотря на все мои попытки я не был принят Вайнштейном; если бы мне удалось лично переговорить с ним, многие недостатки в работе были бы устраниены»²⁴.

Я.А. Теумина, начальника Бюджетного управления, критиковали за то, что он использовал служебную машину в личных целях. Тов. Щербаков говорил: «Мне дали путевку подать машину Теумину к парикмахерской. Постоял 20–25 минут, не дождался. Затем пришлось подавать машину второй раз»²⁵. Теумин ответил на критику, понимая, что могут наказать по партийной линии: «...дело с машиной недоразумение»²⁶. За использование служебного транспорта в личных целях ругали и Вайнштейна. Все тот же тов. Щербаков говорил: «Рабочие гаража считают Вайнштейна бюрократом, потому что он

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 34.

²² Там же. Л. 34 об.

²³ Там же. Л. 29.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 19.

²⁶ Там же. Л. 19 об.

злоупотреблял своим правом пользования автомобилем, он ездил на дачу на машине, долго задерживал шоferа и машину»²⁷. Вайнштейн, как и Теумин, постарался оправдаться, чтобы не получить партийное взыскание. В заключительном слове он говорил: «Я никак не согласен с характеристикой, что у меня много «барства». Я считаю, что в обращении с сотрудниками я в меру демократичен. Я ездил летом на дачу на автомобиле, потому что машина экономит время и на замечания, которые мне сделал т. Щербаков на счет пользования автомобилем, не характеризует меня как человека с барскими замашками»²⁸.

Г.Д. Пальчиковский, озабоченный своими проблемами с партстажем, не сам пошел в отдел учета партийных кадров, а отправил туда – искать личное дело – своего секретаря. Тов. Лобызева откомментировала: «Такой поступок – не коммунистический»²⁹.

«Вранье» и «хвастовство»

О секретаре парторганизации наркомата, В.И. Наумове, было сказано немало хорошего, но прозвучали и сильные замечания. Они, в конечном счете, сыграли свою роль при принятии партийного решения. В стенограмме было отражено выступление тов. Мужиченко: «Наумов тверд, выдержаный, но часто врет. Приводит случай с Жагровой, когда Наумов дал ей явно несоответствующую характеристику, а именно: Жагрова имеет и исполняет целый ряд общественных нагрузок, а Наумов дал (ей) характеристику как антиобщественнице. Другой случай с Цукановым. Наумов наклеветал на Цуканова, что будто бы последний говорил о том, что выдвиженцы никуда не годятся и им крышка здесь. Оказывается, что Цуканов ничего этого не говорил»³⁰.

Не прощалось и банальное хвастовство. Тов. Соболев говорил о Лобызевой-Ликоренко: «Лобызева любит похвастаться, разговаривает с кем-либо по телефону и говорит – я еще не поговорила с Брюхановым (наркомом. – А.Ю.)». Стоило ли на такое вообще обращать внимание! Но, как это ни удивительно, именно эти «мелочи» чаще всего попадали в решения партийной комиссии: Лобызевой-Ликоренко, в частности, был объявлен выговор за халатное отношение к своим обязанностям и «за хвастовство»³¹.

²⁷ Там же. Л. 29 об.

²⁸ Там же. Л. 30.

²⁹ Там же. Л. 26.

³⁰ Там же. Л. 48 об.

³¹ Там же. Л. 59.

«Нетвердость»

Один из выдвиженцев, А.И. Родионов, был замечен как сотрудник наркомата, который неоднократно «попадал под оппозиционное влияние». Сам он рассказывал о себе: попал под влияние троцкиста, инструктора на фабрике, тов. Бронштейна, выражая непонимание политикой партии по хозяйственным вопросам, потом был наказан партийным комитетом за то, что не отобразил «оппозиционную литературу у тов. Нечаева, работавшего в Госбанке. Он же сообщил Родионову, как прошла ноябрьская демонстрация троцкистов (в 1927 г.) Родионов говорил, что спорил с Нечаевым, но взял троцкистскую листовку – «по поводу ноябрьской демонстрации». Сотрудники наркомата финансов, Соловьев и Эйдман, узнали об этом, пришли в партийную «тройку» – и донесли на Родионова. Его вызвали и потребовали отдать листовку. Родионов получил партийное замечание. На комиссии Родионов сказал: «Эту ошибку я признаю и сейчас отошел от этого»³².

В прениях тов. Климов говорил о Родионове: «Когда я пришел в Управление, атмосфера была напряженная. Родионов был уже там и не пришел со мною поговорить. В 1923 г. Родионов был в оппозиции и когда выходил, наверно, давал честное слово, а в 1927 г. спорил и ругался с троцкистом и в то же время читал листовки. Зачем он читал, когда он уже знает и без этого. Родионов не сказал тройке, что к нему ходят троцкисты, а начал об этом говорить с отдельными партийцами, уединялся с этим троцкистом, может быть это было все с целью. Нужно сказать ему, чтобы этого не повторялось»³³. Выдвиженцам многое прощалось. Решение комиссии – достаточно мягкое: «Считать проверенным. За политическую неустойчивость, попадание под влияние чуждых людей и слабое участие в рационализации аппарата объявить выговор и считать целесообразным использовать на другой работе»³⁴.

«Колебания» бытовые. Отношения с родителями

Под прицелом партийной комиссии оказывались прежде всего те, у кого родители были классово чуждыми. Требовалось не скрывать эту связь, признаваться, если она есть, но также доказывать, что коммунист предан партии, а не семье. Один из руководителей

³² Там же. Л. 57–57 об.

³³ Там же. Л. 58 об.

³⁴ Там же. Л. 56.

Управления финансирования народного хозяйства наркомата, Григорий Дмитриевич Пальчиковский, стал настоящей мишенью для критики его партийных качеств в связи с сомнительной историей его отца, крупного предпринимателя.

Пальчиковский ничего не скрывал: бывший офицер царской армии, в партии большевиков с 1916 г., закончил реальное училище, затем Юридический факультет университета. В автобиографии было сказано: «...родился в семье крестьянина с кулацким хозяйством и владельца предприятий». Пальчиковский уверенно повторял: «...я всегда говорил и все знают, что мой отец кулак». Партийная комиссия по чистке создавала специальные рабочие бригады, которым поручалось проверять каждого коммуниста – по всем направлениям его деятельности. И – по отношениям в семье тоже.

«Был ли ваш отец приговорен к расстрелу?» – спросили со знанием дела. Пальчиковский ответил: «Да, я его сам арестовывал, и он был в 1919 г. направлен в уездный город Кралевец как контрреволюционер. Сейчас он жив. Кто его спасал, я этого не знаю. С 1919 г. я с ним никакой связи не имею»³⁵.

Комиссия не успокаивалась. Если бы сын расстрелял отца – не было бы вопросов. А тут – арестовал и не расстрелял. Странно! Рабочая бригада явно что-то накопала против Пальчиковского: вопросы показывали, что в отношениях коммуниста и его родителей все как-то не чисто:

Где он сейчас?

– Сейчас он живет на старом месте.

Как же он такой контрреволюционер не был расстрелян?

– Я этого не знаю.

Чем занимается отец сейчас?

– Ему сейчас 87 лет, он лишенец, сейчас ничего не делает. Денег я ему сейчас даю руб. 30–35 в месяц. С 1919 г. я у отца не был. Еще я у него был дня два, было это в 1926 г. Делал там доклад в ячейке.

Будучи зимой в отпуске, – где ты был?

– Был на Украине в лесничестве Мутанском, с женой³⁶.

На вопросы опасно было отвечать ложью. Пальчиковский вынуждено рассказывал о своей семье правду, и это еще больше подливало масла в огонь.

³⁵ Там же. Л. 24 об.

³⁶ Там же. 24 об. – 25.

Получал ли помощь от отца, когда учился в Москве?

– До 1912 г. я жил на иждивении отца. Участь в университете помо-
щи от него не имел. На мельнице у отца работал с конца 1911 и в начале
1912 г. Сейчас я отцу плачу добровольно, поскольку в этом антипар-
тийного ничего не вижу. Стаж мой партийный установлен с 1916 г.

Изменил ли Ваш отец свои взгляды?

– Нет³⁷.

Прения показали, что Пальчиковского стали серьезно подозревать в том, что он вел двойную игру: арестовывал отца, чтобы спасти его от расстрела...

Тов. Оганесов говорил: «Я тов. Пальчиковского не знаю, но, судя по его связи с отцом, считаю это недостойным для члена партии». Тов. Доценко был свидетелем странной истории с отцом Пальчиковского и добавил еще больше сомнений: «Отец его арестован раз 10, но почему его не расстреляли – не знаю». Впрочем, догадку он сам же и высказал: в то время ревком был «бандитский» и «спекулятивный». Расстрел откладывался по меркантильным соображениям: «Отец Пальчиковского был крупным подрядчиком по ж. дор. строительству и имел свой крахмальный завод. При продаже Ревкому крахмала, ревкомцами была принята взятка и когда об этом я заявил на одном городском собрании, меня арестовали и хотели расстрелять»³⁸. Доценко вспомнил, что в 1920 г. отец Пальчиковского был в Комитете «по распределению контрибуции среди буржуев гор Кравеца». Что из этого следует – неясно. А что касается сына, то Доценко поставил под сомнение его вступление в партию в 1916 г.: «Я полагаю, что Пальчиковский в партию вступил в 1918 г.» Однако и в этом он не был до конца уверен: «...я ездил к себе на родину и знаю, что в г. Коропе о том, что Пальчиковский коммунист, никто не знает»³⁹.

Тов. Ганин тоже удивился, что не расстреляли отца и предложил участие сына: «Отец его арестовывался неоднократно, но почему-то освобождался. Наверное, не без участия сына». Ганин заявил, что Пальчиковский «как будто бы имел электростанцию на свое имя. Я думаю, что заслуга в такой “электрофикации” СССР заслуга его плохая»⁴⁰.

Неожиданно выступил тов. Либерман. Он сказал, что может дать справку: «О расстреле отца тов. Пальчиковского ставили на голо-

³⁷ Там же. Л. 25.

³⁸ Там же. Л. 25 об.

³⁹ Там же. Л. 25.

⁴⁰ Там же.

сование на сходе и за расстрел был подан только один голос»⁴¹. Либерман подтвердил, что Пальчиковский-сын действительно сидел в тюрьме в 1910 г., но вот что он потом стал коммунистом – не знает.

Выступление тов. Панова еще более накалило обстановку: он заявил, что, хотя Пальчиковского не знал раньше, но плохо, что он «свою революционную работу сменил на жену и благополучие». Судя по всему, Панов был одним из членов рабочей бригады, которые специально занимались поиском компрометирующих фактов. Так возник новый поворот в расследовании бытовых колебаний коммуниста и новый вопрос: «Тов. Пальчиковский имел близкие отношения с одной гражданкой, как будто бы женой, и она застрелилась. Почему это?».

Пальчиковский ответил: «В 1921 г. моя жена, Ванда Шадуйкис, покончила жизнь самоубийством. В этом доме жил т. Кузнецов, Храмов и я. В 1921 г. при моей чистке мне было предъявлено обвинение, что подпал под влияние своей жены. В то время при приезде в Харьков мне за неимением квартиры дали дня на три комнату в одной больнице. Неимение жил. площади заставляло меня брать ее с собой в автомобиле. Жена застрелилась по причинам моего исключения из партии»⁴². Что касается родителей, но Пальчиковский не мог скрыть, что связь с родителями прервалась: «Деньги я посылаю отцу и матери как старицами, которые в беспомощном состоянии»⁴³.

В итоге – решение об исключении из партии: «Тов. Пальчиковский, выходец из крупно-буржуазной семьи (отец его бывший городской голова и крупный предприниматель) с 1908 по 1911 г. состоял в партии соц. Революционеров; бывший офицер царской армии; ничем не может подтвердить обстоятельства и время своего вступления в партию; будучи, по его заявлению, членом партии с 1916 г., организовывал во время власти белых на Украине (в начале 1919 г.) крупное промышленное предприятие, на каковое дело внес 200 тыс. рублей, что подтверждается подлинным договором, скрыл это от партии; до последнего времени поддерживает связь с буржуазной семьей своих родителей, проводит у них отпуска, оказывает регулярную материальную поддержку; во время чистки в 1921 г. был исключен из партии за семейно-бытовую историю (самоубийство жены) – тов. Пальчиковского из партии исключить, как чуждый элемент, примазавшийся к партии, скрывший свое прошлое, и, не порвавший с ним – снять с работы в НКФ»⁴⁴.

⁴¹ Там же. Л. 26.

⁴² Там же. Л. 26.

⁴³ Там же. Л. 27.

⁴⁴ Там же. Л. 24.

Пальчиковского уличили в том, что он скрыл от партии свое членство в партии эсеров с 1908 по 1911 г. Комиссия также выявила, что во время «белых на Украине», в начале 1919 г., он имел крупное предприятие, скрыл договор на большую сумму денег. Все другие факты колебаний обсуждались – в том числе и чуждость партии большевиков за связь с родителями (регулярно посещал их и оказывал материальную помощь).

Внебрачные связи

Серьезные проблемы в партийной чистке возникли у Федора Алексеевича Зотова, выдвиженца, инструктора по подоходному налогу. О проблемах его личной жизни спросили сразу: «Расскажи о бытовой стороне твоей жизни?». Намек был понят правильно – Зотов рассказал об отношениях с сестрой жены. Оказалось, что во время болезни жены, сестра ее жила вместе с ними около четырех месяцев. Зотов утверждал, что никаких интимных отношений с сестрой не было. Она уехала в деревню, а Зотов женился во второй раз. Но вскоре сестра вернулась и подала в суд на уплату алиментов. Суд присудил – платить. Сестра жены никуда не уехала, а стала жить с Зотовым и его новой женой в квартире.

Зотов до конца оставался на позиции, что это недоразумение. Но ему никто не поверил. Тов. Спасская высказалась вполне определенно об ответственности коммуниста: «Коммунист должен быть честным *не только на службе, но и в быту* (курсив мой. – А. Ю.). У него умерла жена, он сошелся с сестрой ее, прогнал ее – женился еще. Сестру жены вселили к нему судом»⁴⁵. Председатель партийной комиссии спросил Зотова: «...расскажи – в чем дело». Зотов ответил: «Я уже говорил, что плачу алименты невинно. Мне доказать не удалось суду своей невиновности. Сейчас живем в комнате все трое, и никто ее ко мне не вселял. Живет добровольно у меня, получает треть, ничего не делает и живет припеваючи»⁴⁶.

Ситуация такая – хочешь верь, хочешь не верь. Зотова поддержал тов. Буйницкий: «Я Зотова знаю с самого момента прихода в Наркомфин. Зотов производил впечатление скромного, честного и порядочного человека. Я никак не могу поверить тому, что здесь обнаружилось»⁴⁷. Сам Зотов, оправдываясь, говорил на собрании: «В заключение должен заявить, я никогда на женщин,

⁴⁵ Там же. Л. 67 об.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

как на игрушку, не смотрел. Повторяю, здесь со мной случилось недоразумение»⁴⁸.

Решение партийной комиссии: «Считать проверенным. За не вскрытие правого уклона на практике (налоговой секции) и некоммунистическое отношение к трудящейся женщине (после легкой связи выгнал из комнаты) объявить выговор и перебросить на производство по специальности»⁴⁹.

Бытовой антисемитизм

Нередко бытовые истории сплетались в клубок разнообразных прегрешений. В таком водовороте оказался Петр Григорьевич Соловьев, инспектор НКФ СССР, которого сразу спросили, как он относится к своей работе в Жилтовариществе. Слухи, сплетни, «квартирный вопрос» порождали у «чистильщиков» интерес к этой деятельности.

Пришлось Соловьеву отчитываться: «В нашем доме рабочих в полном смысле этого слова нет. Около 100 чел. жильцов являются трудящимися и служащими с низкооплачиваемыми окладами. Большинство же жильцов представляет из себя бывших чиновников Министерства финансов, так как дом был раньше НКФина. В доме идет классовая борьба. Правление сейчас ведет линию за то, чтобы низкооплачиваемых жильцов, которые, главным образом живут в подвалах, перебросить на верхние этажи в лучшие комнаты»⁵⁰.

«Классовая борьба» в жилтовариществе! На вопрос «Сколько лишили граждан членства в жилтовариществе?» Соловьев ответил: «Лишено было около 28 человек, но потом восстановлено».

Председатель партийного собрания неожиданно вклинился в общий разговор, чтобы сообщить: «...здесь на т. Соловьева представлен обвинительный материал по работе его как председателя Жилтоварищества. Материал подан членом жилсекции Моссовета тт. Айдаровым и Голиковой. Обвинения сводятся к двум основным пунктам: 1) Соловьев как председатель Жилтоварищества в своей работе искривлял классовую линию и 2) обвинение Соловьева в антисемитизме. Разрешите зачитать материал. Читает»⁵¹.

Соловьев пустился в долгие объяснения – как из «квартирного вопроса» возник еще и бытовой антисемитизм: «Эти заявления возникли до соединения двух домов в Жилтоварищество и даже до

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 67.

⁵⁰ Там же. Л. 71 об.

⁵¹ Там же. Л. 73–73 об.

моего пребывания в этом доме. При объединении домов фракция ВКП(б) выдвинула список в члены правления, в который не были введены Овсеевич и Берлин. По заданию районного комитета нужно было создать крепкое правление и твердую фракцию. Овсеевич и Берлин были членами правления в одном из сливающихся домов. После не введения этих товарищев в правление Объединенного товарищества, они стали распространять и вести демагогическую пропаганду, например список, выставленный фракцией Берлин на беспартийном собрании, старался опорочить, говоря, что фракция незаконная организация и хочет протащить список; между тем, Берлин член партии и был на фракции, когда утверждался этот список. С этого времени начинается кампания по обвинению меня в антисемитизме. Берлин распространяет и ведет разговоры, что он старый большевик, не вводится в правление потому, что еврей и дабы не раскрыть темные дела правления. Фракция наметила к лишению членства в жилтовариществе около 12 человек, из них оказалось 7 человек евреев. Коммунистка Овсеевич объявила этот список как антисемитский поступок, это разбиралось на районной Контрольной Комиссии. РКК нам не порекомендовала проводить кампанию по лишению членства жилтоварищества в виду несвоевременности и весь список был отменен. После этого случая Овсеевич, Берлин и Моткин, все члены ВКП(б), пользуясь острым жилищным положением и желая скомпрометировать меня, вызывают членов жилсекции Моссовета для обследования работы правления. Баранов – бывший истопник, сейчас рабфаковец, на повестки Биржи труда, приглашающие явиться для посылки на работу, не является. У него есть богатая тетушка, благодаря которой он имеет каждый год дачу. Контрольная Комиссия Хамовнического района расследовала вопрос по обвинению меня в антисемитизме в мае 1929 г. и реабилитировала меня. Берлину и Овсеевич РКК вынесло выговор за непартийное поведение»⁵².

Некоторые сотрудники категорически отрицали в поведении Соловьева «черты антисемитизма». Сам он не воспользовался заключительным словом. Было принято решение, что Соловьев виноват не в антисемитизме, а в «примиренческом отношении» к нему: «Считать проверенным. За примиренческое отношение к антисемитизму в жилтовариществе, невнимательное отношение к нуждам рабочих при распределении жилплощади, за неучастие в оздоровлении аппарата – объявить выговор и снять с работы НКФина и жилтоварищества»⁵³.

⁵² Там же. Л. 73 об.

⁵³ Там же. Л. 74 об.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что партийная чистка в НКФ СССР, в главном интеллектуальном центре экономической политики, показала, что стратегическая цель перехода к чрезвычайным мерам в сельском хозяйстве и ускоренной индустриализации требовала смены аппарата – замену одних людей на других не по качествам интеллекта и способностям управлять сложнейшими процессами, а по склонности ума выполнять любые приказы, без обсуждения, но с верой в истинность предлагаемого партией. На смену Уставу партии приходит новый (и неформальный) критерий, сущность которого заключается в обезличивании всего человеческого, в стремлении искоренить любое «колебание» коммуниста как проявление личного начала [Юрганов 2022]. Эта чистка – первый и самый важный этап в создании тоталитарной системы власти. На смену сложным компромиссам новой экономической политики приходит эпоха Культа Ошибки.

Литература

- Анфертьев 2020 – *Анфертьев И.А.* Модернизация советской России в 1920–1930-е годы: программы преобразований РКП(б) – ВКП(б) как инструменты борьбы за власть. М.: ИНФРА-М, 2020. 593 с.
- Киселева 2014 – *Киселева Е.Л.* Чистка государственного аппарата 1929–1932 гг.: Основные комплексы источников, их анализ и значение: дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т российской истории РАН, 2014. 179 с.
- Нерап 2011 – *Нерап Ф.-К.* Пять процентов правды: Разоблачения и доносительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: РОССПЭН, 2011. 397 с.
- Смирнова 2003 – *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. М.: Издат. дом «Мир истории», 2003. 296 с.
- Юрганов 2020 – *Юрганов А.Л.* Культ Ошибки: Теоретический фронт и Сталин (середина 20 – начало 30-х годов XX в.). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 219 с.
- Юрганов 2022 – *Юрганов А.Л.* В кривом зеркале сатиры: Культ вождя партии большевиков и официальная сатира в середине 20 – начале 30-х годов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 494 с.
- Юрганов 2024 – *Юрганов А.Л.* О первоначальной редакции пьесы «Страх» сталинского драматурга Александра Афиногенова: 1930-е годы // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 480–494.

References

- Anfert'ev, I.A. (2020), *Modernizatsiya sovetskoi Rossii v 1920–1930-e gody: programmy preobrazovaniĭ RKP(b) – VKP(b) kak instrumenty bor'by za vlast'* [Modernization of Soviet Russia in the 1920s – 1930s. Programs of reforms of the RKP(b) – VKP(b) as instruments of struggle for power], INFRA-M, Moscow, Russia.
- Kiseleva, E.L. (2014), *Chistka gosudarstvennogo apparata 1929–1932 gg.: Osnovnye kompleksy istochnikov, ikh analiz i znachenie* [The purge of the state apparatus 1929–1932. The main sources, their analysis and significance], Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Nerar, F.-K. (2011), *Pyat' protsentov pravdy: Razoblacheniya i donositel'stvo v stalinskem SSSR (1928–1941)* [Five percent of the truth. Disclosures and snitching in Stalin's USSR (1928–1941)], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Smirnova, T.M. (2003), «*Byvshie lyudi* Sovetskoi Rossii: Strategii vyzhivaniya i puti integratsii, 1917–1936 gg. [“Former people” of Soviet Russia. Strategies of survival and paths of integration, 1917–1936], Izdatel'skii dom “Mir istorii”, Moscow, Russia.
- Yurganov, A.L. (2020), *Kul't Oshibki: Teoreticheskii front i Stalin (seredina 20 – nachalo 30-kh godov XX v.)* [The Cult of Error. The theoretical front and Stalin (mid-20s – early 30s of the 20th century)], Tsentr gumanitarnykh initiativ, Moscow, Saint Petersburg, Russia.
- Yurganov, A.L. (2022), *V kriwom zerkale satiry: Kul't vozhdya partii bol'shevиков i ofitsial'naya satira v serедине 20 – nachale 30-kh godov* [In the crooked mirror of satire. The cult of the Bolshevik Party leader and official satire in the mid-20s – early 30s], Tsentr gumanitarnykh initiativ, Moscow, Russia.
- Yurganov, A.L. (2024), “About the original version of the play ‘Fear’ by Stalinist playwright Alexander Afinogenov. 1930s”, *Herald of an Archivist*, no. 2, pp. 480–494.

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, 125047, Россия, Миусская пл., д. 6, стр. 6; Iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrei L. Yurganov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; Iurganov@yandex.ru

УДК 7.07+7.036(470)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-118-137

Картина И. Бродского «В.И. Ленин в Смольном»: произведение искусства как исторический источник

Андрей В. Келлер

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, keller26000@gmail.com*

Аннотация. Представлен опыт биографической реконструкции жизни художника на примере его картины «В.И. Ленин в Смольном», написанной в 1930 г. И.И. Бродским (1884–1939), и его творчество показано на фоне идеологической ломки изобразительного искусства и личного успеха художника. Дневники П.Н. Филонова (1883–1941) помогают при этом увидеть И.И. Бродского в необычной перспективе не только как основоположника целого направления так называемого социалистического реализма в изобразительном искусстве Советского Союза, но и как человека со своими мыслями и чувствами. Бродский сумел пройти удивительную трансформацию академического художника дореволюционного времени к корифею советского искусства. В этом сказался талант человека и художника, сумевшего уловить веления времени и ответить на них актуальным искусством как до, так и после Русской революции, оставшись в то же время признанным академическим мастером мирового уровня, полотна которого могут быть вполне поставлены в один ряд с работами кисти Диего Веласкеса, Алексея Антропова или Жака-Луи Давида. На примере его ранее неизвестной работы (вариант картины «В.И. Ленин в Смольном») открылась неизвестная до сегодняшнего дня, противоречивая и экспериментальная сторона его творчества.

Ключевые слова: И.И. Бродский, В.И. Ленин, П.Н. Филонов, произведение искусства как исторический источник, Лениниана, советское искусство 1930-х гг.

Для цитирования: Келлер А.В. Картина И. Бродского «В.И. Ленин в Смольном»: произведение искусства как исторический источник // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоznание. Культурология». 2025. № 9. С. 118–137. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-118-137

Brodsky's painting "V.I. Lenin in Smolny". A work of art as a historical source

Andrei V. Keller

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
keller26000@gmail.com*

Abstract. The article attempts a biographical reconstruction of the artist's life with reference to his painting V.I. Lenin in Smolny (1930). I.I. Brodsky (1884–1939) and his work are presented against the backdrop of the terror of the 1930s, the ideological collapse of the fine arts, and the artist's personal success. The diaries of P.N. Filonov (1883–1941) make it possible to see I.I. Brodsky from an unusual perspective not only as the founder of an entire movement of the so-called socialist realism in the fine arts of the Soviet Union, but also as a man with his own thoughts and feelings. Brodsky managed to undergo an amazing transformation from an academic artist of the pre-revolutionary period to a pillar of Soviet art. That reflected his talent of both a person and an artist who was able to grasp the tendencies of the time and respond to them with relevant art both before and after the Russian Revolution, while remaining a recognized academic master of the world level and whose canvases can be quite rightly placed alongside the works of Diego Velazquez, Alexei Antropov, or Jacques-Louis David. Based on a hitherto unknown work (a variant of the painting Lenin in Smolny), the article reveals an unknown up to the present day, contradictory, and experimental side of his art that echoes an era full of tragedy.

Keywords: I.I. Brodsky, V.I. Lenin, P.N. Filonov, a work of art as a historical source, Leniniana, Soviet art of the 1930s

For citation: Keller, A.V. (2025), "Brodsky's painting 'V.I. Lenin in Smolny'. A work of art as a historical source", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 118–137, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-118-137

Der Verstand vermag nichts anzuschauen,
und die Sinne nichts zu denken.

Immanuel Kant¹

Разум не может ничего созерцать,
а чувства – мыслить.

Иммануил Кант

Творчество Исаака Израилевича Бродского (1884–1939)², известного как одного из основоположников соцреализма в изо-

¹ Kant I. Kritik der reinen Vernunft / ed. by R. Schmidt. Hamburg, 1956. S. 95.

² Художник, график. Родился в семье мелкого торговца в деревне Софиевка Таврической губернии. Учился в Одесском художественном уни-

бразительном искусстве, удивительно многогранно. Историк, занимающийся исследованием советской эпохи, подобен археологу, вскрывающему культурные и ментальные слои для воссоздания, насколько это возможно, аутентичной картины прошлого. Жизнь и творчество этого художника, кажется, погребены под пластами стереотипов советской идеологии, мифотворчества и официоза [Bonnell 1999; Kämpfer 1997; Plaggenborg 1996; Исаак Бродский 2002, с. 46]. Словно от живого художника, ученика И.Е. Репина (1844–1930), осталась лишь формальная оболочка человека-символа, живой (или мертвой) иконы [Jackson 2006; Plamper 2012]. Мастерство И.И. Бродского основывалось на-solidном академическом образовании в Императорской Академии художеств, основывающемся на классических канонах античных Греции и Рима, европейского искусства эпохи Возрождения и классицизма. С его чутким вслушиванием в хриплое дыхание эпохи, тонкой сенсорикой он улавливал малейшие сейсмические толчки современности. Трехступенчатый анализ картины в рамках теории *iconic turn* поможет глубже понять события художественной жизни в более широком историческом контексте [Kittsteiner 2004, SS. 153–182; Bachmann-Medick 2008, SS. 9–15]. Это *преиконографическое описание* картины, т. е. того, что фактически изображено на картине с учетом истории стилей и мотивов; *иконографический анализ*, описывающий значение изображенного с учетом исторического контекста и жанров, и *иконологическая интерпретация* символического содержания картины [Kittsteiner 2004, S. 157].

1930-е годы полны трагических, порой жестоких событий: массовый террор и репрессии не прошли мимо И.И. Бродского, находившегося в эпицентре событий. Атмосферу гнетущего состояния художника в последние месяцы его жизни выразил его ученик, А.И. Лактионов, изобразивший своего учителя дезиллюзионированным и уставшим, позже – смертельно больным

лице (1895–1902) в классе Л.Д. Иорини, К.К. Костанди и Г.А. Ладыженского и в Художественном училище Академии художеств в Санкт-Петербурге в классах Я.Ф. Гионглинского (1902–1908) и И.Е. Репина (с 1903 г.). Член Союза русских художников, Ассоциации художников революционной России (АХРР) 1922–1932, с 1928 г. переименована в Ассоциацию художников революции, с 1932 г. Союза советских художников. 1934–1939 гг. – директор Всероссийской академии художеств. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1932), доктор искусствоведения (1939).

³ Лактионов А.И. Портрет И.И. Бродского. Холст, масло, 120 × 90 см., 1938. ГРМ; *Он же*. И.И. Бродский незадолго до смерти. Холст, масло, 1938.

и утопающим во мраке³. Ученик Лактионова, П.П. Белоусов, повторил этот сюжет вполне не случайно, подчеркнув не только академическую традицию и школу, но и трагизм эпохи.

Ведь нарушение идеологической чистоты грозило в лучшем случае забвением, в худшем – ГУЛАГом и смертью. Безусловно, это не отменяет того, что «придворный» художник, обласканный властью, пользуется всевозможными привилегиями, высоким авторитетом, признанием и славой. Что же происходило с художником до его преждевременной кончины в 55 лет, 14 августа 1939 г.? И не явился ли его уход следствием применения испытанного средства в устраниении еще одной «политической» проблемы – художника, оступившегося и не способного более исполнять роль иконы советского искусства. По официальной версии Бродский умер от рака крови (белокровия, или острой лейкемии), что довольно странно при превосходном питании и отличном здоровье художника, и вызывает скорее ассоциации с быстрым увяданием от лучевой болезни в 53 года⁴. Начало болезни совпало с собраниями студентов и профессоров Академии художеств в апреле 1937 г., на которых над Бродским «было устроено студенческое судилище, его осудили и заклеймили, как человека, не оправдавшего доверия. Учащиеся начисто отвергают его систему руководства, признают ее вредной и отрицают его авторитет», резолюция последнего собрания отправлена И.В. Сталину⁵. В этом же году «маски сорваны» окончательно, в разгар «Большого террора» Бродский бросает вызов советской власти и лично Сталину, отказавшись от предложения написать картину «Беседа т. Сталина с металлургами», приуроченной к Всесоюзной выставке «Индустрия социализма»⁶. Несмотря на тяжелую

ГРМ; *Белоусов П.П.* Памяти учителя. А.И. Лактионов пишет портрет И.И. Бродского. Холст, масло, 1985. Музей-квартира И.И. Бродского.

⁴ Из ближнего круга художника преждевременно уходят из жизни яркие таланты – А.Б. Лаховский (1880–1937), 7 января 1937 г., 56 лет, в Нью-Йорке от острой лейкемии; А.В. Яковлев (1887–1938), 12 мая 1938 г. умер в 55 лет в Париже от рака желудка, во время операции; Б.Д. Григорьев (1886–1939), 7 февраля 1939 г., в 53 года во Франции, не нашедшие себе места в Новой России, картины которых хранятся в коллекции И.И. Бродского.

⁵ *Филонов П.Н.* Дневник / вступ. ст. Е. Ковтуна. СПб.: Азбука, 2000. С. 416.

⁶ *Морозов А.* Оксана Волкова: «Бродский при любой власти жил бы хорошо», 25.11.2024 // Эгоист. URL: <https://egoistmag.ru/article/oksana-vol-kova-brodskiy-pri-lyuboy-vlasti-zhil-by-horosho> (дата обращения 24.05.2025).

болезнь, он находил в себе силы, до последних дней заниматься преподавательской деятельностью со студентами.

Бродский не оставил завещания: «Семья художника – жена Т.П. Мясоедова-Бродская, дочь Л.И. Бродская и сын Е.И. Бродский, – зная его желание, передали коллекцию государству»⁷, а 4 октября 1939 г. Совет Народных Комиссаров Союза ССР принял постановление организовать в квартире и мастерской художника в бывшем доме графа Михаила Вильегорского, находящемся сегодня по адресу: площадь Искусств, 3, постоянную выставку произведений художника и его коллекции. По этому адресу сегодня находится музей-квартира И.И. Бродского. Все необходимое для увековечения памяти о художнике и его канонизации как основоположника соцреализма в изобразительном искусстве и создателя портретов В.И. Ленина, ставших хрестоматийными в изображении вождя, было сделано. Превращение Бродского в «икону» социалистического реализма произошло. Ведь на создателя образа «великого вождя» (Ленинианы) не должна была упасть ни малейшая тень подозрения в отступлении от канона [Sadiraka 1994, р. 785].

Таким отступлением, по нашему мнению, является вариант картины «В.И. Ленин в Смольном», выставленной в свое время в Берлине. С 18 по 27 октября 2002 г. в выставочных залах концерна Фольксваген (Automobil Forum Unter den Linden, сегодня DRIVE. Volkswagen Group Forum) проходила выставка «старого искусства» Ars Nobilis, где вниманию столичной публики были представлены экспонаты из 16 лучших частных коллекций Германии. Здесь можно было увидеть широкую панораму европейского искусства: от работ мастеров Ренессанса, нидерландского портрета до немецких экспрессионистов. Тем более неожиданным стало открытие в таком окружении двух полотен с изображением вождя русской революции В.И. Ленина кисти И.И. Бродского: «В.И. Ленин в Смольном» (1930; прежнее название «Декрет о земле», создана на основе фотографий, а также зарисовок, сделанных автором в Смольном в 1917/18 г., а также на II Конгрессе Коминтерна

⁷ Музей-квартира И.И. Бродского: Живопись, графика, скульптура XVIII–XIX вв. / сост. И.Н. Баршева, О.П. Родосская, А.Г. Петрова. Л.: Искусство. 1989. Л., 1989. С. 8–9; Лев Лурье высказал мнение, что Бродский завещал свою коллекцию и все свои антикварные драгоценности государству, чтобы избежать уголовного преследования в вопросе их приобретения. См.: Художник Бродский // Пятый канал <сайт>. Культурный слой. 09.03.2010. URL: <https://www.5-tv.ru/programs/broadcast/503107/> (дата обращения 13.12.2016).

в Петрограде в 1920 г.)⁸ и «Ленин читает газету “Правда”» (Москва, Кремль, 16.10.1918. 1930-е гг.).

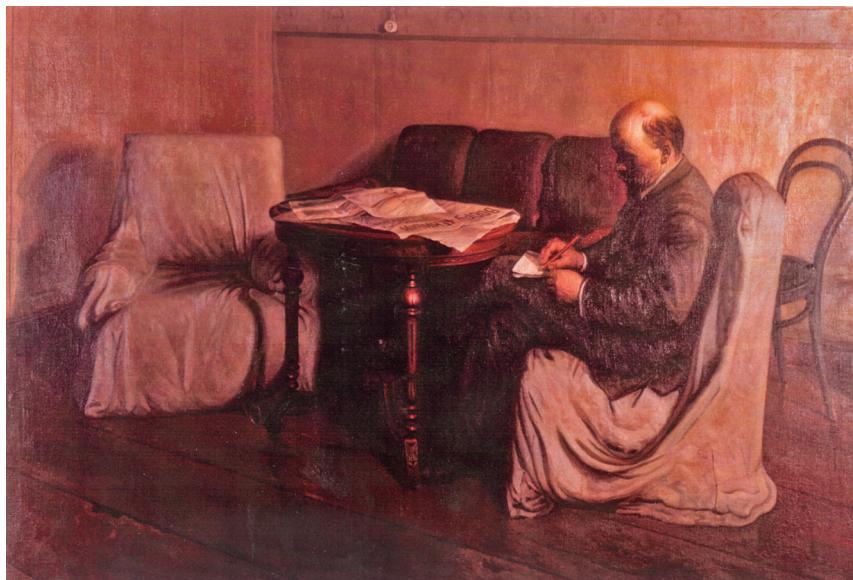

Рис. 1. Бродский И.И. В.И. Ленин в Смольном (1930)

Масло, холст, 94 × 139 см

Частное собрание

Судя по надписи на обратной стороне первой картины, первоначально она принадлежала Московскому товариществу художников на Кузнецком мосту, 11. Что потом происходило с картиной, и где она находилась в Советском Союзе – неизвестно. Вероятно, долгое время она хранилась в частной коллекции и в какой-то момент попалась на глаза любителю советского искусства из Германии в каком-либо московском или петербургском антикварном магазине в 1990-е годы. Подлинность картины не вызывает сомнений при наличии сертификата и проведенной экспертизы, предоставленной в 2002 г. на тот момент владельцем картины Отто фон Митцлафом, приобретшем ее в свою очередь в аукционном доме «Целлер»

⁸ Бродский несколько раз имел возможность делать зарисовки с Ленина. См.: Исаак Израилевич Бродский: статьи, письма, документы. М.: Советский художник, 1956. С. 309–310; Бродский И.И. Мой творческий путь. Л.: Художник РСФСР, 1965. С. 113–120.

в Линдау на Бодензее в Германии. Сегодня картина находится в частной коллекции покупателя, пожелавшего остаться анонимным. Это произведение разительно отличается от общеизвестных полотен, находящихся в Государственном историческом музее и Государственной Третьяковской галерее в Москве.

Анализ картины

Обратимся к варианту портрета В.И. Ленина в Смольном, ставшему неотъемлемой частью обширной Ленинианы в советском изобразительном искусстве [Воронина 1962; Аболина 1968; Шефов 1980].

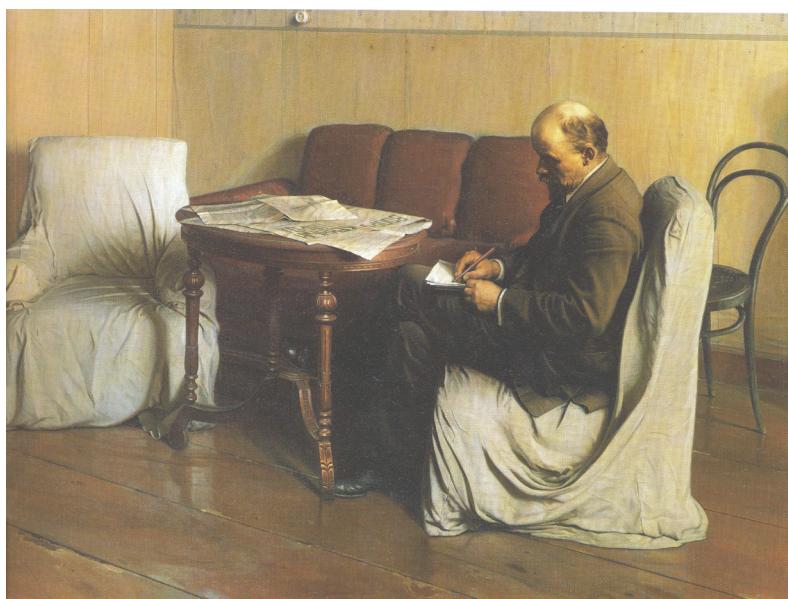

Рис. 2. Бродский И.И. В.И. Ленин в Смольном (1930)

Масло, холст, 190 × 287 см., поступление 1937, от автора, инв. № 25467

Государственная Третьяковская галерея, Москва;

см.: Русская и советская живопись: <альбом / авт.-сост. Л.И. Иовлева>.

Л.: Аверора, 1986. С. 342. № 218

Отметим, что для обеих картин свойственны оригинальность композиции, отсутствие штампов и «недогматичность» трактовки

образа Ленина. Но особенно в «официальном» варианте последний предстает не только вождем русской революции, но и «человечным» политиком и «трудящимся» интеллектуалом в интимной обстановке. Бродский вспоминал: «Мысль, написать эту картину зародилась случайно, когда я посетил комнату Ленина в Смольном. Из этого небольшого музея я ушел с твердым решением написать картину. Я написал ее очень быстро, в две-три недели. Нахожу, что Ленин мне удался. Это подтверждала и Надежда Константиновна Крупская. Картина находится в Центральном музее В.И. Ленина (сегодня Государственный исторический музей. – А. К.), а ее вариант – в Третьяковской галерее», вспоминал Бродский⁹. Картина была выставлена в Италии, Турции и США. На Всемирной выставке в Финляндии она заняла третье место зрительских симпатий, причем, на первом месте оказался пейзаж одного американского художника, а на втором – художника из Италии, написавшего портрет обнаженной женщины¹⁰.

В отличие от картин в ГИМе и ГТГ, пронизанных светом и почти с фотографической точностью передающих портретируемого и окружающую обстановку, «картина в полутьме» из частной немецкой коллекции отличается своей «художественностью», о которой с таким пренебрежением отзывался Бродский, будучи в официальном амплуа: это именно живопись, а не фотorealism. Сам Бродский никогда не отрицал, что использовал для своих работ фотографию, в том числе и в работе над картиной «В.И. Ленин в Смольном», но «этот “прозаизм” далек от холодного объективизма, бесстрастной мелочной фактографии и фотографизма»¹¹. Бродский в своем стремлении, «реалистично» отобразить действительность, действительно часто обращается к фотографии. По мнению Лии Дикерман и Андрея Романовского, именно фотография В.К. Буллы¹², и никакой другой мотив, послужила прообразом композиции¹³. Документальный материал художник умел творчески интерпретировать, опираясь на живые наблюдения и эскизы.

⁹ Бродский И.И. Мой творческий путь. С. 146.

¹⁰ Там же.

¹¹ [Смирнов 2019]. См. также: Исаак Израилевич Бродский. М.: Изобразительное искусство, 1973. С. 316.

¹² Булла В.К. Ленин на заседании III конгресса Коминтерна в бывшем Андреевском зале Кремля: Исаак Бродский рисует его портрет 28 июня 1921 г. Фотография // История России в фотографиях <сайт>. URL: <https://russiainphto.ru/photos/70864/> (дата обращения 19.05.2015).

¹³ [Dickerman 2000, pp. 144, 146]. См. также: Романовский А. Академизм в русской живописи. [М.]: [Белый город], [2005]. С. 373.

Отметим, что Бродский, как уже официальный хроникер, делал эскизы Ленина на Втором конгрессе Коминтерна, проходившем с 19 июля по 7 августа 1920 г. в бывшем Таврическом дворце в Петрограде, и на Третьем конгрессе Коминтерна в Петрограде и Москве с 22 июня по 12 июля 1921 г. Именно в Москве был сделан знаменитый снимок, положенный в основу картины. Отсылка к связи такого композиционного решения с социалистическим реализмом и фотоискусством правомерна, но не единственно возможна. Сравнение с традиционной иконой также допустимо и действительно при попытке верификации символического содержания картины. Бродский не копирует фотографию, напротив, фотография зафиксировала момент выбора художника. Но даже если он не думал о реминисценциях или парофразах с иконой, данное сравнение, тем не менее, правомерно, если мы мыслим Бродского как укорененного в русской культурной, духовной и живописной традиции. Ничто не мешало ему попытаться использовать этот мотив с целью более сильного воздействия на восприятие зрителей картины. Ведь не секрет, что художник мыслился на «передовой идеологического фронта» в борьбе за «новое» сознание. Изобразительное искусство, так же как радио, театр и кинематограф, должно были формировать «нового советского человека», его когнитивность, а значит трансформировать глубоко укорененное массовое религиозное сознание «русского человека». Именно в этом контексте нам мыслится сочетание реализма с традиционной иконописью. Возможно поэтому картина убеждала зрителей прежде всего своей правдивостью изображения.

Недоброжелатели Бродского придумали в связи с этим особый термин «фото-бродскизм» по аналогии с «троцкизмом», чтобы выставить его искусство в негативном свете¹⁴. Вся серьезность такого «юмора» становится понятна на фоне арестов в течение полугода 1936–1937 г. 15 художников «троцкистов-террористов» [Манин 2008, с. 329]. В 1937 г. подобные шутки трансформируются в политические обвинения, ставшие для многих художников роковым приговором [Манин 2008, с. 336–369]. Как должен и может ли художник творить в несвободном обществе? Известно, что картины с изображениями В.И. Ленина находились под неусыпным идеологическим контролем партийных инстанций, ОГПУ/НКВД, высшего руководства страны. Распространенной практикой были распоряжения вышестоящих инстанций об изменении «контреволюционного лица», модификации сюжета и композиции картины, вплоть до создания «подходящего настроения». Некоторые

¹⁴ Памяти Исаака Израилевича Бродского: Воспоминания / ред. И.А. Бродский, М.П. Сокольников. Л.: Художник РСФСР, 1959. С. 106.

показательные примеры находим в дневниках П.Н. Филонова¹⁵. Его коллега В.Н. Мешков (1867–1946) был приглашен 16 сентября 1932 г. в ОГПУ на беседу, где его бесцеремонно спросили, «почему он, коммунист, так странно написал портрет Ленина, почему он написал очередь баб перед кооперативом, что он хочет этим сказать»¹⁶. 12 ноября 1932 г. Филонов записал свой разговор с Казимиром Малевичем (1878–1935), где тот жаловался на допросы во время его трехмесячного заключения в тюрьме. Следователь спрашивал его: «О каком сезаннизме вы говорите? О каком кубизме вы проповедуете?»¹⁷. Павел Филонов был вынужден несколько раз переделывать свою картину с рабочими Путиловского завода, так как функционерам от искусства она казалась недостаточно идеологически выверенной, вплоть до выражения лиц¹⁸.

Но давайте представим себе – Бродского действительно не терзали сомнения, могущие негативно повлиять на воплощение образа Ленина. Он делал добросовестно свою работу, как высокий профессионал, и выполнял заказ, данный властью. В таком случае свет в «немецком» варианте из апокалиптического превращается в теплый и не раздражающий, что все же не снимает напряжения, которое транслируют заголовок газеты, лежащей на столе: «Вооруженный народ». Чтобы показать «человечного» вождя, приблизить его к зрителю, Бродский использует теплый цвет и скромный «мелкобуржуазный» антураж без излишней помпезности [Волков 1985]. С одной стороны, Ленину противопоставляется «мещанская» эстетика «старого мира», когда из старого рождается новое, с другой – он ею окружен, благодаря чему становится для зрителя по-домашнему своим. Дворянин никогда бы не сел на зачехленную мебель, хотя это был своеобразный стиль эпохи, где зачехленная мебель вошла в моду. В то же время, его позе присуще поразительное сходство с изображениями коленных поз, к примеру, евангелистов Марка и Луки на русских иконах¹⁹. Трудно судить о том, создал ли мастер такую параллель сознательно. Но она в данном контексте пришлась бы как нельзя кстати. Ведь Ленин пишет

¹⁵ [Мислер, Боулт 1990]. См. также: Филонов П.Н. Дневник.

¹⁶ Филонов П.Н. Дневник. С. 157.

¹⁷ Там же. С. 165.

¹⁸ Там же. С. 157.

¹⁹ Вахрина В.И. Иконы Ростова Великого / Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль». 2-е изд., испр. и доп. М.: Северный паломник, 2006. С. 120; Иконы XIII–XVI вв. в собрании Музея имени Андрея Рублева: [каталог] / ред.-сост. Л.М. Евсеева; Центр. Музей древнерус. культуры и искусства им. Андрея Рублева. М.: Северный паломник, 2007. С. 502.

на колене точно так же, как в изображениях «коленной позы» евангелистов на иконах (в том числе XVI в.) [Кулакова 2023], несущих благую весть миру, высшую истину. Ленин, напротив, несет новое учение социализма и новую идеологию вместо религии. Предельный реализм усиливается классическим каноном иконописания.

«Немецкий» вариант картины по сравнению с ее «двойниками» выдержан в светло-коричневом тоне, переходящем в более темный, и напоминает больше художественную картину, чем произведения соцреализма или фотореализма. В этом заключается ее первый «недостаток». Ведь, согласно идеологически «правильным» представлениям того времени, картина советского художника должна была быть яркой, жизнерадостной, солнечной, заряженной позитивной энергией. Этот тип живописи прекрасно представлен такими мастерами советского искусства как, например, Аркадием А. Пластовым (1893–1972) и Александром И. Лактионовым (1910–1972).

В данном контексте судьба художника предстает несколько в ином свете, свидетельствуя о сложности процесса трансформации его творческого метода – «этая картина вынашивалась годами» [Аболина 1968, с. 22]²⁰. Необычность «немецкой» версии может объясняться кратковременным сильным эмоциональным переживанием Бродского, связанным с каким-либо трагическим событием: потерей близкого человека, ученика, коллеги. Естественная, а потом и трагическая ломка восприятия художника и его творческого метода видна уже при поверхностном сравнении его творчества до и после 1917 г. И.А. Бродский писал, что достаточно посмотреть на картины И.И. Бродского «Торжественное открытие II конгресса Коминтерна» и «Расстрел 26 бакинских комиссаров», являющихся по мнению автора этой статьи действительно примерами политизированного искусства и ходульной пропаганды, «чтобы понять, какой поворот должен был сделать художник от сравнительно камерных, в основе своей лирических произведений прежних лет. В известной мере это была революция, связанная с перестройкой художественного мышления и пересмотром творческих приемов. На первых порах количественные элементы преобладали над качественными. <...> Колорит носит еще “иллюстрирующий” характер. Эти потери были связаны с поисками четкого и ясного реалистичного языка, характерных особенностей художественно-документальной живописи»²¹. Видимо, как раз в этом замечании о колорите находится ключ к разгадке «немецкого» варианта, где Бродский

²⁰ См. также: Бродский И.И. Мой творческий путь. С. 15.

²¹ Исаак Израилевич Бродский... С. 314–315.

ищет колоритное решение картины, но этим, по нашему глубокому убеждению, не ограничивается. Его автопортрет 1904 г. поразительно похож по стилю: светотехнике и палитре коричневых тонов, на автопортрет Рембрандта Харменса ван Рейна 1634 г. (Флоренция, Галерея Уффици), которому Бродский подражал в молодости не только как начинающий художник, но и в повседневной жизни, нося «рембрандтовский» берет²². К этой манере письма он вернется еще раз при работе над одним из вариантов картины «В.И. Ленин в Смольном» в 1930 г., но уже совсем в ином контексте.

Несомненно, Бродский, как директор Всероссийской Академии художеств СССР (с 1934 г.), как галеонная фигура политической системы и соцреализма, в борьбе против «формализма» в искусстве, несет прямую ответственность за то, что все другие направления в изобразительном искусстве перестали играть какую-либо заметную роль, а художники, не желавшие следовать идеологической линии партии, преследовались или замалчивались. Но не ждала ли его точно такая же судьба, победи не он, а представители русского авангарда? Мог ли он пойти против линии партии, которая во многом зависела от того, какая из конкурирующих школ сумеет стать наиболее убедительной? Допустимо ли трактовать фигуру такого масштаба как Бродский лишь как «придворного» художника, охотно выполняющего государственный заказ поувековечению памяти советских руководителей?²³.

«...Когда не в шутку занемог»

«Мой дядя самых честных правил!..»²⁴ – такой цитатой из первой строфы романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина закончил Иосиф Анатольевич Бродский (1904–1980)²⁵ дарственную надпись в книге о творчестве своего дяди, И.И. Бродского, 30 мая

²² Бродский И.И. Мой творческий путь. С. 56.

²³ См., например, портреты С.М. Буденного (1929), К.Е. Ворошилова (1929, 1937), В.Р. Менжинского, В.М. Молотова, С.М. Кирова, В.В. Куйбышева, А.А. Жданова, Л.М. Кагановича, Г.К. Орджоникидзе, И.В. Сталина (1937), М.В. Фрунзе (1929).

²⁴ Пушкин А. Евгений Онегин: [Роман в стихах]. М.: Олимп, 2000. С. 4.

²⁵ И.А. Бродский, племянник И.И. Бродского, искусствовед, работал в Академии художеств в 1939–1940 гг., принимал участие в создании Дома-музея И.Е. Репина в Куоккале на бывшей финской территории, включенной в состав СССР после советско-финской войны, позднее – главный редактор издательства «Советский художник».

1974 г., которую он подарил свердловскому профессору, заведующему кафедрой истории искусств в Уральском государственном университете, Борису Васильевичу Павловскому²⁶.

Что же происходило с художником в 1920–1930-е гг. до его преждевременной кончины в 1939 г. и сразу после нее? Бродский состоялся как мастер, его картины пользовались огромной популярностью, распространялась в копиях миллионными тиражами (принося при этом мэтру огромный доход)²⁷, а значит, полностью выполняли свое предназначение в «канонизации» вождя и создания его «иконы». Бродскому было позволено как «посвященному» приблизиться к «святая святых» советского режима – образу вождя и работать над его (вос)созданием. В свою очередь, художник, изображавший «советского святого» исполнял роль положительного примера, должен был также стать иконой. Работа по мифологизации требовала своих жертв, и, если человек-икона переставал играть таковую функцию, он мог заплатить за это дорогую цену.

Картины А.И. Лактионова и П.П. Белоусова точно передают внутреннее состояние И.И. Бродского незадолго до его смерти 14 августа 1939 г. По свидетельству И.А. Бродского, начиная с 1936–1937 гг. художник страдал раком крови или лейкемией, но он не сдался, не ушел в отставку. Демонтажа «иконы» Бродского не произошло. Соблюдены все формальности и отданы почести заслуженному художнику. Летом 1939 г. с помпой отмечен 35-летний юбилей его творчества, ему присвоена научная степень доктора искусствоведения. Комитет для подготовки празднования юбилея художника опубликовал письменное обращение Бродского, в котором он сообщил, что вместе с миллионами трудящихся с радостью и благодарностью повторяет – ему довелось жить в прекрасную эпоху²⁸. Александр Боровский так охарактеризовал Бродского: «Уникальный тип. Его легко ругать, его просто понять, это вечный тип художника при власти»²⁹. Пожалуй, не стоит излишне драмати-

²⁶ Книга находится в Зональной научной библиотеке Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, г. Екатеринбург (см.: Исаак Израилевич Бродский...).

²⁷ В связи с большой популярностью картин Бродского и широким спросом на них, в его мастерской работало множество художников-копистов, что позволило художнику стать состоятельным человеком. В 1930-е гг. он построил на свои средства на своей родине в Софиевке в Крыму электростанцию стоимостью более 80 000 руб. (см.: Филонов П.Н. Дневник. С. 344; Бродский И.И. Мой творческий путь. С. 137).

²⁸ Исаак Израилевич Бродский... С. 308.

²⁹ Художник Бродский... 09.03.2010.

зировать жизнь Бродского. Его судьба сложилась по сравнению с большинством советских художников 1930-х гг. как нельзя лучше. Он стоит в одном ряду с обласканными властью деятелями культуры – Алексеем Толстым в литературе, Исааком Дунаевским в музыке, Григорием Александровым в кино. Творчество Бродского, известного как основоположника соцреализма в изобразительном искусстве, соединило в себе лучшие традиции европейского искусства, академической и салонной живописи, русского реалистического искусства. Оставаясь верным своим демократическим убеждениям, художник решил, что его творчество может послужить становлению нового общественного порядка. В феврале 1917 г. он пишет портрет А.Ф. Керенского, после Октябрьского переворота становится автором целого ряда портретов и сюжетных картин с изображением советских вождей, что удавалось лишь избранным.

Сравнивая «рембрандтовский» автопортрет молодого Бродского (Музей-квартира И.И. Бродского), от которого ведется отсчет его профессиональной карьеры, его пейзажные работы и дореволюционные портреты с работами советского периода, начинаешь понимать, что было два совершенно разных художника, живших в одном, начинаешь отчетливо видеть противоречивость эпохи и неоднозначность истории. Визуальный ряд картин художника до и после русской революции 1917 г. показывает, какая драматичная перемена произошла в восприятии Бродского, равнозначная перемени всей его эстетики: от изящной ажурности, яркой, радужной, сказочной, жизнерадостной и жизнеутверждающей палитры цикла картин в Италии, Франции и Испании: «...художник воплотил радость бытия, любовь к жизни, к детям, солнцу в ярких живописных композициях. <...> он писал свои красочные поэмы о цветах и детях, чтобы превратить в сказку, украсить землю...»³⁰, происходит переход к более «пасмурным» черно-бело-коричневым идеологически выверенным официальным, но не официозным тонам, образной монотонности во всем их многообразии и мастерском исполнении. А. Эфрос ясно увидел эту разницу: «Бродский стал жить в двух этажах... В одном этаже у Бродского была живопись обычного склада – пейзажная, портретная, жанровая; она канонически повторяла то, что художник делал до революции. ...В другом этаже у Бродского – новая тематика, живопись на общественно-революционные сюжеты» [Исаак Бродский 2002, с. 42]. Работы художника до 1917 г. Александр Боровский характеризует как «типичное ар-нуво. ...Арт-декошные моменты были предвидены Бродским. Очень хорошее салонное, но, в то же время, выразительное, яркое и очень

³⁰ Исаак Израилевич Бродский... С. 55.

профессиональное искусство. Салонно-академическое плюс элементы даже неких авангардных веяний символистских того времени. Недаром антиквары ценили и тогда, и сейчас, Бродский – очень дорогой художник»³¹.

В.М. Бялик отмечает в ранних пейзажах Бродского «мягкость, певучесть, музыкальность, ажурность рисунка», видя в «однородной по цвету серо-коричневой» массе в полотне «Торжественное открытие II Конгресса Коминтерна...» отражение «сам<ой> Истори<и>: равнодушн<ой> и жесток<ой>» [Исаак Бродский 2002, с. 8, 40]. Говоря о больших монументальных произведениях художника советского периода, критик, напротив, отмечает «сходство и даже банальность их композиций, скромность колорита, да и неинтересность мотива» [Исаак Бродский 2002, с. 41]. Но за шаблонным образом Бродского, как апологета советского государства 1920–1930-х гг. и основателя соцреализма, невозможно увидеть художника чувствующего и переживающего, видевшего, как набирает обороты маховик террора. Леонид Хеллер указал именно на непредсказуемость последнего в том числе по отношению к представителям искусства [Heller 1997, pp. 51–75]. Несомненно, Бродский был частью советской элиты, но было бы не совсем верным интерпретировать события по традиции, сложившейся в исследованиях советского тоталитаризма, когда советское общество рассматривается разделенным на два лагеря: с одной стороны, аппарат террора, с другой – пассивное и страдающее население. Из данной перспективы выпадает аспект того, что человек несет в себе мятежный потенциал, который может позволить ему в какой-то момент восстать против мейнстрима.

Академический реализм Бродского органично сочетался с выработанной к 1930-м гг. эстетической константой сталинского классицизма. Будучи глубоко интегрированным институционально, он был представителем официального искусства и пользовался всеми благами, живя барином на широкую ногу в бывшем дворце на площади Искусств напротив Русского музея³². Бродский и Филонов – настолько разные художники, они, каждый по-своему, находились в конфронтации с системой. Филонов состоял в кон-

³¹ Там же.

³² В 1932 г. ему присвоено звание Заслуженного деятеля искусств, в 1932–1939 гг. он становится профессором (с 1934 г. директором) Российской академии художеств, в 1934 г. он награжден орденом Ленина в связи с тридцатилетней творческой деятельностью, в 1939 г. Бродскому присуждают почетное звание доктора искусствоведения (см.: Памяти Исаака Израилевича Бродского... С. 19).

фликте с идеологами от Изогиза, Бродский, как представитель русского реализма в его социалистическом варианте, – со студентами и преподавателями Академии художеств. Филонов видел себя революционером и идентифицировал себя с советской властью, не видя ей альтернативы. Бродский, напротив, сумел найти компромисс, что его, конечно же, обязывало присоединяться время от времени к хору партийных функционеров, чиновников от искусства, и художников, порицавших «формализм» в искусстве. Сам Филонов предупреждал не солидаризироваться с противниками Бродского, осуждая его в душе за «мещанский» стиль жизни с чертами сибаритства и излишний конформизм, получивший среди части художников презрительное название «чего изволите?» В своем дневнике Филонов сообщает важную повседневную деталь, подмеченную на заседании горкома 10 ноября 1934 г., когда он во время своей речи, то обращался в зал, то поворачивался к президиуму, откуда на него «сверкал бриллиант с кольца на мизинце Бродского»³³. Тем не менее 18 февраля 1936 г., во время разговора Бродского с Филоновым в его мастерской на Петроградской стороне, когда тот уговаривал последнего продать ему свои картины³⁴, Филонов обратился к коллеге: «Мы “делаем” историю искусства, а другие в нее “попадают”»³⁵, признав конгениальность Бродского.

Заключение

«Немецкий» вариант картины И.И. Бродского «В.И. Ленин в Смольном» (рис. 1), свидетельствует о том (судя по его размеру: он в два раза меньше официальных версий, и стилю картины: цветовая гамма и светотень отсылают к автопортрету художника 1904 г.), что художник находился в поисках наиболее подходящего образа вождя и языка картины, экспериментируя с техническими возможностями их передачи. Находясь на перепутье и переосмысливая весь свой предыдущий опыт, он экспериментирует, перебирая свои прежние рабочие техники. Можно сказать с большой долей уверенности, что ввиду серьезных концептуальных и цветовых расхождений с известной официальной версией (рис. 2) он не может быть копией. Это – самостоятельный ори-

³³ Филонов П.Н. Дневник. С. 272.

³⁴ Слово *комиссары* в обращении Бродского могло быть использовано им с отрицательной коннотацией, возможной лишь при доверительном разговоре близких друзей или коллег (см.: Филонов П.Н. Дневник. С. 343).

³⁵ Филонов П.Н. Дневник. С. 343.

гинальный вариант картины. На примере И.И. Бродского и его отношениях с властью показана эволюция художника русской академической школы к мастеру соцреализма. Но используя такие клише, как «большевик или попутчик», «придворный или не придворный» художник, нельзя понять противоречивой, сложной личности человека и художника, живущего в непростую эпоху, не понять трагедии сталинизма³⁶.

Благодарности

Исследование выполнено за счет госзадания МНиВО РФ № FEUZ-2023-0018.

Acknowledgement

This work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project no. FEUZ-2023-0018.

Литература

- Аболина 1968 – Аболина Р.Я. Образ В.И. Ленина в изобразительном искусстве / Всесоюз. о-во «Знание»; Науч.-метод. совет по пропаганде литературы и искусства. М.: Знание, 1968. 23 с.
- Волков 1985 – Волков Н.Н. Цвет и светопись в живописи. М.: Искусство, 1985. 320 с.
- Воронина 1962 – В.И. Ленин в произведениях советских художников / сост. Н. Воронина. 4-е изд. М.: Советский художник, 1962. 83 с.
- Исаак Бродский 2002 – Исаак Бродский / [авт. текста В. Бялик]. М.: Белый город, 2002. 47 с.
- Кулакова 2023 – Кулакова И.П. Материальная среда производства научного знания: к истории письменного стола в России // Международный журнал исследований культуры. 2023. № 4 (53). С. 6–19.

³⁶ Для составления более полной картины безусловно необходимо привлечение в будущем дополнительных архивных источников: протоколов заседаний президиума Академии художеств СССР, эпистолярного наследия художника (см. например: РГАЛИ. Ф. 2020. Оп. 1, 2, 3; Ф. 2368. Оп. 1. Д. 137; Ф. 2820. Оп. 1. Д. 273: Письма И.И. Бродскому: Л.П. Берия (1935) Е.Г. Нерадовской [1930-е]; материалы к биографии (1924–[1930-е]) и др.

- Манин 2008 – *Манин В.С.* Искусство и власть: Борьба течений в советском изобразительном искусстве 1917–1941 гг. СПб.: Аврора, 2008. 269 с.
- Мислер, Боулт 1990 – *Мислер Н., Боулт Д.Э.* Филонов: Аналитическое искусство. М.: Советский художник, 1990. 247 с.
- Смирнов 2019 – *Смирнов Т.И.* Фотореализм в России: Смотреть и видеть. М.: БуксМарт, 2019. 320 с.
- Шефов 1980 – *Шефов А.Н.* Образ В.И. Ленина в советском изобразительном искусстве. Л.: Художник РСФСР, 1980. 191 с.
- Bachmann-Medick 2008 – *Bachmann-Medick D.* Gegen Worte – Was heißt ‘Iconic/Visual Turn’? // *Gegenworte*. 2008. No. 20. S. 9–15.
- Bonnell 1999 – *Bonnell V.E.* Iconography of power. Soviet political posters under Lenin and Stalin. Berkeley, 1999. 404 p.
- Dickerman 2000 – *Dickerman L.* Camera Obscura. Socialist realism in the shadow of photography source // *October*. 2000. Vol. 93. P. 138–153.
- Jackson 2006 – *Jackson D.* The Russian vision. The art of Ilya Repin. Woodbridge, Suffolk: ACC Art Books Ltd, 2006. 216 p.
- Heller 1997 – *Heller L.* A world of prettiness. Socialist realism and its aesthetic categories // Socialist realism without shores / ed. by Th. Lahusen, E.A. Dobrenko. Durham, 1997. P. 51–75.
- Kämpfer 1997 – *Kämpfer F.* Propaganda: Politische Bilder im 20. Jahrhundert, bildkundliche Essays. Hamburg: Verlag Ingrid Kämpfer, 1997. 207 S.
- Kittsteiner 2004 – *Kittsteiner H.D.* ‘Iconic turn’ und ‘innere Bilder’ in der Kulturgeschichte // Was sind Kulturwissenschaften? 13 Antworten / Hrsg. von H.D. Kittsteiner. München, 2004. S. 153–182.
- Plaggenborg 1996 – *Plaggenborg S.* Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln: Böhlau, 1996. 393 S.
- Plamper 2012 – *Plamper J.* The Stalin cult. A study in the alchemy of power. New Haven: Yale University Press, 2012. 352 p.
- Sadiraka 1994 – *Sadiraka E.* Lenin schreibt, Lenin spricht, Lenin hört zu: Die Darstellungen des Revolutionsführers wurden streng kontrolliert // Kunst und Diktatur, Architektur, Bildhauerei und Malerei in Österreich, Deutschland, Italien und der Sowjetunion, 1922–1956 / Hrsg. von J. Tabor. Bd. 1–2. Baden, 1994.

References

- Abolina, R.Ya. (1968), *Obraz V.I. Lenina v izobrazitel'nom iskusstve* [The image of V.I. Lenin in fine arts], Znanie, Moscow, USSR.
- Bachmann-Medick, D. (2008), “Gegen Worte – Was heißt ‘Iconic/Visual Turn’?”, *Gegenworte*, no. 20, S. 9–15.
- Bonnell, V.E. (1999), *Iconography of power. Soviet political posters under Lenin and Stalin*, Berkeley, USA

- Dickerman, L. (2000), "Camera Obscura. Socialist realism in the shadow of photography source", *October*, vol. 93, pp. 138–153.
- [Byalik, V.] (2002), *Isaak Brodskii* [Isaak Brodskii], Belyi gorod, Moscow, Russia.
- Jackson, D. (2006), *The Russian vision. The art of Ilya Repin*, ACC Art Books Ltd, Woodbridge, Suffolk, UK.
- Heller, L. (1997), "A world of prettiness. Socialist realism and its aesthetic categories", in Lahusen, Th. and Dobrenko, E.A, eds., *Socialist realism without shores*, Durham, UK, pp. 51–75.
- Kämpfer, F. (1997), *Propaganda: Politische Bilder im 20. Jahrhundert*, bildkundliche Essays, Verlag Ingrid Kämpfer, Hamburg, Germany.
- Kittsteiner, H.D. (2004). "‘Iconic turn’ und ‘innere Bilder’ in der Kulturgeschichte", in Kittsteiner, H.D., Hrsg., *Was sind Kulturwissenschaften? 13 Antworten*, München, Germany, SS. 153–182.
- Kulakova, I.P. (2023), "Material environment in production of scientific knowledge. On the history of the writing desk in Russia", *International Journal of Cultural Research*, vol. 53, no. 4, pp. 6–19.
- Manin, V.S. (2008), *Iskusstvo i vlast': Bor'ba techenii v sovetskem izobrazitel'nom iskusstve 1917–1941 gg.* [Art and power. The struggle of trends in Soviet fine art of 1917–1941], Avrora, Saint Petersburg, Russia.
- Misler, N. and Bowlt, J.E. (1990), *Filonov: Analiticheskoe iskusstvo* [Filonov. Analytical art]. Sovetskii khudozhhnik, Moscow, USSR.
- Plamper, J. (2012), *The Stalin cult. A study in the alchemy of power*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Plaggenborg, S. (1996), *Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus*, Böhlau, Köln, Germany.
- Sadiraka, E. (1994), "Lenin schreibt, Lenin spricht, Lenin hört zu: Die Darstellungen des Revolutionsführers wurden streng kontrolliert", in Tabor, J., Hrsg., *Kunst und Diktatur, Architektur, Bildhauerei und Malerei in Österreich, Deutschland, Italien und der Sowjetunion, 1922–1956*, Bd. 1–2, Baden, Germany.
- Shefov, A.N. (1980), *Obraz V.I. Lenina v sovetskem izobrazitel'nom iskusstve* [The image of V.I. Lenin in Soviet fine art], Khudozhhnik RSFSR, Leningrad, USSR.
- Smirnov, T.I. (2019), *Fotorealizm v Rossii: Smotret' i videt'* [Photorealism in Russia. Looking and seeing], BuksMArt, Moscow, Russia.
- Volkov, N.N. (1985), *Tsvet i svetopis' v zhivopisi* [Color and light painting in pictorial art], Iskusstvo, Moscow, USSR.
- Veronina, N., comp. (1962), *V.I. Lenin v proizvedeniakh sovetskikh khudozhhnikov* [V.I. Lenin in the works of Soviet artists], Sovetskii khudozhhnik, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Андрей В. Келлер, доктор исторических наук, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; keller26000@gmail.com

Information about the author

Andrei V. Keller, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; keller26000@gmail.com

УДК 82(470)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-138-162

Последнее публичное выступление Андрея Белого (1933): тактика самоописания

Моника Л. Спивак

*Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия, monika_spivak@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается последнее публичное выступление Андрея Белого – творческий вечер, организованный 11 февраля 1933 г. в Политехническом музее Москвы. Свидетельства очевидцев и обзор вечера, опубликованный в газете «Вечерняя Москва», позволяют реконструировать атмосферу мероприятия. Программа вечера, составленная Белым для утверждения тезисов его выступления органами политического контроля, показывает, что писатель старался, с одной стороны, представить себя как настоящего советского писателя, с энтузиазмом выполняющего поставленные коммунистической партией задачи, а с другой – сохранить верность себе, отстоять право на свободу творчества вообще и прежде всего – на свободу творческого эксперимента. Сервильная по форме Программа прикрывала стремление Белого рассказать об особенностях своего нового романа «Маски».

Ключевые слова: Андрей Белый, самоописание, роман «Маски», воспоминания о Ж. Жоресе, советская идеология, И.В. Сталин

Для цитирования: Спивак М.Л. Последнее публичное выступление Андрея Белого (1933): тактика самоописания // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоznание. Культурология». 2025. № 9. С. 138–162. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-138-162

Andrey Bely's last public appearance (1933). Tactics of self-description

Monika L. Spivak

Institute of World Literature, Moscow, Russia, monika_spivak@mail.ru

Abstract. The article deals with the last public performance of Andrey Bely – an evening with the poet organized on February 11, 1933 in the Polytechnic Museum in Moscow. Memories of those who were there and a review

© Спивак М.Л., 2025

of the evening published in the newspaper “Vechernyaya Moskva” allow reconstructing the atmosphere of that event. The Program of the evening, drawn up by Bely for the approval of the theses of his speech by the organs of political control, shows that the writer tried, on the one hand, to present himself as a real Soviet writer, enthusiastically fulfilling the tasks set by the Communist Party, and, on the other hand, to remain true to himself, to defend the right to freedom of creative work in general and, above all, to freedom of creative experiment. Servile in form, the Program covered Bely’s intention to tell about the features of his new novel “Masks”.

Keywords: Andrey Bely, self-description, novel “Masks”, memoirs about Jean Jaurès, Soviet ideology, I. Stalin

For citation: Spivak, M.L. (2025), “Andrei Bely’s last public appearance (1933). Tactics of self-description”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 138–162, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-138-162

11 февраля 1933 г. в Политехническом музее состоялся «Вечер Андрея Белого». 27 февраля «Вечер Андрея Белого» повторен там же. Это были первые столь масштабные мероприятия в СССР, посвященное Белому, и вместе с тем – его последние публичные выступления (в мае 1933 г. писатель отправится на отдых в Коктебель, где его сразит болезнь, приведшая к смерти 8 января 1934 г.).

Есть несколько свидетельств очевидцев, позволяющих реконструировать то, что происходило на первом вечере. Газета «Вечерняя Москва» поместила 13 февраля обзор, написанный литературным критиком А.В. Кутузовым (подписывался А. Кут)¹. Он часто писал о Белом и, как кажется, ему симпатизировал. Уделил место этому вечеру в мемуарах «Последние десять лет жизни Андрея Белого» П.Н. Зайцев, его друг и добровольный литературный секретарь². Сохранился и еще один весьма экзотический документ, так называемое «Письмо колхозницы», двадцатилетней Екатерины Касимой, работавшей учительницей в деревне Молзино Ногинского района Московской области. Она была так ошеломлена и вдох-

¹ Кут А. Вечер А. Белого в Политехническом // Вечерняя Москва. 1933. № 36 (2766). 13 февр. С. 3 (рубрика «Писатель о самом себе»).

² Зайцев П.Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого / подгот. текста и примеч. М.Л. Спивак // Зайцев П.Н. Воспоминания: Последние десять лет жизни Андрея Белого: Литературные встречи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 173.

новлена увиденным, что 16 февраля 1933 г. отправила в «Литературную газету» запись своих впечатлений с надеждой на то, что они будут напечатаны. Публикация не состоялась, но письмо переслали Белому³. В 1990 г. Е.И. Касимова дополнила свое «Письмо» рядом запомнившихся ей деталей⁴.

Если суммировать все эти свидетельства, то ясно вырисуется картина того, что происходило 11 февраля 1933 г. в Политехническом.

«Народу, жаждущего попасть на его лекцию, на улице, в вестибюле, на лестнице было столько, что трудно было прорваться сквозь густую толпу внутрь» (Зайцев). «Большой зал Политехнического музея» был «переполнен до отказа» (Кут). Из-за того, что было «плохо слышно и видно», некоторые, чтобы оказаться ближе к сцене, «вопреки правилам спустились <...> на ступеньки в проходе» (Касимова).

Среди присутствующих было «много представителей литературного и театрального мира. На трибуне – Вс. Мейерхольд, Б. Пастернак, М. Пришвин, Вс. Вишневский и другие» (Кут). А. Кут отметил, что председательствующий на вечере Мейерхольд характеризовал Белого «как писателя, который “сейчас активно включился в строительство нашей новой литературы и проделывает это с большим энтузиазмом и горячностью...”». По воспоминаниям П.Н. Зайцева, Мейерхольд «сказал небольшое вступление», в котором так «говорил о приближении Андрея Белого к современности»: «Он с нами. Он молод... И как распустит крылья, так еще и нас обгонит!».

«Вблизи от сцены» висел большой плакат, на котором было написано «Почему я так непонятен» (Касимова)⁵.

«Чтению своих вещей А. Белый предпослав несколько замечаний об особенностях своих произведений» (Кут). Для чтения были выбраны отрывки из романа «Маски» и воспоминания о встречах с Ж. Жоресом (глава воспоминаний «Между двух революций»). «В заключение А. Белый читал стихи» (Кут). Также Белый «отвечал на записки, а их был ворох. В одной вопрос: “Почему роман ‘Маски’ так непонятен и так понятен отрывок о Жоресе?”» (Зайцев).

³ Андрей Белый: *pro et contra: Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников: Антология / сост., вступ. статья, коммент. А.В. Лаврова*. СПб.: РХГА, 2004. С. 26–28.

⁴ Запись Д.Г. Санникова. См.: Белый Андрей, Санников Григорий: Переписка: 1928–1933 / сост., предисл. и коммент. Д.Г. Санникова. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 230.

⁵ Там же.

Наряду со свидетельствами очевидцев сохранилась программа вечера, составленная самим Белым (опубликована в 1988 г. Т.В. Анчуговой)⁶. Она содержит тезисы выступления («*I. Вступительное слово (20–25 минут)*») и перечень произведений, которые он планировал зачитать, сопровожденный аргументацией, показывающей их уместность на вечере («*Объяснение текста*»).

Программа датирована 7 февраля (за пять дней до вечера), аккуратно переписана К.Н. Бугаевой, женой Белого, и Белым собственноручно подписана. Клавдия Николаевна нередко помогала мужу, записывая его тексты под диктовку или переписывая их. Однако с тезисами своих выступлений Белый все же обычноправлялся сам... Все это вместе – аккуратно переписанный текст, подпись Белого и датировка (загодя) – указывает на назначение этого документа. Очевидно, программу вечера надо было до вечера представить на утверждение начальству. С учетом этого немаловажного фактора она и писалась.

Рассматривать программу вечера следует в ряду других устных и письменных выступлений конца 1920 – начала 1930-х гг.⁷ Однако это не просто очередная, но, как кажется, самая яркая попытка презентации Белым себя как советского писателя.

Как видно из программы, Белый изо всех сил пытается вписать собственные выношенные идеи и художественные практики в актуальную идеологическую повестку, заданную партией и правительством, литературными и политическими вождями. В то время он вообще страстно хочет вписаться в мейнстрим советской литературы (не случайно тогда же думает написать производственный роман и статью о соцреализме [Лавров 1997, с. 279–305; Спивак 2020, с. 429–442]), доказать, что его творчество в полной мере отвечает социальному заказу, то есть тем требованиям, которые предъявляются к советским писателям. При этом Белый планировал не столько перестроиться, сколько «встроиться» в советскую реальность вместе со всем тем багажом, который был наработан за 30 лет литературной деятельности. Цель данной статьи – анализ

⁶ Программа «Вечера Андрея Белого» // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. М.: Советский писатель, 1988. С. 683–685.

⁷ Прежде всего эссе для сборника «Как мы пишем» (1930), «Речь на первом пленуме оргкомитета Союза советских писателей» (1932), статья «О себе как писателе» (1933). Републикованы в кн.: *Белый А. Собр. соч. Т. 17: Несобранное. Кн. 2 / сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад; подгот. текста, comment. А.В. Лаврова. М.: Дмитрий Сечин, 2020. С. 717–726, 760–763, 815–820.*

приемов самоописания, при помощи которых он решал свою не-простую задачу.

* * *

Политика «встраивания» наглядно видна уже в том, как подаются тексты, которые Белый хотел бы прочесть на вечере:

1. Отрывки из ром~~а~~ «Маски»; роман вышел в «Гихле» и отдан в распоряжение аппарата, пройдя полит-редактуру; содержание отрывков: разложение буржуазии в 1916 г.

2. Воспоминания о встрече автора с Жоресом (будет напеч <> в «Нов~~ом~~ мире»): объяснений не требуют.

Этим исчерпывается программа; вряд ли хватит времени прочесть отрывки из «Петербурга» (книга вышла повторн~~ым~~ изд~~анием~~ в 1928 г.).

Стихи из «Пепла» (книга вышла повторн~~ым~~ изданием в 1929 г.)⁸.

Называя в качестве дополнительных текстов, на которые «вряд ли хватит времени», свои дореволюционные книги – отрывки из романа «Петербург» (1916) и стихи из сборника «Пепел» (1909), – Белый указывает не их первые, а повторные, советские переиздания, подчеркивая тем самым, что его дореволюционное творчество годится и в новое время («Петербург» и «Пепел» вышли в переработанном виде в издательстве «Никитинские субботники» соответственно в 1928 и в 1929 г.).

Воспоминания о знакомстве с Жаном Жоресом (1859–1914), руководителем французского социалистического движения и основателем газеты «Юманите», состоявшемся в Париже в декабре 1906 г., по мнению Белого, «объяснений не требуют». Действительно, ведь это не воспоминания о декадентском Серебряном веке, а о революционере, к тому же еще убитом... Близость Белого с Жоресом доказывает революционные устремления мемуариста,

⁸ В той же архивной папке, что и программа (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 3. Ед. хр. 7), отложились два листа с текстами Белого. На одном – стихотворение «Брюсов» («Свет, – как жегло; и воздух – пылен...», 1925) из сборника «Зовы времен» (1931), при жизни Белого не публиковавшегося. Стихотворение предваряется позднее внесенным пояснением К.Н. Бугаевой: «Перепис~~а~~ К.Б. для вечера <...>, где Б.Н. предполагал прочесть несколько стихотворений». На другом – лист машинописи романа «Маски» с авторской правкой: начало раздела «И били: по телу» из третьей главы.

проявленные задолго до Октябрьской революции. И тем не менее объяснение дается – в виде указания на то, что предлагаемый фрагмент из книги «Между двух революций» «будет напечатан» в «Новом мире»⁹, авторитетном журнале, главным редактором которого был могущественный И.М. Гронский. Это ли не веское доказательство цензурности отобранного для прочтения на вечере материала!

Гвоздь программы – «отрывки из романа» «Маски», выпущенного в ГИХЛе прямо накануне вечера (на обложке значится 1932 год, однако в действительности роман появился в середине января 1933 г.)¹⁰. Обоснование допустимости чтения фрагментов из «Масок» (второго тома романа «Москва») дается Белым с особой, даже чрезмерной тщательностью: «... роман вышел в «Гихле» и отдан в распространяющий аппарат, пройдя полит-редактуру ...». И это не случайно, так как за цензурную судьбу этого своего детища Белый особенно опасался еще на стадии сдачи книги в печать.

Тому же цензурному оберегу служит указание на то, что «содержание отрывков», планируемых для чтения на вечере – «разложение буржуазии в 1916 г.». В принципе, как было заявлено Белым в предисловии к роману, весь второй том «Москвы» «рисует предреволюционное разложение русского общества (осень и зима 16-го года)»¹¹. Однако сохранившийся в той же архивной папке, что и Программа, лист с отрывком из «Масок» относится к заявленной теме очень косвенно: выбранная для чтения главка посвящена не картине общественного распада, а внутреннему миру главного героя и испытаниям, выпавшим на его долю...¹² Да и в газетном обзоре А. Кута в «Вечерней Москве» сообщалось, что Белый выбрал и «проиллюстрировал своим чтением» не подобранные по определенной тематике, а «наиболее трудные отрывки из своего последнего романа «Маски».

Безусловно, Белый хотел разрекламировать обе свои новинки. Однако сам он оценивал «Москву» и мемуары по-разному. Если «Москву» – писал «художник», то мемуары – «публицист». Над

⁹ См.: Новый мир. 1933. № 10. С. 123–133. Мемуары «Между двух революций», куда журнальная публикация войдет главой «Жан Жорес», будут напечатаны уже после смерти Белого «Издательством писателей в Ленинграде» (1934).

¹⁰ Андрей Белый: Хронологическая канва жизни и творчества / сост. А.В. Лавров // Андрей Белый: Проблемы творчества... С. 804.

¹¹ Белый А. Маски. М.; Л: ГИХЛ, 1932. С. 5.

¹² См. примеч. 9.

«Москвой», согласно признаниям самого Белого в эссе для сборника «Как мы пишем» (1930), он работал на износ, день и ночь, выборматывая «фразы до стука в висках». Работа же над мемуарами – «пустяковая в сравнении с художественной»:

В прошлом году я написал в два месяца 26 печатных листов мемуаров, теперь изданных «ЗИФом» под заглавием «На рубеже двух столетий». Иные хвалят меня за живость письма вопреки небрежности формы. Эти мемуары я «писал» в точном смысле слова, т. е. строчил их утром и вечером; работа над ними совпадает с временем написания; мысль о художественном оформлении ни разу не подымалась; лишь мысль о правдивости воспоминаний меня волновала»¹³.

Если «Москва» – значимое художественное достижение, то мемуары в терминологии Белого – «продукт допустимой “халтуры”», изготовленной на заказ и для получения гонорара («надо же и художнику зарабатывать хлеб насущный»¹⁴).

В какой-то степени «Воспоминания о встрече автора с Жоресом» можно рассматривать как своего рода отвлекающий маневр. Симптоматично, что именно благонадежным мемуарам посвятил большую часть своего обзора в «Вечерней Москве» А. Кут, акцентировавший не столько то, что Белый сказал про «Жореса-трибуна и Жореса-человека», сколько то, как Белый обличил Д.С. Мережковского, «своего бывшего друга, ныне злейшего врага»:

С большим интересом аудитория прослушала воспоминания А. Белого о Жоресе, с которым писатель столкнулся в Париже на грани 1906–1907 гг. Поэт дает написанный резкими мазками портрет Жореса-трибуна и Жореса-человека.

Со свойственным писателю сарказмом А. Белый рассказывает о том, как знакомил Жореса с пресловутой «троицей» – Мережковским, Гиппиус, Философовым, удравшими из России от революции 1905 г. под сень Французской республики.

Мережковский намеревался устроить в Париже свое публичное выступление и хотел, чтобы на этом вечере обязательно председательствовал Жорес. После долгих уговоров Жорес согласился встретиться с «тройкой». Но что это была за встреча!! «Великий писатель», каким считал себя Мережковский, растерялся перед знаменитым оратором. Он беспомощно хлопал глазами, старался что-то сказать Жоресу, но ничего не выходило: «великий» мямлил, как школьник. Объяснение –

¹³ Белый А. Собр. соч. Т. 17: Несобрранное. Кн. 2. С. 717–718.

¹⁴ Там же. С. 718.

самое простое: ему не о чем было разговаривать с руководителем французской социалистической партии, – говорит А. Белый, – ну хоть бы одну строчку Жореса прочел когда-нибудь Мережковский...

Скандалность встречи однако не помешала Мережковскому несколько лет назад опубликовать за границей мемуары об этом знакомстве и подробно «вспоминать», как он... «высказывал Жоресу горькие истины»...

– Дмитрий Сергеевич! – восклицает А. Белый по адресу своего бывшего друга, ныне злейшего врага, – да можно ли так лгать?..

То, что воспоминания о Жоресе – щит, или зонтик, прикрывающий действительно важную для Белого «Москву», видно по тезисам вступительного слова. В них роман «Маски» ни разу не назван, но речь идет только и исключительно о нем. Говоря о специфике собственного творческого метода и особенностях написанных таким методом произведений, Белый имеет в виду не творчество вообще, а только что вышедшие «Маски». Но это – в подтексте. А на поверхности все тезисы вступительного слова должны были подтверждать слова Мейерхольда о Белом как о писателе, который «сейчас активно включился в строительство нашей новой литературы и проделывает это с большим энтузиазмом и горячностью...». Тезисов семь. Демонстрация собственной включенности «в строительство нашей новой литературы» проводится в них на уровне маячков-отсылок, которыми Белый буквально нашпиговал Программу.

* * *

Уже в первом тезисе Белый подкрепляет утверждение «меня надо декламировать, а не читать» ссылкой на В.В. Маяковского, еще не вовсе канонизированного, но, по мнению писателя-символиста, пользующегося у власти большим авторитетом:

1. Особенность моей прозы

Объяснение особенностей моей прозы (она – интонационна); я не пишу за письменным столом, а на ходу; мои романы – поэмы, в которых стихотворные строки ради экономии места не означенены; но фразы сочинены так, как лирический поэт сочиняет строчки; ему нужны ноты для отбивания ритма; и даже руки для жестов; *меня надо декламировать, а не читать*: см. по этому поводу статью В. Маяковского; он объясняет, как он сочиняет стихи (V том, Собр<ание> стих<отверстий> В. Маяк<овского>); кто меня читает глазами, летя по строчкам с быстротой курьера поезда, а не произносит внутренне слово за словом, соблюдая показанные автором паузы, тот автора не поймет,

сломав себе шею о ритм. Исполнение автора – демонстрация особенностей прозы.

Белый имеет в виду экстравагантное описание процесса сочинительства в статье Маяковского «Как делать стихи?» (1926):

Я хожу, размахивая руками и мыча еще почти без слов, то укорачивая шаг, чтоб не мешать мычанию, то помычиваю быстрее в такт шагам. Так обстругивается и оформляется ритм – основа всякой поэтической вещи, проходящая через нее гулом. Постепенно из этого гула начинаешь вытискивать отдельные слова¹⁵.

Эту цитату в сходном контексте Белый неоднократно приводил и ранее: в статье «Принцип ритма в диалектическом методе» (1928), при жизни не напечатанной¹⁶, в книге «Ритм как диалектика и «Медный всадник»» (1929)¹⁷, в эссе для сборника «Как мы пишем» (1930)¹⁸.

Вообще, демонстративная ориентация на Маяковского – авангардиста и экспериментатора, уловившего дух эпохи и сумевшего стать первым и главным советским поэтом, заданная уже в начале речи, прослеживается в подтексте всего выступления. Можно предположить, что Белый был бы не прочь занять его опустевшее место на советском литературном Олимпе.

Лаконичные пятый и шестой тезисы повторяют и продолжают первый тезис:

5. Меня надо произносить –

– вслух, а не читать (тезис объяснения не требует).

6. Больше слуха.

Технические объяснения о том, что есть слух для звукового восприятия текста.

* * *

Второй тезис направляет речь в новое русло:

¹⁵ Маяковский В. Собр. соч. Т. 5. М.; Л.: Государственное изд-во, 1927. С. 406.

¹⁶ Белый А. Принцип ритма в диалектическом методе // Белый А. Собр. соч. Т. 17: Несобрранное. Кн. 2. С. 695.

¹⁷ Белый А. Ритм как диалектика и «Медный всадник». М.: Дмитрий Сечин, 2014. С. 24.

¹⁸ Белый А. Собр. соч. Т. 17: Несобрранное. Кн. 2. С. 722.

2. Почему я так непонятен.

Непонятность моей прозы вытекает из вышесказанного; художественные вещи, где проработано каждое слово, и где каждый знак препинания – не зря, хотят абстрактно глотать так, как авантюрные романы: *огромными дозами*; попробуйте скороговоркой отбрасывать «*Евгения Онегина*»; от эдакого чтения у читателя на лоб полезут глаза.

Мысль Белого вне всякого сомнения полемически направлена против критиков, упрекавших его в том, что «свои книги поэт адресует каким-то “утонченнейшим”, квалифицированнейшим интеллигентам» (Кут). Белому же, наоборот, было важно продемонстрировать, что он пишет для широкой аудитории, чувствуя и понимая ее «спрос».

Уже само заглавие тезиса – «*Почему я так непонятен*» – отсылает, как кажется, к известному стихотворению Маяковского «Массам непонятно» (1927), где поднимается та же волнующая Белого проблематика.

Маяковский воспроизводит такие же претензии критиков к себе, которые адресовались и Белому:

– Вас
не понимают
рабочие и крестьяне. –

И – решительно эти претензии отвергает, отстаивая право и даже обязанность писать сложно:

Прошу
писателей,
с перепугу бледных,
бросить
высюююкивать
стихи для бедных.
Понимает
ведущий класс
и искусство
не хуже вас.
Культтуру
высокую
в массы двигай!
Такую,
как и прочим.

Нужна
и понятна
хорошая книга –
и вам,
и мне,
и крестьянам,
и рабочим.

Безусловно, сложность Белого и сложность Маяковского различны, но Белому важно продемонстрировать, что они с Маяковским – в одном строю, оба несправедливо гонимы глупыми и самонадеянными критиками, оба создают настоящую литературу и таким образом реализуют партийный лозунг «Культуру – в массы». Слово «массы» в этом тезисе не прозвучало, но оно появится в следующем тезисе, где Белый заявит о том, что стремится «выйти из книги к массам». Примечательно, что «о творчестве для масс», как следует из дневника К.Н. Бугаевой, Белый говорил со своими коллегами по перу во время путешествия в Армению 1929 г.¹⁹

Отсылка к Пушкину, признанному в Советской России великим, и к «Евгению Онегину», также признаному бесспорно великим романом в стихах, служит той же защитной цели. Ведь «Маски», как убеждал Белый в предисловии к роману, «совсем не проза; она – поэма в стихах (анапест); она напечатана прозой лишь для экономии места; <...>. Я – поэт, поэмник, а не беллетрист; читайте меня осмысленно; ведь и стихи в бессмысленной скандировке – чепуха; например: “Духот рицанья, духсо мненья”; вместо: “Дух отрицацья, дух сомненья”»²⁰. Здесь цитируется стихотворение Пушкина «Ангел» (1827), но роман в стихах «Евгений Онегин», конечно, ближе к беловской «поэме в стихах», к «Маскам». Развивая первый тезис: «мои романы – поэмы, в которых стихотворные строки ради экономии места не означенены; но фразы сочинены так, как лирический поэт сочиняет строчки», Белый подводит к выводу о том, что его проза, которая «совсем не проза», должна быть освобождена и понята массами так же, как и другие выдающиеся творения классиков – Пушкина и Маяковского.

¹⁹ Бугаева (Васильева) К.Н. Дневник 1929 года / подгот. текста и примеч. Е.В. Наседкиной, Е.Н. Щелоковой // Лица: Биографический альманах. Вып. 9 / ред.-сост. М.М. Павлова, А.В. Лавров. СПб.: Феникс, 2002. С. 144.

²⁰ Белый А. Маски. С. 11.

* * *

Третий тезис более сложен в плане наложения конъюнктурного на давнее, глубоко продуманное и выстраданное:

3. Живая книга и живой писатель.

Почему я не пишу за письм_{енными} столом, а произношу свои романы, записывая их на клочках бумаги – в полях, в лесу, на прогулках? Потому что я как бы говорю с читателем с эстрады; я писатель-исполнитель; и держусь мнения, что живая книга будущего – не книга вовсе, а аудитория, или звуковое кино. Искусство в первые фазы бытия не было замкнуто в формах: оно было синкетично; оно сопровождало трудовые действия; такова фаза искусства в эпоху *тезы* (примитивная коммуна); сюда мысли Бюхера «Раб_{ота}» и ритм» (вышла в русск_{ом} пер_{еводе} после *Октябрьской революции*). В эпоху образования индивид_{уального} хозяйства и фетишизма производства – крайним выводом техницизма, механицизма и дифференциации явилась градация форм (распадение живого процесса на формы, и градация кажд_{ой} формы по видам); это эпоха *антитезиса*. Она – кончается; в соц_{иалистическом} будущем – не будет всей арматуры жанров; и исчезнет формализм; переродится и книга; мож_{ет} быть книг в нашем смысле не будет (для искусства); писатель, заключенный в книгу, выйдет из нее. Его роль станет ролью запевалы, ритмизатора трудовых процессов.

И сейчас под влиянием начала ликвидации капиталист_{ического} строя поэту тесно в поэзии; беллетристу – в романной форме; живой писатель и теперь не может уложить себя на прокруст_{ово} ложе книги; он ищет живого читателя, способного ему помочь выйти из книги к массам. Живой читатель, это тот, кто ловит в слове писателя не только отвлеченную мысль, но и звук живого голоса; но живому читателю надо учиться чтению.

Говоря о себе как о писателе посткапиталистического будущего, Белый бегло очерчивает историю культуры, начиная с «примитивной коммуны», когда искусство «сопровождало трудовые действия» и «было синкетично» («эпоха тезы»). Затем наступает «эпоха антитезиса» – эпоха «образования индивид_{уального} хозяйства и фетишизма производства», повлекшая «распадение живого процесса на формы», то есть на виды и жанры искусства. «В соц_{иалистическом} будущем», куда Белый-писатель устремлен, на новом уровне будет восстановлен синкетизм: «не будет всей арматуры жанров; и исчезнет формализм; переродится и книга; мож_{ет} быть книг в нашем смысле не будет (для искусства); писатель, заключенный в книгу, выйдет из нее. Его роль станет ролью запевалы, ритмизатора трудовых процессов».

Сходную картину эволюции Белый рисовал в своих символистских статьях, когда стремился концептуализировать историософию театра. В статье «Формы искусства» (1902), «имевшей значение философско-эстетического манифеста» [Лавров 1995, с. 101], он уже скрато сформулировал трехфазную схему эволюции: «Музыкальность современных драм, их *символизм*, не указывает ли на стремление драмы стать мистерией? Драма вышла из мистерии. Ей суждено вернуться к ней. Раз драма приблизится к мистерии, вернется к ней, она неминуемо сходит с подмостков сцены и распространяется на жизнь. Не имеем ли мы здесь намек на превращение жизни в мистерию?»²¹.

Угадывается схема: 1) архаический синтез искусств (старинная мистерия); 2) традиционный театр, в котором драма разошлась с мистерий; 3) новый синтез искусств (драма «вернется» к мистерии, и вся жизнь превратится в мистерию будущего) [Одесский 2018, с. 189–204].

Иными словами, согласно программе вечера 1933 г., в социалистическом будущем аналогом жизни, превратившейся в мистерию, станет «живая книга», «интонационная» проза. Дополнительно символистское наследие проявляется в том, что автор «живой книги» будет исполнять «роль запевалы, ритмизатора трудовых процессов» (ср. идеи и раннего Белого, и Вячеслава Иванова). Замечательно, что даже утверждение «живая книга будущего – не книга вовсе, а аудитория, или звуковое кино» перекликается с финальным прогнозом из статьи «Театр и современная драма» (1908): современный театр разобьется о «Харибу синематографа», что сопровождалось пожеланием «Поскорей бы!»²².

Мостиком, связующим символистскую мистерию будущего и материалистическое «социалистическое завтра», оказывается немецкий экономист, историк первобытной культуры и рабочего движения Карл Бюхер (1847–1930). «Эпоху тезы» Белый собирался проиллюстрировать мыслями его знаменитой книги “Arbeit und Rhythmus” (Leipzig, 1899), в которой доказывалось, что танец, песня, музыка, поэзия произошли из ритмических движений, производимых во время коллективных трудовых действий. Вот один из примеров:

Утрамбовывание мостовой или выравнивание грунта исполняется в Тунисе черными, которые свою работу сопровождают пением. У них

²¹ Белый А. Символизм: книга статей / общ. ред. В.М. Пискунова. М.: Культурная революция: Республика, 2010. С. 139.

²² Белый А. Арабески. Луг зеленый: книга статей / общ. ред., предисл., комментарий Л.А. Сугай. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2012. С. 38.

есть запевало, импровизирующий короткие стихи с двумя повышениями. При пении такого стиха, рабочие поднимают свои колотушки, которые опускают с возгласом <...>, образующим привет к предыдущему стиху и с точностью приспособленным к ритму и мелодии²³.

А вот другой:

Наиболее распространенный вид песен <...> в Германии, представляют песни при забивании свай. Они поются при вколачивании свай посредством сваебитных баб <...> с целью отметить для рабочих момент общего напряжения сил. <...> Эти песни поются или хором, или только запевалой, причем остальные подтягивают в известных местах²⁴.

«Беглый обзор» подобных «рабочих песен» приводит Бюхера к выводу о том, что «в них встречаются все главные роды поэзии. Без сомнения, лирика значительно преобладает; но между прочим, там находятся и эпические места, а драматический элемент проявляется всюду <...>»²⁵.

Видимо, у Бюхера Белый позаимствовал и образ «запевалы, ритмизатора трудовых процессов». В хоровых песнях, как подчеркивал Бюхер, «запевало является в то же время и передовым работником»²⁶; в процессе трудовой деятельности «передовой рабочий (запевало) чередуется в пении со своими помощниками (хором)»²⁷.

Для легитимизации своего «источника» Белый подчеркивает в тезисах, что книга «Работа и ритм» «вышла в русск<ом> пер<е-воде> после Окт<ябрьской> революции». Действительно, в 1923 г. книга была выпущена издательством «Новая Москва» в переводе С.С. Заяницкого. В Советской России она пришлась «ко двору»: «<...> марксистская критика относилась к этой работе положительно, в первой половине двадцатых годов не только был издан новый перевод, но можно было найти и фрагменты из книги Бюхера, напр.,

²³ Бюхер К. Работа и ритм: Рабочие песни, их происхождение, эстетическое и экономическое значение / пер. с нем. И. Иванова; под ред. Д.А. Коропчевского. СПб.: О.Н. Попова, 1899. С. 50.

²⁴ Там же. С. 53

²⁵ Там же. С. 70.

²⁶ Там же. С. 26.

²⁷ Там же. С. 70. Примечательно, что в 1929 г. Белый в беседе с армянскими литераторами также говорил о себе как «о поэте-хореге, ритмизаторе, организаторе» (Бугаева (Васильева) К.Н. Дневник 1929 года. С. 144).

в хрестоматии “Искусство и общественность” (под ред. П.С. Когана. Иваново-Вознесенск, 1925), рядом со статьями Г.В. Плеханова и Л.Д. Троцкого»²⁸.

Важно отметить, что Белый был знаком с этой книгой задолго до Октябрьской революции, читал ее по-немецки, но мог читать и в издании на русском 1899 г. (пер. с нем. И. Иванова; под ред. Д.А. Коропчевского. СПб.: О.Н. Попова, 1899). И не только читал сам, но и рекомендовал к прочтению в Комментариях к сборнику «Символизм» (1910). В «Символизме» Бюхер, указавший «на связь между работой и ритмом (“Arbeit und Rhythmus”)», назван в числе ученых-естественников, которые, «устанавливая генезис музыки, весьма часто видят начало ее коренящимся в самой природе человека»²⁹. Однако в трактате «История становления самосознющей души» (1926), для печати не предназначавшемся, Бюхер хотя также упоминается, но контекст этого упоминания откровенно иронический, а сама книга признается бесполезной:

<...> почтена весьма социология в области этой; и экономическая подоплека к сложению ямбов, хореев вскрываема тут; может, завтра появится веский научный трактат о «рабочей хорее» в античности; очень почтена работа немецкая Бюхера *“Arbeit und Rhythmus”*. Но в ней следов ритмики нет³⁰.

В советских же текстах Белый начинает обращаться к авторитету Бюхера и его материалистической концепции искусства с завидной регулярностью и с иной интонацией. В лекции о Блоке 1927 г. Бюхер – тот, кто знал, отметил и оценил «великую значимость *ритма* <...> как источника творчества, а не <...> “количество колебаний”. Внимание здесь – разгляд *воли коллектива*, рупором которого является поэт»³¹. В докладе «Культура краеведческого очерка», прочитанном на творческом вечер Краеведческой секции при Оргкомитете Союза советских писателей 23 ноября 1932 г., Белый утверждает, что «работа Бюхера <“Arbeit und Rhythmus”>

²⁸ Белый А. Конспект введения к лекции «Блок» / публ. Н.В. Котрелева // Котрелев Н.В. За 50 лет: Избранные труды: В 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 659, примеч. Н.В. Котрелева. (Библиотека «Литературного наследства»; вып. 10)

²⁹ Белый А. Символизм. С. 377.

³⁰ Белый А. История становления самосознующей души: В 2 т. / сост., подгот. изд. М.П. Одесского, М.Л. Спивак, Х. Шталь. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Т. 2. С. 314. (Литературное наследство; т. 112, кн. 2)

³¹ Белый А. Конспект введения к лекции «Блок». С. 649.

является первой ласточкой культурного, динамического, революционного подхода к пониманию природы культуры» («Когда мы имеем три предмета трех наук – ритм, движение, мускульное усилие – <мы имеем дело с культурой>»)³².

В статье «Поэма о хлопке» (развернутом отклике на поэму Г.А. Санникова «В гостях у египтян», опубликованном в 1932 г. в «Новом мире») дается откровенное объяснение, почему Бюхнер оказался Белому так мил:

<...> моя «мистическая» тенденция дружит с марксизмом и разбивалась Энгельсом, Бюхером в его “Arbeit und Rhythm” и т. д.; ритм есть тогда ритм, а не метр (т. е. не хронометр), когда он есть выражение содержания трудовых действий <...>³³.

Само стремление оживить литературное произведение, превратить его в мистериальное действие, где вместо пассивных зрителей-слушателей будут соучастники, восходит к исканиям эпохи символизма, однако здесь в качестве прикрытия используется авторитет материалиста Бюхера.

Той же цели прикрытия служит терминологическое оформление этого стремления: «живая книга», «живой писатель», «живой читатель». Оно вполне укладывается в рамки пропагандистских штампов, просветительских тенденций и идеологических жанров послереволюционной России.

Если начинать “ab ovo”, то следует указать на практику «устной газеты», читавшейся вслух агитаторами неграмотным солдатам и крестьянам. В 1921 г. была официально учреждена «Устная газета РОСТА», обращавшаяся к «живому читателю» из громкоговорителей, установленных на московских площадях (в 1924 г. она трансформировалась в «Радиогазету РОСТА»). Еще ближе к «живому читателю» стала «живая газета», получившая в 1920-е – начале 1930-х гг. широчайшее распространение. В 1923 г. появился первый профессиональный коллектив, работавший в жанре «живой

³² Доклад А. Белого о культуре краеведческого очерка / публ. Д.С. Московской // Codex Manuscriptus. Вып. З. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 38–39. О том же – в статье «Культура краеведческого очерка», написанной по материалам доклада: «<...> работа Бюхера – первая ласточка в разглядении данной триады наук. Почему этих ласточек мало? Культуры мало! Знаний – хоть отбавляй!» (Белый А. Собр. соч. Т. 17: Несобранное. Кн. 2. С. 771).

³³ Белый А. Поэма о хлопке // Белый А. Собр. соч. Т. 17: Несобранное. Кн. 2. С. 752.

газеты» – «Синяя блуз», и почти сразу же возникло, точнее, было организовано мощное движение «живгазетчиков», профессиональных и самодеятельных коллективов, выступавших в сельских и рабочих клубах, на театральных помостах, в кафе, в школах, на предприятиях. В помощь им стали печатать (и в Москве, и в провинции³⁴) сборники с материалами и методическими указаниями для участников и организаторов этих перформансов. Уже в первом выпуске самого из них известного – «Синяя блуз» (1924–1933) как непреложный факт утверждалось, что «живая газета» – «незаменимый массовый агитатор; в этом и заключается ее основная роль»³⁵. И там же пояснялся смысл явления:

Что такое живая газета – говорит уже самое ее название. Газета она – в том смысле, что насыщена, главным образом, политическим содержанием, отображением текущего политического дня <...>. Живая она – в том отношении, что ее орудием служит не печатное, а живое слово. Тот материал, который неподвижными, мертвыми строками смотрит на нас со страниц ежедневной прессы или заводской стенной газеты – в «номере» живой газеты оживает в живом человеческом слове, в диалогах участников, в живом сценическом действии; в соответственно проработанном виде материал этот рассказывается, декламируется, инсценируется³⁶.

Почти под каждым из приведенных слов, обращенных, впрочем, не к аудитории Политехнического, а к представителям клубной самодеятельности, Белый мог бы, если верить тезисам его речи на вечере 11 февраля 1933 г., подписаться.

Впрочем, у «живой книги» Андрея Белого мог быть и более близкий прообраз – организованный в 1929 г. в Ленинграде театр «Живая книга», задача которого, как говорилось в газете «Рабочая Москва» в июне 1930 г., состояла в том, чтобы «увлечь в круг чтения широкие слои населения показом специфическими средства-

³⁴ Так, например, в Перми, затем в Свердловске в 1926–1931 гг. регулярно выпускалась «Живая театрализованная газета» (ЖТГ), «ежемесячный иллюстрированный сборник-пособие для живгазет»; всего – более 80 выпусков. «Гайка», «живая клубная газета Азербайджанского совета профессиональных союзов и Союза горнорабочих СССР», выходила в 1923–1926 гг. в Баку.

³⁵ Серебренников Г. Живая газета в работе клуба // Синяя блуз: Живая универсальная газета МГСПС <Московского городского совета профессиональных союзов>. 1924. Вып. 1. С. 6.

³⁶ Там же. С. 3.

ми современной литературы»³⁷. Идея «живой книги» буквально носилась в воздухе³⁸ и активно продвигалась пропагандистской машиной. Думается, не обошлось здесь у Белого опять-таки и без Маяковского, который в поэме «Во весь голос» (1929) пообещал, что придет к будущему читателю (к потомкам), шагнув «через лирические томики» (то есть выйдя из книги в ее старом, традиционном понимании), «как живой с живыми говоря».

То, что и живая книга, и живая газета предполагали хоть и организованное минималистскими средствами, но все же театрализованное представление, ни в коей мере не должно было смущать Белого. Безусловно, в жанре агитбригады, с добавлением акробатических номеров и комических куплетов, читать он свои романы не собирался, но идеями театральных постановок романов «Петербург» в «Москва» (соответственно Михаилом Чеховым и Все-володом Мейерхольдом) вдохновился. Да и себя Белый заявил на вечере не только как писателя, но и как «исполнителя»: «<...> я как бы говорю с читателем с эстрады; я писатель-исполнитель <...>». И не только заявил, но и, как следует из «Письма колхозницы», продемонстрировал себя в этом качестве:

<...> вышел на сцену <...>, стал говорить <...>. Когда же словами не мог передать внутренний голос свой – делал жест рукою и даже ногою, укрепляющий, словно вколачивающий нам мысль свою³⁹.

³⁷ Создатели и руководители театра – М.В. Кастальская и А.Н. Орбелиев; в начале 1930-х переименован в «Театр книги»; работал до середины 1930-х гг. Подборка газетных отзывов сохранилась в Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеке и выставлена на ее сайте: <http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/6253-teatr-knigi-1929-1936> (дата обращения 14.04.2025).

³⁸ Так, например, И. Терентьев в статье «Самодеятельный театр» призывал к реформам, вполне созвучным тем, что нравились Белому: «Строить театр нужно на звуке – чуть дополняя зримым материалом – и на движении, поскольку движение – рефлекс на звук. А если не нужен “сочинитель” и не нужен театральный натурализм, то, значит, нужна (в качестве “настоящего” театра) – Живая книга, вместо пьесы! Живая книга – это: литомонтаж + звуко + биомонтаж (т. е. актер)!» (Рабочий и театр. 1925. № 50. С. 16–17). М. Ильин в детской книжке «Черным по белому (рассказы о книгах)» рассказывал о том, что «первая книга была совсем не похожа на теперешнюю»: «У нее были руки и ноги, она не лежала на полке, она умела говорить и даже петь. Это была живая книга – человек-книга» (М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 4–5).

³⁹ Андрей Белый: pro et contra... С. 26–27.

Можно сказать, что Белый нашел в идеологическом дискурсе эпохи те аргументы, которая позволяли ему и шагать в ногу со временем (точнее – делать вид, что шагает), и вместе с тем чувствовать себя относительно комфортно, не вовсе изменяя себе.

* * *

В четвертом тезисе Белый, доказывая, что писатели обязаны учить читателей, использует актуальные политические, военные и промышленные образы:

4. Как писать и как читать.

И писатель, и читатель учатся др<уг> у друга; писатель учится понимать спрос, принимая его из рук в руки; читатель учится умению читать; искусство чтения, лит-грамота, должно быть также распространено, как полит-грамота; наряду с мобилизацией научн<ых> знаний должны быть мобилизированы и писатели; они должны учить читателей своим станкам (орудиям произв<одства>). См. стенограмма моей речи на пленуме Орг-комитета.

В подкрепление этого весьма эпатажного тезиса Белый ссылается на свою самую официозную и сервильную речь – речь на Первом пленуме Оргкомитета Союза советских писателей (1932), что должно указать органам цензуры на то, что он официально признанный писатель, легитимизованный. Именно в речи на Первом пленуме Оргкомитета ССП образ писательского «станка», выполняющего важнейший социальный и партийный заказ, был «изысканно» обыгран и развит:

Что извлекает из меня энтузиазм? Факт, что обращение партии и ко мне, обобществляет мой станок. Раз это так, я должен его передать государству во всех особенностях его тонкой структуры; я должен бороться за то, чтобы мой станок был в исправности, потому что испорченный станок есть вредительство, пусть бессознательное.

<...> нужна продолжительная работа идеологов и масс над нами и одновременно – работа нас, изучающих приемы художественной электрификации, над массовым читателем для создания квалифицированных кадров, которым могли бы мы передать без порчи наши станки.

Вот работа, которая должна нас всех сварить вместе⁴⁰.

Из той же речи – идея обучать литературной грамоте так же, как в СССР народ обучают грамоте политической:

⁴⁰ Белый А. Собр. соч. Т. 17: Несобранное. Кн. 2. С. 762–763.

Пора бы читательским массам знать об особенностях нашего производственного процесса <...>. Как хорошо, что обучают политграмоте! Хорошо, что обучают физкультуре! Пора нам показать кухню литературы; ибо это показ одной из электрических энергий страны; лозунг должен пройти сквозь электрификацию, чтобы социалистическая культура возникла⁴¹.

Призыв к тому, чтобы «наряду с мобилизацией научн<ых> знаний» были «мобилизованы и писатели», тоже вполне в духе этой речи («Что извлекает из меня энтузиазм? Факт, что обращение партии и ко мне, обобществляет мой станок»). Однако в тезисе для вечера та же мысль звучит решительнее, почти как в поэме Маяковского «Во весь голос», где поэт заявляет, что он – «ассенизатор и водовоз, революцией мобилизованный и призванный».

Таким образом, Белый, как ранее и Маяковский, хотел определить «место поэта в рабочем строю», причем место важнейшее и ведущее.

* * *

Последний, итоговый, седьмой тезис – наиболее политически маркирован. В нем еще в большей степени явлено желание угодить власти и вместе с тем оправдать, политически обосновать те эксперименты со словом, которые определяют специфику позднего творчества Белого и в полной мере нашли свое выражение в «Масках». Здесь он берет в союзники и защитники уже не только Бюхера и Маяковского, но самого Сталина:

7. Язык и СССР.

Раскрытие тезиса т. Сталина: о том, что жизнь народов СССР интернациональна по содержанию, оставаясь народной по форме; применение этого тезиса к литературе; языки народов СССР должны обменяться всеми языками<ыми> достижениями; прим.: украинец Гоголь некогда обогатил рус<ский>яз<ык>; насколько же возможности к росту языка богаче в условиях культ<урной> революции.

Белый отсылает к словам вождя из Политического отчета XVI партийному съезду (1930). Отчет печатался в «Правде», а соответствующий фрагмент даже был опубликован в виде отдельной брошюры «О национальной культуре и национальном вопросе» (1931):

⁴¹ Там же. С. 761.

Может показаться странным, что мы, сторонники слияния в будущем национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, являемся вместе с тем сторонниками расцвета национальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, – в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре⁴².

Для демонстрации органам политконтроля своей приверженности линии партии ссылки на Сталина в совокупности с названием последнего тезиса было вполне достаточно. Однако любопытно, что Белый здесь не столько подстраивается под линию партии, сколько снова подстраивает ее под себя. Цитату из Сталина Белый слегка откорректировал, заменив национальную по форме культуру на культуру по форме народную. А это, в свою очередь, легитимизировало, вводило в рамки партийной политики укорененную в словаре В.И. Даля свободу языкового творчества.

<...> материалы «далевского» словаря – открывают даль будущего: в корень слова вцеплять и любую приставку, и любую по вкусу концовку; даль словарных выводов Даля: истинный словарь есть ухо в языке, правящее пантомимой артикуляций его, –

писал Белый в исследовании «Мастерство Гоголя»⁴³. Отсылка к Гоголю – такой же способ легитимизации собственного эксперимента, как и отсылка к Пушкину. В «Мастерстве Гоголя» Белый объявляет, что именно Гоголь еще в XIX в. ввел в прозу «заумь»⁴⁴. Маяковский и футуристы в системе Белого окажутся прямыми наследниками классика-словотворца:

⁴² *Сталин И.В.* Политический отчет Центрального комитета XVI съезду партии // *Сталин И.В. Соч. Т. 12.* М.: Гос. изд-во политической литературы, 1949. С. 367.

⁴³ Книга была закончена в 1932 г.; издана посмертно (М.; Л.: ГИХЛ, 1934).

Не в одних гиперболах М<аяковский> скликается с Г<оголем>: в приподыжании звуков слов, недоосознанных Гоголем до конца, футуристы с Хлебниковым отбросили деление на архаизмы и неологизмы: вправе творить свое слово, которое – нерв языка, из него не выкляещиваемый критиком-нерводером <...>⁴⁵.

К наследникам Гоголя причислит Белый и пролетарских писателей: «Фраза Гоголя начинает период, плоды которого срываем и мы: и в Маяковском, и в Хлебникове, и в пролетарских поэтах и беллетристах»⁴⁶.

Ну и, конечно, – себя самого, издавна развивавшего в литературе гоголевскую традицию⁴⁷. В предисловии к «Маскам» Гоголь не упомянут, но заявлено право автора, то есть самого Белого, создавать «в условиях диктатуры пролетариата» не просто произведения «народные по форме», но «типовизировать, отбирать слова по линии максимального насыщения», давать «квинтэссенцию» народной речи:

<...> считаю нужным сказать два слова о сознательно введенных словечках; мне говорят: «Так не говорят». И я согласен, например, что крестьяне не говорят, как мои крестьяне; но это потому, что я сознательно насыщаю их речь, даю квинтэссенцию речи; не говоря в целом, но все элементы народного языка существуют, не выдуманы, а взяты из поговорок, побасенок⁴⁸.

Из последнего тезиса вступительной речи Белого следует, что его творческий метод санкционирован и Гоголем, и Маяковским, и пролетарскими поэтами, и самим «т. Сталиным».

* * *

Итак, поданная на утверждение органам политконтроля Программа вечера Андрея Белого составлена по всем правилам советской сервильности. Она была утверждена, и вечер состоялся. Однако не факт, что Белый в своем выступлении пунктуально придерживался всех пунктов Программы, раскрывал их в том ракурсе, в каком представил литературному начальству.

⁴⁴ Белый А. Мастерство Гоголя / общ. ред., сост., послесл. и comment. Л.А. Сугай. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2013. С. 341.

⁴⁵ Там же. С. 340.

⁴⁶ Там же. С. 10.

⁴⁷ Там же. С. 325–336.

⁴⁸ Белый А. Маски. С. 11.

Несомненно, он читал отрывки из воспоминаний о Жоресе и из «Масок», отобрав тексты по принципу «понятное» / «непонятное», ««благородная» халтура»⁴⁹ / «художественное творчество». Согласно мемуарам П.Н. Зайцева, большую часть вечера «Борис Николаевич беседовал с публикой о непонятности «Масок»⁵⁰. О том же свидетельствует «Письмо колхозницы»:

<...> вышел на сцену простой человек, стал говорить (голосом очень не сильным – горло болит) нам о книгах своих, об особенной созданной им «непонятности». И тут же проза его и стихи (как сам окрестил он, «ни то, ни другое») делались очень понятными⁵¹.

И о том же написал в «Вечерней Москве» А. Кут:

Чтению своих вещей А. Белый предпослал несколько замечаний об особенностях своих произведений. <...> Трудности чтения своих вещей А. Белый объясняет исключительно экспериментальными задачами, который он ставит перед собой: он старается вложить в книгу интонации и жесты. Отсюда весь этот пестрый узор страниц его произведений, все отступления от обычных типографских канонов, иная, чем обычно, расстановка слов и т. п. Поэт просит читать его прозу не глазами, как обычно, а произношением⁵².

Ни в одном из свидетельств нет ни слова про политграмоту, писательскую мобилизацию, производственные станки и прочие «знаки» эпохи. Нет упоминаний про цитирование Сталина и других персон-оберегов, присутствующих в тезисах Программы. Скорее всего, Белый, получив с помощью Программы доступ к аудитории Политехнического музея, выйдя на эстраду, все эти «знаки» отбросил и заговорил о том, о чем и хотел всегда говорить – об особенностях своего творчества вообще и прежде всего, об особенностях последнего романа.

За судьбу этого своего любимого детища Белый очень волновался еще на стадии издательской подготовки. П.Н. Зайцев описал, как он обрадовался, узнав, что роман пропущен политредактурой:

- А что, П.Н., о «Москве» ничего не известно?
- Известно, Бор. Ник., прошла

⁴⁹ Зайцев П.Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 173.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Андрей Белый: pro et contra... С. 26–27.

⁵² Вечерняя Москва. 1933. № 36 (2766). 13 февр. С. 3.

— Прошла! Серьезно? Ну, поздравьте меня, П.Н. Вы меня очень обрадовали. Я не очень узнавал. Не хотел верить, что она пройдет. Я знаю, что так лучше: не настраивать себя на хорошее. Но теперь я могу Вам сказать, что я рад, очень рад. Клавдия Николаевна, — обратился он к вошедшей Кл. Ник., — а Вы знаете, «Москва» прошла⁵³.

Тогда же Белый поделился с Зайцевым уверенностью в том, что с советской властью возможно вести игру и даже выиграть, сумев — при всех идеологических маневрах — донести до читателя свое слово: «Я в “Масках” играл с ВКП(б) сложную партию игры. И эту партию я выиграл!» (см.: [Спивак 2020, с. 231]).

Судя по всему, эту стратегию «сложной партии игры» Белый реализовывал и при подготовке выступлении на вечере 11 февраля 1933 г. в Политехническом музее, не теряя себя и одновременно символизируя свою причастность советской литературе.

Литература

Лавров 1995 — *Лавров А.В.* Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М.: Новое литературное обозрение, 1995. 335 с.

Лавров 1997 — *Лавров А.В.* Андрей Белый: Разыскания и этюды. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 520 с.

Одесский 2018 — *Одесский М.П.* «Мимесис со-зерцания» и «мимесис со-участия» в истории русской драмы XVII–XXI вв. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 296 с.

Спивак 2020 — *Спивак М.Л.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2020. 610 с.

References

Lavrov, A.V. (1995), *Andrei Belyi v 1900-e gody: Zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'* [Andrey Bely in the 1900s. Life and literary activity], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Lavrov, A.V. (1997), *Andrei Belyi: Razyskaniya i etyudy* [Andrey Bely. Investigations and studies], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Odesskii, M.P. (2018), “*Mimesis so-zertsaniya*” i “*mimesis so-uchastiya*” v istorii russkoi dramy XVII–XXI vv. [“Mimesis of contemplation” and “mimesis of implication” in the history of Russian drama of the 17th – 21st centuries], Nestor-Istoriya, Moscow, Saint Peterburg, Russia.

Spivak, M.L. (2020), *Andrei Belyi – mistik i sovetskii pisatel'* [Andrey Bely – a mystic and a Soviet writer], RGGU, Moscow, Russia.

⁵³ Зайцев П.Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 156.

Информация об авторе

Моника Л. Спивак, доктор филологических наук, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1; monika_spivak@mail.ru

Information about the author

Monika L. Spivak, Dr. of Sci. (Philology), Institute of World Literature, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 25A, Povarskaya St., Moscow, Russia, 121069; monika_spivak@mail.ru

УДК 82(470)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-163-173

Юрий Казаков как сценарист: рассказ «Манька» и одноименный авторский сценарий

Галина В. Зыкова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; gzykova@mail.ru*

Юнь Лю

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; liyun0209@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет обнаруженный в фонде «Мосфильма» (РГАЛИ) неизвестный сценарий Ю.П. Казакова «Манька» (1959), версию известного рассказа, – первый опыт писателя в жанре сценария и, видимо, один из немногих у Казакова полностью самостоятельных сценариев. Наблюдения над стилем сценария, отличным от стиля одноименного рассказа (в сценарии находим обилие тропов, большее количество описаний разного рода, иной ритм) позволяют прийти к выводу, что форма сценария, видимо, воспринималась тогда молодым автором как особая художественная возможность, альтернатива рассказу.

Известно, что «Мосфильм» потребовал от Казакова внести в сценарий изменения и в итоге все-таки отказался от съемок фильма; в статье приводится текст официального письма Казакову, где ясно указываются причины отклонения сценария: изображение любви как «чисто биологического процесса». В статье показано, что именно в сценарии могло восприниматься как выходящее за рамки возможного в советском кинематографе.

Ключевые слова: Юрий Казаков; рассказ «Манька»; сценарий «Манька»; экранизация; Мосфильм

Для цитирования: Зыкова Г.В., Юнь Лю. Юрий Казаков как сценарист: рассказ «Манька» и одноименный авторский сценарий // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 9. С. 163–173. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-163-173

Yuri Kazakov as a screenwriter: the story “Man’ka” and its screenplay adaptation

Galina V. Zykova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,

gzykova@mail.ru

Yun Liu

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,

liuyun0209@gmail.com

Abstract. The article presents Yu. Kazakov’s unknown script “Man’ka” (1959), discovered in the papers of Mosfilm in Russian State Archive of Literature and Arts. It is a version of a well-known story, the writer’s first attempt in the screenplay genre and, apparently, one of the few completely independent scripts Kazakov has done. Observations on the style of the script, which differs from the style of the story of the same name (in the script we find abundance of tropes, a larger number of descriptions of various kinds, a different rhythm) allow to conclude that the form of the script was seemingly perceived by the young author at that time as a special artistic opportunity, an alternative to the story.

It is known that Mosfilm demanded that Kazakov make changes to the script and eventually refused to shoot the film; the article provides the text of an official letter to Kazakov, which clearly states the reasons for rejecting the script: the depiction of love as a “purely biological process”. The article shows exactly what in the script could be perceived as beyond the scope of what was permissible in Soviet cinema.

Keywords: Yuri Kazakov; short story “Man’ka”; script “Man’ka”; screen adaptation; Mosfilm

For citation: Zykova, G.V. and Yun, Liu (2025), “Yuri Kazakov as a screenwriter: the story ‘Man’ka’ and its screenplay adaptation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 163–173, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-163-173

Замечательный прозаик Ю.П. Казаков в 1979 г. сказал в интервью, что если бы не было рассказа, то сценарий для него был бы лучшим способом выражения. Однако исследований о сценариях в творчестве Казакова практически нет; отмечалась, впрочем, кинематографичность прозы как особенность ее поэтики [Савина 1998; Иванов 2002; Егнинова 2006], отчасти объясняющая появление значительного количества экranизаций и сценических адаптаций:

«небольшой состав действующих лиц, лаконично скомпонованное действие, особый отбор и усиленная концентрация изобразительных средств» [Саввина 1998, с. 29], «элементы монтажного построения», в частности, в рассказе «Голубое и зеленое» [Егнинова 2006, с. 110].

До сих пор не обнаружен и, возможно, не сохранился (а может, и не фиксировался письменно) сценарий фильма «Голубое и зеленое» (1970), в титрах которого Казаков обозначен как единственный сценарист. В титрах экранизаций других его произведений – «Король манежа» (1969), «Великий самоед» (1982) – Казаков как сценарист указан вместе с соавторами, и степень его действительного участия в работе неизвестна¹.

Единственный сценарий, о котором Казаков прямо свидетельствует как о собственном произведении от начала до конца, – это первая попытка обращения писателя к жанру, адаптация рассказа «Манька» (опубликованного в 1958 г.). Сценарий «Маньки» – единственный, который при жизни Казакова не удалось реализовать на экране, несмотря на упорные попытки автора этого добиться (см., например: [Конецкий 1987, с. 476]).

История появления идеи сценария и дальнейшие мытарства его автора известны. В 1958 г. Казакова попросил адаптировать рассказ для экрана студент ВГИКа Ю.А. Файт, который хотел снять фильм «Манька» в качестве дипломной работы. По требованию «Мосфильма» Казаков переделывал сценарий, о чем в январе 1960 г. он закончил вторую версию сценария, о чем упоминал в письме Паустовскому: «...на днях сдам на “Мосфильм”, а потом начнутся настоящие муки, я думаю – переделки всякие, придиরки»². Окончательный отказ снимать фильм по его сценарию Казаков получил в апреле 1960 г. Процитируем не опубликовавшееся ранее письмо:

К большому сожалению, критические замечания и творческие пожелания, высказанные на обсуждении первого варианта в редакторском отделе и в беседах с т.т. М. Роммом, С. Антоновым и И. Маневичем, в основном остались невыполнеными Вами и во втором варианте.

Сейчас, как и прежде, история взаимоотношений Маньки и Перифilia решается как процесс чисто биологический...³

¹ Заметим, что в фонде Казакова в РГАЛИ сохранилась беловая машинопись фрагмента сценария по рассказу «Тедди» (финальное название экранизации – «Король манежа»); архивисты атрибутировали ее самому писателю (ф. 3572, оп. 1, ед. хр. 18).

² Казаков Ю.П. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М., 2011. С. 341.

³ РГАЛИ. Ф. 3572. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 4: Письмо Ю.П. Казакову от киностудии «Мосфильм» // Письма и телеграмма издательств «Накадули»

До недавнего времени текст сценария Казакова никогда не цитировался, не обсуждался и, видимо, считался потерянным. В 2022 г. Дмитрий Шеваров, автор нескольких глубоких работ о Казакове, напечатал заметку, где, не указывая деталей, сообщил, что Юрий Файт нашел сценарий «Маньки» в РГАЛИ⁴; Шеваров привел небольшой фрагмент и очень высоко оценил текст:

Прочитав сценарий «Манька», я вдруг увидел, что это не... сценарий. Во всяком случае – не только сценарий. Юрий Павлович Казаков написал на сюжет «Маньки» новый рассказ!.. тот очень редкий случай, когда киносценарий в художественном отношении превосходит свой первоисточник.

Прочитав эту заметку, мы стали искать сценарий в РГАЛИ сами и нашли его в фонде «Мосфильма»: это машинопись, занимающая 34 страницы (т. е. она существенно больше рассказа) и датированная 1959 г.⁵ Текст назван «литературным сценарием»: это жанровое определение допускает относительную свободу, автор имеет право не ограничиваться только указаниями для оператора.

Понятно, что неизвестный текст большого писателя представляет ценность сам по себе; его публикация представляется необходимой, но здесь решение, разумеется, за правообладателями. Мы же ограничимся попыткой описать, во-первых, то, как развивается у Казакова замысел в условиях другой жанровой формы; сравнение текстов рассказа и сценария позволяет понять, в чем писатель видел специфику сценария как формы, альтернативной рассказу. Кроме того, обнаружившийся сценарий позволяет оценить причины претензий «Мосфильма», понять, почему сюжет, оказавшийся с точки зрения редактора и цензора

(Тбилиси), «Литература артистикэ» (Кишинёв), журнала «Наш современник», Правления СП РСФСР, киностудии «Мосфильм», Ярославской областной филармонии и др. Ю.П. Казакову об издании его произведений, с приглашениями принять участие в заседаниях и др.

⁴ Шеваров Д.Г. Юрий Казаков и нереализованный сценарий // Российская газета. 2022. 3 авг. № 170. URL: <https://rg.ru/2022/08/03/iurij-iulik-i-manka.html> (дата обращения 25.04.2025).

⁵ РГАЛИ. Ф. 2453 (Мосфильм). Оп. 4. Ед. хр. 1231. 35 л.: Казаков Ю.П. Манька: Литературный сценарий короткометражного фильма.

⁶ Заметим, однако, что – хотя «Маньку» Казакову удалось напечатать в том же 1958 г., в котором она была написана, – все-таки некоторые трудности с ее публикацией были: первоначально рассказ был отдан в журнал «Знамя», а в письме Конецкому от 15 апреля Казаков жаловался, что

приемлемым для рассказа⁶, оказался неподцензурным при расчете на другую, потенциально более широкую, чем у художественной прозы, аудиторию.

То, что сюжет рассказа и его героиня не отпускали Казакова и после публикации текста, вне зависимости от заказа Файта, видно по дневниковым записям его очередной поездки на Север летом 1958 г. и по письмам этого времени.

Так, в сценарии (в отличие от рассказа) первое появление Маньки происходит на судне, идущем в Золотицу. Здесь, возможно, отразились впечатления от встречи с незнакомой девушкой на пароходе, шедшем из Архангельска через Золотицу в Мезень; в сентябре 1958 г. Казаков писал об этой встрече Т.А. Жирмунской:

...<Н>а пароходе ехала девушка одна, я заметил ее еще в Архангельске <...> такие глаза, как у нее, – редкость великая, даже трудно подыскать определение: ленивые, странные, сумрачные, загадочные... все не то! Они такого, знаешь, лиловатого цвета, с темными длинными ресницами, м. б., тут ресницы играют роль, черт ее знает <...> сумрачная загадочность, как, м. б., у Маньки моей, я примерно такими воображал глаза Маньки, только зелеными, а у этой – фиолетовые⁷.

В сценарии Казаков передает чувства, которые он испытал при встрече с девушкой и описал Жирмунской, новому персонажу – капитану мотодоры, а портретная деталь – глаза героини – станет в сценарии еще более важной, чем в рассказе:

Она не любит спрашивать вслух. Спрашивает она глазами. <...> Лицо ее тонко и крошечно. Хотя оно только кажется таким из-за огромных ее глаз. А глаза эти ленивы. <...> Зря я ее взял, пусть бы шла себе... Глаза у нее невероятные⁸.

Из дневниковых записей в сценарий переходят описания пейзажа:

редактор С.Д. Разумовская «очень сомневается в его опубликовании. Тут уж я струхнул по-настоящему, т. е. прямо ужаснулся. Если “Манька” вызывает такое к себе отношение при той оптимистичности, которая в ней заключена, то что ж дальше-то? Чего им надо? И чего дальше писать, в каком духе?» [Конецкий 1987, с. 453]. Журнал «Знамя» действительно отказал, но рассказ взял журнал «Крестьянка».

⁷ Казаков Ю.П. Собрание сочинений. Т. 3. С. 374.

⁸ Казаков Ю.П. Манька: Литературный сценарий короткометражного фильма. С. 2, 5, 8.

Один раз, когда я отдыхал, мне показалось краем глаза, что к берегу бегут не волны, а мчатся люди в карбасах и поют гимн (шум моря), бесконечные полчища людей в карбасах, поющие гимн (18 сентября 1958 г.)⁹.

Такой же гимн, который символизирует гармонию природы и человека, слушает Манька:

Берег моря. Идет по нему Манька. Волны накатываются ей под ноги, будто поют непрерывную песнь, будто тысячи карбасов набегают на берег – карбасов, полных людьми, поющими гимн. Или будто окликают ее по имени¹⁰.

Заметим, что здесь, как и во многих других эпизодах нового текста, Казаков решает скорее собственно художественную задачу развития замысла, *литературного* изображения мира, а не задачу экранизации: такой троп (волны как карбасы) вряд ли возможно передать на экране, в качестве указания режиссеру или оператору это воспринять трудно. Возможно, такое уклонение от собственно сценарных технических задач, а не только «несоветская» эротичность, повлияли на решение «Мосфильма» отказаться от работы с Казаковым.

Тропов, для которых трудно найти соответствия на языке кино, в сценарии вообще появляется много, их больше, чем в тексте рассказа:

маленькие березы, странно похожие на яблони¹¹;

Широко расставленные крепкие ноги в броднях. Как столбы, на которых держится небо (5);

Как будто ресницы у нее тяжелые, из меди выкованы (7);

насупленный берег (8);

Лицо его хищно и радостно. Чем-то напоминает он ястреба на копне в поле... (9);

Голос ее долг, низок, слегка хриповат от ветра. Это как потрескавшиеся юные губы (9);

...неся письма, как милые крики друзей (12);

Деревня спит, устали люди, полегли. И как их сны, глубоки тени от бань... (13);

⁹ Казаков Ю.П. Собрание сочинений. Т. 3. С. 297.

¹⁰ Казаков Ю.П. Манька: Литературный сценарий короткометражного фильма. С. 11.

¹¹ Там же. С. 1. Далее в круглых скобках указывается страница сценария.

Тлеет за окошками белая ночь (18);

Как падающая звезда, проходит северное лето (18);

Теперь там молча и страшно двигаются столбы северного сияния.

Это всегда к перемене погоды – уверяют старые рыбаки. Сияние не вошло еще в полную свою силу, слишком рано для него. Пока оно похоже на свет прожекторов во время салюта. Такие же столбы света. И так же бродят, перемещаются, отыскивая что-то в холодном темном небе (24);

В мутную мглу быстро, как рыба, опускается вторая фигура (28);

Идет какой-то лесовоз. Может быть, аргентинский. А может быть, местный мотобот. Или зверобойная шкуна (24).

Предполагаемые собственно технические задачи сценария – необходимость превратить повествование в последовательность отдельных кадров – повлияла на синтаксис (например, появление большого количества назывных предложений), средний размер фразы, употребление глаголов настоящего времени, разделение на абзацы, – то есть на *ритм* прозы Казакова, который и им самим, и его читателями всегда воспринимался как важнейший уровень текста.

Иногда воображаемая смена кадров и планов прямо предполагается текстом сценария:

Мотобот подходит к тоне Воронье. Насупленный берег, высокие скалы. Внизу у самой воды избушка. Идет из трубы легкий дымок. На вешалах сушатся сети. Два карбаса на берегу. И в море – две ловушки, два семужных тайника (8).

Но нередко членение текста не подчиняется только техническим сценарным задачам:

Все выше поднимается он в скалы. И вместе с ним поднимается море. И вот он на самом верху, выше него только птицы, только небо. Обрываются вниз скалы. Лепятся по уступам крохотные искривленные березки. Крошечен внизу дом, крохотны карбасы на берегу. Огромно, пустынно море, а горизонт его, отодвинувшийся, наверно, на сотню километров, дрожит в мареве воздушных течений (10–11).

Можно предположить, что язык сценария, предлагающего визуализацию всего происходящего, начинает пониматься у Казакова как более экспрессивный, по сравнению с повествованием в традиционных литературных жанрах, – а сама форма сценария как пространство художественного эксперимента, как дополнительная возможность выбора.

В сценарии «Маньки» больше, чем в рассказе, обращений не только к видимому, но и к воспринимаемому другими органами чувств, к тому, чего нельзя передать на экране, например, к запахам: «Водоросли крепко пахнут. Всё пахнет морем при свежем ветре» (1). Развиваясь в сценарии, сюжет рассказа о зарождении любви, о превращении девочки в женщину превращается в сюжет о чувственном восприятии мира. Это предполагает, в частности, появление в сценарии новых, по сравнению с рассказом, деталей.

В рассказе история любви Перфилия и второстепенной героини Ленки представлена в двух фразах, охватывающих события нескольких месяцев. В сценарии этим фразам соответствуют три отдельных эпизода:

— А тебе опять записка, — говорит ему Манька. <...>

...сейчас будет читать, что написала Ленка. Он полезет для этого в скалы: там хорошо читать и думать, глядя вниз на море. <...>

«Золотой мой, желанный... Не могу я больше, невтерпеж мне!

Приеду сегодня вечером с доркой. Люблю тебя, будем опять ночью зубаток бить. Зацелую тебя насмерть!» (10–11)

Сцена свидания Перфилия и Ленки в море, совмещающая описание любви и охоты с острогой, так подробна, дана с таким эмоциональным напором, что претендует, видимо, на роль кульминации (одной из двух в сценарии):

Длинный, длинный день наконец кончился, и вот пришла белая ночь. Но ее просто так называют – белая ночь – на самом деле она розовая, золотистая ночь. И опять тоня Воронья – всё то же, только темнее, неподвижнее скалы, только уснули птицы на камнях, уснули рыбаки в избе, только серебристее высочайшие, нежнейшие облака. Белая ночь...

Море спит. Море покрылось воспоминаниями – не туманом, нет! – не мраком, а духом: густым спокойным воздухом. Море не шелохнется, и волны не накатываются на берег, а простираются. Поднимется вода, с тихим шепотом надвинется на песок, побудет секунду в полном покое и отойдет. Это как вздох, как улыбка солнного.

Время отлива. Камни высоко выступили над водой. А вода чиста и светла. Она светится изнутри. Наверное, солнце, стоящее за горизонтом, стерегущее кого-то, просвещивает насквозь выпуклую громаду моря. И вот оно светится, даже здесь у берега, у камней.

И плывет среди камней баркас. Сидит на веслах Ленка – вся животворящая, как весенняя дурманящая земля. Кругла она и тонка в талии, грудь ее туга и остра, губы вспухли от поцелуев, глаза провалились, окружены темным сиянием блаженной усталости

Неслышно опускает она весла в воду, неслышно вынимает, держит на весу. С лопастей весел капает, а на шелковой воде появляются воронки.

На носу карбаса на одном колене стоит Перфилий с острогой в руке. Он смотрит на воду. Хищность и трепет на его лице. Губы его потрескались.

И вот он предостерегающе поднимает левую руку. Ленка замирает, раскрыв рот, ждет. Как древняя женщина на древнего охотника, смотрит она на Перфилия. Перфилий, подавшись вперед, медленно отводит назад острогу, бьет в глубину и тотчас тащит вверх уже не пустую острогу, а вздрагивающую, живую. И вот фонтан брызг, плеск в тишине – бьется на остроге большая зубатка, похожая на тритона без лап.

Перфилий поворачивается, стряхивает ее на дно карбаса к другим таким же зубаткам, и те, молчавшие минуту назад, все начинают живуче биться, извиваясь, шлепая мокрыми хвостами, хватая друг друга зубами.

Ленка смеется. У нее хриплый первобытный смех. Перфилий кладет острогу, перебирается на корму. Ленка откидывается, стонет. Перфилий жадно хватает ее, перегибает навзничь через борт, наваливается... «Утопиши, дурной!» – хочет сказать Ленка, но уж губы с губами и получается:

– Утопифф, дуффной... (12–13).

В третьем эпизоде повествовательная перспектива возвращается от Перфилия к Маньке. Манька оказывается случайным свидетелем любовного свидания, и это помогает ей понять собственные чувства. В рассказе важная сцена, которая продвигает главный сюжет, – это особенный сон Маньки («...Под утро ей приснился вдруг Перфилий. Ярок, необычен и стыден был этот предрассветный сон...»¹²); в сценарии упоминание о сне заменяется событиями, происходящими наяву:

И вот Манька слышит внизу. Она ничего не видит, не смеет, только слышит внизу:

– Пусти! Ах! Пусти, пусти!.. – просит Ленка. Но так просит, будто говорит: «Ах, поцелуй же меня!»

– Тихо ты!.. – бормочет Перфилий.

– М-м... – говорит что-то Ленка с закрытым ртом. Слышен звук поцелуя. Что-то мягкое бьется о стену избы. Ленка стонет. И опять поцелуй.

¹² Казаков Ю.П. Манька // Казаков Ю.П. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. М., 2008. С. 82.

— Уймись же! — просит Ленка. — Услышат... Манька услышит. Ой, что это ты!..

— Спит... спит... спит Манька, — говорит чем-то занятый Перфилий. Он так это говорит, как будто трудное что-то делает и о Маньке не думает, ни о чём не думает, только о том, что делает сейчас.

А внизу бьются двое, насмерть бьются, крепко, сильно — руки у них мощные, ноги мощные, шеи мощные, тела тугие, сильные, гибкие — трудно одолеть им друг друга (14–15).

Такая эротичность выходила за пределы возможного в советском кино этого времени.

«Манька» все же была экранизирована, но только в 1984 г., уже после смерти писателя (в выходных данных названы и «Мосфильм», и «Ленфильм»). В качестве сценариста была указана Елена Райская, однако версия Казакова, как можно заметить по отдельным эпизодам (например, по сцене свидания, свидетельницей которого оказывается главная героиня), была все же отчасти учтена. Показан публике фильм был, однако, только в 1988 г., когда стали меняться представления о допустимом на экране (как раз в этом году был снят знаковый фильм «Маленькая Вера»).

Литература

- Егнинова 2006 – Егнинова Н.Е. Рассказы Ю.П. Казакова в контексте традиций русской орнаментальной прозы: Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ: Бурятский государственный ун-т, 2006. 174 с.
- Иванов 2002 – Иванов А.П. Поэтика рассказов Юрия Казакова: Дис. ... канд. филол. наук. М.: Литературный ин-т, 2002. 149 с.
- Конецкий 1987 – Конецкий В. О Юрии Казакове // Конецкий В. Ледовые брызги: Из дневников писателя. Л.: Советский писатель, 1987. С. 440–542.
- Саввина 1998 – Саввина Г.А. Эволюция образа автора в творчестве Ю. Казакова: Дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 1998. 245 с.

References

- Egninova, N.E. (2006), *Rasskazy Yu.P. Kazakova v kontekste traditsii russkoi ornamental'noi prozy* [Short stories by Yu.P. Kazakov in the context of the traditions of Russian ornamental prose], Ph.D. Thesis (Philology), Buryatskii gosudarstvennyi universitet, Ulan-Ude, Russia.
- Ivanov, A.P. (2002), *Poetika rasskazov Yurya Kazakova* [The poetics of Yuri Kazakov's short stories], Ph.D. Thesis (Philology), Literaturnyi institut, Moscow, Russia.

Konetskii, V.V. (1987), "About Yuri Kazakov", in Konetskii V. *Ledovye bryzgi: Iz dnevnikov pisatelya* [Ice spray. From the diaries of a writer], Sovetskii pisatel', Leningrad, USSR, pp. 440–542.

Savvina, G.A. (1998), *Evolyutsiya obrazov avtora v tvorchestve Yu. Kazakova* [The evolution of the author's image in Yu. Kazakov' work], Ph.D. Thesis (Philology), Astrakhan', Russia.

Информация об авторах

Галина В. Зыкова, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; gzykova@mail.ru

Юнь Лю, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; liuyun0209@gmail.com

Information about the authors

Galina V. Zykova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 51, bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; gzykova@mail.ru

Yun Liu, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 51, bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; liuyun0209@gmail.com

In Memoriam

Алексей Евгеньевич Писарев
(29.08.1979–01.03.2025)

1 марта 2025 г. скончался наш товарищ, коллега, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Средневековья и Нового времени Историко-архивного института РГГУ Алексей Евгеньевич Писарев. Всегда больно, когда уходят люди молодые, но еще больнее, когда навсегда расстаешься с человеком талантливым, который мог бы многое еще успеть написать, додумать, озвучить.

В 2001 г. А.Е. Писарев окончил факультет истории, политологии и права Московского государственного педагогического университета имени В.И. Ленина. Восемнадцать лет он занимался изучением московских стрельцов, и в 2017 г. в РГГУ защитил кандидатскую диссертацию на тему «Боеспособность московских стрельцов во второй половине XVII – начале XVIII в.», а в 2021 г. выпустил книгу по своим многолетним изысканиям – «Московские стрельцы второй половины XVII – начала XVIII в. “Из самопалов стрелять ловки”». Эта книга в деталях прослеживает развитие московского стрелецкого корпуса, чей поистине огромный боевой опыт стал достоянием всей русской пехоты Петра Великого. Все эти годы он занимался военно-исторической реконструкцией. Созданные его руками игрушечные солдаты разных эпох и сражений были абсолютными копиями настоящих комбатантов. В его коллекциях были викинги, стрельцы, князья, современные воины разных стран. Незадолго до смерти Писарев переключился на новую тематику, которая увлекла его большими исследовательскими возможностями. Он активно стал изучать советско-африканские контакты во второй половине XX в. Знакомился с участниками разных военно-политических миссий в Африке, хотел описать деятельность советских «прогрессоров» в Африке как один из важнейших феноменов советской истории. Планов было немало, но, как оказалось, не судьба...

Ниже публикуется очерк, который Писарев успел написать, хотя окончательную доработку провела его вдова, Дарья Александровна Радченко.

УДК 327(470+6)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-175-190

Советские «прогрессоры» в Африке: социально-культурные особенности работы и статуса

Алексей Е. Писарев

Аннотация. Статья посвящена вопросу статуса советских военных и гражданских советников и специалистов, выполнявших интернациональный долг в Африке в 70–80-х годах XX в. Особенное внимание уделяется нюансам статуса советских «прогрессоров» в советском обществе, советской политической структуре, социально-культурному и идеологическому обоснованию особенностей советского «прогрессорства».

Ключевые слова: советник, специалист, Ангола, Африка, прогрессор, советский, военный

Для цитирования: Писарев А.Е. Советские «прогрессоры» в Африке: социально-культурные особенности работы и статуса // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 9. С. 175–190. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-175-190

Soviet “progressors” in Africa. Socio-cultural characteristics of their work and status

Aleksei E. Pisarev

Abstract. The article deals with the issue of the status of Soviet military and civilian advisers and specialists who performed international duty in Africa in the 70s and 80s of the 20th century. Special attention is paid to the nuances of the status of Soviet “progressors” in Soviet society, the Soviet political structure, socio-cultural and ideological substantiation of the features of Soviet “progressivism”.

Keywords: advisor, specialist, Angola, Africa, progreditor, Soviet, military

For citation: Pisarev, A.E. (2025), “Soviet ‘progressors’ in Africa. Socio-cultural characteristics of their work and status”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 175–190, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-175-190

© Писарев А.Е., наследники, 2025

Советское присутствие в Африке – необычайно обширная и интересная тема исследования. В 60–80-х годах XX в. СССР попытался осуществить грандиозную мечту – помочь африканским народам, освободившимся от колониальной зависимости, преодолеть экономические и политические трудности и начать стоять общество, организованное на совершенно новых социальных принципах, кардинально отличающиеся от рабовладельческого и капиталистического. Это стремление к осуществлению мечты о мировом социализме сделало ряд африканских государств еще одной ареной противостояния СССР и Запада, возглавляемого США. На Черном континенте столкнулись два абсолютно разных мира, капиталистический и советский. Для советских людей, выполнивших интернациональный долг, Африка стала «окном» в западный мир и непростым испытанием на верность социалистическим идеям. Большинство исследователей склонны рассматривать только экономический и политический аспекты этого блока проблем, однако ряд вопросов, имеющих первостепенное значение для раскрытия темы, связаны с социально-культурными проблемами советского присутствия в Африке.

В этой связи одной из важнейших групп источников являются воспоминания (мемуары, материалы интервью, переписка и т. д.) советских людей, военных и гражданских – участников африканских командировок. Общеизвестно, «память – это способ конструирования людьми своего прошлого»¹. Человеческая память субъективна, так как «...человек сам по себе временное и конечное существо, живущее интересами и страстями мира, ему очень сложно занять позицию стороннего наблюдателя...»².

Воспоминания и т. п. источники не просто субъективны, но зачастую дают желаемую их авторами, а не действительную картину прошлого. Понять социально-культурные особенности конкретного общества и его отдельных представителей, выявить процессы развития основных идей, лежащих в основе такого общества на основании анализа таких источников является почти неразрешимой задачей. Но мемуары ветеранов африканских командировок, будучи субъективными по своей сути, едины в одном: их авторы – в большинстве случаев современники, представители одной цивилизации, одного культурного и идеологического про-

¹ Сафонова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020, 2022. С. 15.

² Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Регион Докса: Источниковедение культуры. М.: РГГУ, 2005. С. 48.

странства, иногда – представители одного поколения, участники одних и тех же событий. Им свойственны схожие оценки тех или иных событий, нюансы менталитета и т. д.

«Интернациональный долг»

В Конституции СССР 1936 г. и в Конституции СССР 1924 г. термина «интернациональный долг» и аналогичной статьи не было, он появился в советской политической риторике в 60-е годы, под влиянием почти повсеместной борьбы за независимость, охватившей африканские и азиатские колонии европейских государств. Тогда же было сформулировано, что «защита социализма – интернациональный долг коммунистов»³. Согласно Конституции СССР 1977 г., «Статья 69. Интернациональный долг гражданина СССР содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержанию и укреплению всеобщего мира»⁴. В статьях 28 и 30 специально подчеркивалось, что внешняя политика СССР направлена на «укрепление позиций мирового социализма, поддержку борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс», что «СССР, как составная часть мировой системы социализма, социалистического содружества развивает и укрепляет дружбу и сотрудничество, товарищескую взаимопомощь со странами социализма на основе принципа социалистического интернационализма».

Идея интернационализма – одна из основополагающих в коммунистической идеологии. Поддержка СССР государств и движений, исповедовавших сходные идеи, началась едва ли не одновременно с возникновением Союза и продолжалась до его распада. Советские военные и гражданские специалисты выполняли «интернациональный долг» в Испании, Монголии, Китае, Корее и т. д. задолго до появления «брежневской» конституции. Но именно с 1977 г. идея интернационализма, положенная в основу термина «интернациональный долг», стала обязательной для всех советских граждан, а не только для коммунистов. Получалось, что каждый советский гражданин, безотносительно, член партии или нет, был обязан, согласно конституции, выполнить «интернациональный долг» в объеме, который потребует партия.

Возможно, причиной этого стала непростая внешнеполитическая и идеологическая ситуация, в которой оказался Советский

³ Международное совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. М., 1969. С. 303.

⁴ Конституция СССР 1977 г. С. 336.

Союз в 70-е годы, когда потребовалась срочная поддержка многочисленных новообразованных «народных демократий» и социалистических стран. Потребовались не десятки и сотни, как ранее, а тысячи специалистов самого разного профиля. Государство в данном случае подчинялось партии и полностью подстраивалось под выполнение идеологической задачи, зачастую без учета реального соотношения собственных сил, количества ресурсов и заявленных целей.

Идея сделать всех граждан СССР интернационалистами-«прогрессорами» выглядит утопической, но полностью соответствует советской идеологии: «в новом мире героем мог стать каждый... в экстремальной ситуации любой советский человек вне зависимости от возраста становился им... Как пелось в популярной советской песне, “когда страна прикажет быть героем/у нас героям становится любой!”»⁵.

В.И. Ленин писал об интернационализме: «Интернационализм на деле только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы в своей стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) такой же борьбы, такой же линии, и только ее одной, во всех без исключения странах...»⁶. Однако Ленин нигде не уточнял, что интернационализм – это добровольное дело, или, наоборот, прямая обязанность революционера. В сочетании с другими постулатами ленинские слова могут быть истолкованы именно так: интернационализм – это долг каждого «солдата революции». Особенности воспитания советских людей («Партия сказала «надо!», комсомол ответил «Есть!», «Если завтра война...» и т. п.) сделали это правило законом. Отказаться, когда Родина просит, никому и в голову прийти не могло: «мне сказали главное, когда распределяли на португальский: молодой человек, скоро опять под знамена, и вперед, и с песней! Мне этого было достаточно...»⁷. А.С. Шлык, служивший в Анголе в 1979–1982 гг., отмечал: «особист задал главный вопрос: а как вы относитесь к тому, чтобы поработать с английским языком? Я подумал: что значит, как отношусь? Если это приказ, если Родине надо – значит, надо, выполним...»⁸.

⁵ Димке Д.В. Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов. М.: Common place, 2021. С. 44

⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31: Март – апрель 1917 г. М.: Политиздат, 1969. С. 170.

⁷ Кузнецова-Тимонова А.В. Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе, 1975–1992. Минск: Издательство «Белорусская наука», 2017. С. 80.

⁸ Там же. С. 121.

«Прогрессоры»

На протяжении трех десятилетий советские граждане, военные и гражданские, служили и работали на Черном континенте. Многие, особенно военные, сталкивались с множеством бытовых проблем. Такие вопросы, как удобное и комфортное жилье, организованное питание или обеспечение продуктами, медицинское сопровождение, транспорт, в воюющих странах – оружие и военная форма, возникали постоянно, вне зависимости от конкретной страны и цели командировки.

На первый взгляд, вызывает удивление, что советское государство не учитывало опыт своих граждан, попавших в африканские командировки в числе первых. Каждый новоприбывший попадал в одну и ту же ситуацию, решал примерно одни и те же проблемы, нарабатывал путем проб и ошибок один и тот же опыт. Получалось, что Советский Союз, который был способен вооружить, организовать и поддерживать в боеспособном состоянии целую армию независимого государства (яркий пример в Африке – Ангола), не мог обеспечить условия проживания и т. п. лучших представителей своего общества, направленных в Африку не просто выполнять технические функции, но живым примером убеждать «молодые народные демократии» в преимуществах социалистического государственного строительства? Такое предположение было бы, на первый взгляд, очевидным, но слишком поверхностным.

Бытовые трудности, с которыми сталкивались советские граждане в Африке, были частью общей советской парадигмы, в рамках которой советский человек понимался как строитель будущего, «прогрессор».

Применение данного термина по отношению к советским гражданам, выполнявшим интернациональный долг в Африке, в частности в Анголе, представляется уместным и обоснованным, так как советские граждане должны были не просто помогать африканцам осваивать технику и т. п., но на собственном примере – граждан «первого в мире социалистического государства» – убеждать своих подсоветных в преимуществе социализма. Советский человек нес двойную нагрузку: и как специалист по профилю, военному или гражданскому, и как политработник или агитатор. Тем более если этот гражданин был коммунистом – «солдатом партии» и военным, т. е. коммунистом вдвойне. «Для героических обществ и сообществ характерно, что все их члены рассматривают определенный образ жизни как идеальный и стремятся к его воплощению... Для таких обществ общее значение имеют практики, направленные на контроль личного самосовершенствования, на соответствие личности из-

бранному идеалу...»⁹. Советский гражданин, особенно – военный, которого государство отправило «выполнять интернациональный долг», таким образом, должен был стараться максимально соответствовать «идеалам строителя коммунизма». Н.Г. Ковтун, военный политработник, прямо писал: «Да, мы гордились своей страной. Это естественно – любить свой народ и землю, где ты родился. Это заложено в наших генах. У нас была одна национальность – советский человек. Я родом из Советского Союза, как и другие мои коллеги. Мы были патриотами, посланцами СССР в Анголе и с достоинством выполняли свой интернациональный долг и приказы начальства. Во многих случаях рискуя своей жизнью»¹⁰. Воплощением такого идеала являлись «красные» герои Гражданской войны и герои Великой Отечественной. Наряду с реальными героями (В.И. Чапаев, Г.И. Котовский, А. Пархоменко, Виктор Талалихин, Алексей Маресьев, Александр Матросов, Зоя Космодемьянская, пионеры-герои и т. д.) примером являлись не реальные, исторические, а литературные, т. е. абсолютно идеальные, герои, например, Павка Корчагин, летчик Мересьев и др.

Д. Димке замечала, что «христианин может восхищаться святыми, но не стремится повторить их жизненный путь (и при этом остается «добрый христианином»). Однако члены утопических сообществ стремились к тому, чтобы их жизненный путь соответствовал жизненному пути их героев. Их идеалы были образцами именно для подражания, а не для восхищения или сублимации. Утопическое зрение внутри утопических сообществ не исчезло, напротив, оно становилось конституирующей практикой. Зрение внутри такого сообщества становилось эквивалентно действию»¹¹. Важной особенностью этой идеологической конструкции было требование подражания жизни избранных героев. Как заметил один из советских ветеранов Анголы: «в СССР все мы были Павками Корчагиными...». В.К. Магонов, служивший в Анголе в 1975 г., в составе самой первой группы советских военных советников и специалистов, подчеркивал: «не потому, что сейчас мне хочется сказать высокие слова, а потому, что мы были так воспитаны, и все к этому готовились – что придется воевать...»¹².

Преодолевать бытовые трудности и рисковать жизнью и здоровьем, особенно в воюющей стране, советским гражданам при-

⁹ Димке Д.В. Указ. соч. С. 142, 144.

¹⁰ Ковтун Н.Г. Ангола в сердце моем: Путевые заметки-воспоминания советского военного советника. Киев, 2010. С. 173.

¹¹ Димке Д.В. Указ. соч. С. 144.

¹² Кузнецова-Тимонова А.В. Указ. соч. С. 62.

ходилось часто. Например, в Анголе, даже в столице можно было отравиться, заразиться малярией или стать жертвой нападения. А в провинциях, где шли боевые действия с унитовскими отрядами и юаровскими войсками, все было намного серьезнее.

А. Павлов, инженер Брянского автозавода, вспоминал, что в 1983 г. на юге Анголы «условия, в которых... жили, были более чем “спартанскими”. Спали в палатках, к отсутствию воды и нормальных бытовых условий добавлялись почти постоянные налеты южноафриканской авиации...»¹³. «Могу подтвердить, что условия, в которых находились наши военные и гражданские специалисты, были не просто походными, они были боевыми. Жили и в палатках, и в землянках, пищу, в основном консервы, готовили на открытом огне, ни телевидения, ни даже радио, кроме коротковолновых личных приемников, не было. Письма из дома – раз в три-четыре месяца. Связь с военной миссией – только по радиостанции...»¹⁴. Военный советник Д.И. Гуков, служивший в 1987–1988 гг. в г. Куито-Куанавале (Ангола), отмечал: «...нет никаких культурно развлекательных мероприятий, свет дают с 18 до 22 часов, нет телевизора, радио ничего не ловит. Круглый год в 6 утра рассвет и 18 часов уже темно, притом так темно, что не видно не зги. Везде темно кругом. Привезли один раз в месяц продукты, письма, газеты “Красная звезда”, “Правда”, “Известия” и “Коммунист вооруженных сил”, книг нет, еще 3–4 узкопленочных фильма, вот вам все развлечения. Вечерами эти 4 фильма раз посмотрели, а мы иногда 2–3 раза пересматривали эти фильмы. Иногда праздники местные, иногда наши, собирались с офицерами бригады, мы старались не напиваться, в любое время возможны нападения УНИТА». И.А. Ждаркин, военный переводчик, участник битвы за Куито-Куанавале в 1988 г., писал: «У некоторых людей нервы просто не выдерживали и немудрено: чужая страна, чужая обстановка, идет война, обстрелы – “25 часов в сутки”, как мы невесело шутили, ангольцам ставишь задачу – они ее могут и не выполнить, снабжение ужасное, письма из дома часто задерживались, в общем, всего хватало...»¹⁵.

При этом любая попытка уклонения от преодоления трудностей рассматривалась чуть ли не как предательство. Например, когда военные переводчики С. Коломнин и Ф. Жаворонков оформили себе и своим женам ангольские удостоверения личности, которые

¹³ Коломнин С.А. Русский спецназ в Африке. М.: Язуа: Эксмо, 2005. С. 222.

¹⁴ Там же. С. 223.

¹⁵ Ждаркин И.А. «Такого не было даже в Афгане»: Воспоминания участника войны в Анголе (1986–1988). М.: Memoris, 2008. С. 134.

советским гражданам обычно не выдавались, это было воспринято негативно. Ничего криминального в этих удостоверениях не было, но они официально удостоверяли должность и профессию предъявителя, что, по мнению советских политработников, нарушало правила секретности, и давали право пользования «специальными продовольственными магазинами для иностранных специалистов»: «слух о том, что переводчики ВВС и ПВО получили якобы “незаконно” какие-то “продовольственные карточки”, тут же распространялся по военной миссии “доброжелатель”. Главный военный советник на утренней разборке публично разоблачил старших лейтенантов С. Коломнина и Ф. Жаворонкова и приказал полковнику Савельеву пресечь незаконную деятельность “переводя ВВС”»¹⁶. Показательно, что «публично разоблачил» переводчиков не их непосредственный начальник, не политработник, а лично Главный военный советник, т. е. второй после посла, а для военных – первый советский начальник в Анголе. ГВС обладал широчайшими полномочиями и подчас неограниченной властью, мог своим приказом, вопреки постановлению ЦК КПСС, отправить советников и переводчиков участвовать в боевых операциях ангольской армии, мог отправить в СССР в 24 часа любого проштрафившегося советского военнослужащего и т. д. Поэтому сам факт такого пристального внимания ГВС к происшествию с переводчиками ВВС и ПВО очень показателен.

Таким образом, трудности, бытовые лишения, болезни, война в этой идеологической системе были необходимой, иногда – обязательной нормой. Советский «прогрессор» был обязан преодолевать трудности, добиваться успеха в борьбе, в том числе и с самим собой. Образы, на которые ориентировались все советские люди – герои Гражданской и Великой Отечественной – просто не давали возможности думать иначе.

От советских интернационалистов требовалось самопожертвование, выполнение задачи в любых условиях, зачастую – вопреки обстоятельствам, скромность, граничащая с аскетизмом, кристальная честность и т. д.: «Вы – коммунисты, должны честно выполнять интернациональный долг», т. е. «рекламировать» СССР и преимущества социалистического строя»¹⁷. Очень показательны стихи, написанные военным политработником Н.Г. Ковтуном в сентябре 1984 г., в разгар боев за г. Мавинга (Ангола): «Нам всем начертано пройти / Дорогой испытаний. / И ты мужайся, коль в пути / Вдруг нестерпимо станет... / Пусть сердце рвет на части

¹⁶ Коломнин С.А. Указ. соч. С. 145.

¹⁷ Там же. С. 101–102.

боль / Терпи и улыбайся. Какая-либо забота об условиях труда, не говоря уже о комфорте и т. п., в этой системе ценностей считалась неприличной, позорящей советского «прогрессора»: «Помнится, в начале 80-х при оформлении очередной “длительной зарубежной командировки” в “жаркую” (в прямом и переносном смысле) страну один из моих друзей попробовал поинтересоваться у кадровика 10-го Главного управления ГШ условиями контракта. “Какой контракт? Ты что, старлей, наемник, что ли? Е-дешь вы-пол-нять ин-тер-на-циональный долг. А при этом тебе государство еще и деньги платит. Понял?”. Таков был ответ»¹⁸.

В истории известны аналоги «прогрессорской» деятельности. Например, миссии католических монахов, рыцарских орденов и т. п. Но между миссионерами и советскими «прогрессорами» есть различия: первые главной целью считали распространение религии, а прочую деятельность полагали средством достижения главной цели; советские «прогрессоры» прежде всего выполняли свои профессиональные обязанности, а популяризация преимуществ социалистического строя была на втором месте, или осуществлялась параллельно; орденские братья – рыцари и монахи – были добровольцами, отказавшимися от мирской жизни ради служения Богу, а советских «прогрессоров» выбирало и направляло на службу государство, хотя формально они тоже были добровольцами.

Материальное и духовное

Для советского человека трудности службы за рубежом, риски «прогрессорства» были одновременно средством самореализации («закалить себя» и т. д.) и средством заработка: «...представилась возможность увидеть новую страну, узнать много интересного, удовлетворить свои романтические амбиции, да и значительно улучшить свое материальное положение, чтобы не жить от зарплаты до зарплаты. Чего греха таить, романтика романтикой, но в те годы некоторые уезжали в такие командировки, чтобы сменить место службы, а многие – за-ра-ба-ты-вать! Раз государство не могло обеспечить достойный уровень жизни своих защитников, то приходилось самим заботиться об этом. И ехали, как правило, добровольно»¹⁹.

Стоит отметить, что мотив заработка присутствует в большинстве мемуаров участников ангольских событий. Важно, что

¹⁸ Коломнин С.А. Указ. соч. С. 97.

¹⁹ Ковтун Н.Г. Указ. соч. С. 6–7.

практические все эти мемуары были написаны в 2010-е гг. или немного позднее, иногда – на основании дневниковых записей. Мемуары, изданные ранее, в 90-е годы или в начале 2000-х гг., таких сюжетов не содержат. Возможно, авторы пытались объяснять своим актуальным или предполагаемым читателям – представителям младших поколений – цели своего пребывания в Африке с помощью понятных образов, таких, как материальное благополучие. Тогда как мемуары, изданные в 1990–2000-х гг., ориентированы на поколения молодежи с еще советским воспитанием, и объясняют свои африканские командировки с помощью понятий «долг», «присяга», «Родина» и т. д.

Воспитание и образ мышления советского общества и его отдельных представителей ставили долг, в том числе и интернациональный, на первое место. Но это, как это не парадоксально, не являлось отрицанием материальных благ. Если советскому человеку выпадала возможность улучшить свое материальное положение, он этой возможностью, как правило, не пренебрегал. Материальные блага не были целью, но от них не отказывались. Несмотря на то что «денежное довольствие выплачивалось нашим военным советникам и специалистам по весьма оригинальной схеме. Мы ее называли: “Государство не обманешь...” Во-первых, никакой валюты на руки, хотя каждому командируемому военнослужащему назначался персональный валютный оклад... Во-вторых, если жена по каким-либо причинам осталась на родине – минус 20 процентов “валюты”! Почему? Никаких пайковых, льготных и т. д. Плюс из оклада, что был положен по месту службы в Союзе, выплачивали по возвращении только 60 процентов. Словом, сколько ни плюсуй, а все равно минус получается...»²⁰. Тем не менее сумма такого «минуса» был намного больше суммы, которую «прогрессор» мог заработать на родине.

Иногда уровень риска серьезно превышал размер оплаты труда, даже с учетом того, что советский офицер имел соответствующее воспитание, подготовку, и был морально готов к «трудностям и лишениям» африканской командировки: «как признался мне Саша Белов, капитан-пэвэошник, до этого служивший в каком-то Богом забытом маленьком гарнизоне в Сибири и оказавшийся в радиолокационной роте в Кувелае: «Здесь никаких чеков не захочешь, лишь бы поскорее вернуться»²¹.

Случалось, что советский «прогрессор» не получал за свой труд и риск вообще ничего. Например, инженер Брянского автоза-

²⁰ Коломнин С.А. Указ. соч. С. 89.

²¹ Там же. С. 223–224.

вода А. Павлов, специалист по самоходным шасси (база ракетного комплекса ПВО «ОСА АК»), проработавший в Анголе с 1983 по 1985 г. и неоднократно рисковавший жизнью во время налетов и обстрелов юаровской авиации и дальнобойной артиллерии, вспоминал: «я вернулся в СССР в 1985 г. На границе меня тщательно обыскивали, конфисковали фотопленку и взяли подпиську о неразглашении. Я вернулся обратно на завод, не имея ни справок о том, где я был, ни льгот»²². Нередко служба в Африке негативно сказывалась на здоровье, но это не предполагало никаких компенсаций: «Имеете ли Вы какие-либо награды за службу в Анголе? – Нет, никаких. – Расскажите немного о своей жизни после службы в Анголе. – Я вернулся оттуда с кучей проблем, и в первую очередь, со здоровьем. Заработал болезни. Гипертонию, появились первые признаки болезни Паркинсона, они и сейчас заметны. Переболел тропической малярией несколько раз»²³. Следует отметить, что в условиях африканской природы и войны проблемы со здоровьем случались и у абсолютно здоровых людей. Так, в 1987 г. Первая мотопехотная бригада ФАПЛА попала в окружение партизанских отрядов УНИТА в районе реки Лунге-Бунгу. Все возможности снабжения бригады, в том числе по воздуху, были отрезаны унитовцами, в бригаде начался голод, который отразился и на советских советниках: «советника командира бригады впоследствии эвакуировали в Москву по причине заболевания, возникшего на почве недоедания (у абсолютно здорового человека развился сахарный диабет. – А. П.), а все остальные были на грани истощения»²⁴. Никаких компенсаций за это не предусматривалось (стоит вспомнить литературный образец такой ситуации – Павку Корчагина, которому никаких компенсаций за ранения и болезни никто не выплачивал).

Стремление улучшить свое материальное положение не должно было стоять на первом месте в работе «прогрессора», но в жизни бывало по-разному. Некоторые доходили до откровенной крайности. В военной среде таких офицеров называли «стотысячники», т. е. люди, которые стремятся заработать сто тысяч чеков Внешпосылторга, в которых государство платило интернационалистам зарплату: «старались заработать как можно больше, экономя на всем: от средств гигиены до питания пусть даже за счет здоровья своего и здоровья своих близких находившихся в стране вместе с ними. Их со смехом, жалостью, а некоторые и с завистью называли

²² Павлов А. Русские «Осы» в Африке // Солдат удачи. 1995. № 9. С. 23.

²³ Кузнецова-Тимонова А.В. Указ. соч. С. 112.

²⁴ Бедяев А.Ю. Тайны спецслужб. М.: Вече, 2022. С. 404.

«стотысячники» – по величине вожделенной суммы заработка. Зачастую представителей этой породы скупцов эвакуировали в Союз с болезнями от недоедания, а то и с дистрофией» (Ангола, 1986 г.)²⁵. Военный переводчик И.А. Ждаркин вспоминал, как в Анголе в 1988 г. «встретил советник начальника политотдела округа. Совершенно уникальная фигура – про него можно рассказывать и рассказывать – мы его называли “из славной когорты стотысячников”. Поскольку за три года и четыре месяца пребывания в Анголе он с женой заработал больше ста тысяч чеков. Причем сам вместе с женой умудрялся жить в месяц на пять долларов. Ездил по ангольским складам, собирая там вонючую рыбу, консервы различные, в общем, кормился с этих складов»²⁶.

Разумеется, такое поведение среди советских граждан в Африке было редкостью, но, увы, встречалось на протяжении ряда лет, и не только в Анголе, и не только среди военных. Так, В.Г. Мантуленко и Т.Л. Мантуленко, работавшие преподавателями в Танзании в 1969–1973 гг., вспоминали, что «...семья из Орехово-Зуево жили в Мона-Гора, он – кандидат наук. Всем давали хорошие зарплаты, нормальное жилье. Тут нечего скрывать. А эти жили в одной комнате из пяти, остальное заколочено. Что приобретается, запирается в ящики. Пьют из консервных банок. Утираются какой-то тряпкой, вместо полотенца...»²⁷.

Важно понимать, что деятельность советских людей в Африке, и, в частности, военных советников и специалистов в Анголе, это процесс, растянувшийся на два десятилетия. За это время в Африке работали представители нескольких поколений советских людей. Можно предположить, что для первопроходцев, среди которых хватало участников Великой Отечественной войны, на первом месте были идеалы. Их наследники, поколение 60-х, отличались от них только тем, что не пережили «большую войну». А молодые советские люди 70-х годов были уже менее идеологизированы и несколько более нацелены на материальные блага. Но воспоминания ветеранов ангольских командировок говорят об обратном: молодежь была более романтически настроенной и идейной, нежели старшее поколение. Возможно, дело в том, что представители старшего поколения, при том, что были такими же советскими людьми с точно так же, если не сильнее, воспитанным

²⁵ Там же.

²⁶ Ждаркин И.А. Указ. соч. С. 92.

²⁷ Цветков Э.Г. Советские специалисты в Тропической Африке // Африка в судьбе России: Россия в судьбе Африки. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 418, 428.

чувством долга, воспринимали службу в Африке именно как службу, без ненужного риска, с возможностью хорошего продвижения или удачного завершения военной карьеры, а не как приключение или карьерный старт. Упоминавшийся выше Н.Г. Ковтун после завершения двухгодичной ангольской командировок «прибыл в политуправление Сухопутных войск, где начальник отдела кадров полковник Крондо предложил мне должность начальника политотдела отдельной инженерной бригады Приволжского военного округа под Куйбышевом (Самарой). Я отказался и сказал, что в спецкомандировку уезжал с Киевского военного округа и туда должен быть направлен. Крондо ответил, что в Киевском военном округе нет вакантных должностей в звании полковника (штатная категория советника начальника политотдела бригады – полковник). Я ответил, что согласен и на подполковничью должность. Так я получил направление в родной Киевский военный округ, в котором служил с октября 1961 г.»²⁸. А для молодежи это было именно приключение, тот самый «порыв», возможность совершить «поступок», чтобы, по выражению одного из героев А. Толстого, вырастить в себе «большого человека»: «во мне с детства присутствовал романтизм. Мне почему-то хотелось попасть на войну, быть в гуще таких событий...»²⁹.

Таким образом, трудности, опасности и риски, выпадавшие на долю советских военных и гражданских «прогрессоров» в Африке, были не просто обусловлены местными обстоятельствами (революции, гражданские войны, экономические кризисы и т. п.), но особенностью самого статуса советского «прогрессора». Такому «солдату партии» надлежало не просто трудиться на благо социалистической идеи, но трудиться, обязательно преодолевая указанные проблемы. Наградой за перенесенные тяготы была финансовая оплата, и, в большей степени – сам факт возможности работы за рубежом СССР, сам факт возможности быть «прогрессором».

«Прогрессоры» и советское общество

Преодоленные трудности и заработанные деньги резко повышали статус советского человека внутри советского общества. Такой человек мог с гордостью смотреть на соотечественников – он, так или иначе, часть своей жизни отдал борьбе за идею, он был «строителем социализма» не на словах, а на деле.

²⁸ Ковтун Н.Г. Указ. соч. С. 166.

²⁹ Кузнецова-Тимонова А.В. Указ. соч. С. 85.

Главным визуальным маркером успеха советского «прогрессора» логично было бы считать государственные награды. Уважение к орденам и медалям в советском обществе было большим и искренним, память Великой Отечественной войны была свежей. Но реалии африканских командировок были таковы, что решения о присвоении наград часто задерживались, пересматривались с понижением (медаль вместо ордена), принимались с оговоркой «без оглашения» и т. п. Поэтому для советских людей главным мерилом успеха «выездных» сограждан были материальные блага: «все респонденты в один голос утверждают, что оплата труда была достойная, экономить не приходилось, можно было жить вполне прилично и по возвращении в СССР купить что-то существенное. В.П. Сухов в интервью перечисляет, чем сумел обзавестись в Ярославле после полугода работы в Гвинее в 1962 г.: «...автомобиль “Москвич” я оплатил... пианино... и холодильник...»³⁰; «после полутора лет ангольской командировки (1979–1981 гг. – А. П.) мы сделались по тем временам вполне обеспеченными людьми. Наш курсовой старшина Славка Истратов захотел и купил себе “жигуль”, а остальные приобрели в “Березке” приличную аппаратуру и одежду...»³¹.

Военный переводчик В.М. Гущин писал: «Командировка в Анголу (1983–1984 гг. – А. П.) в финансовом плане была конфеткой... после двухгодичной командировки я смог без проблем купить машину ВАЗ-2106 и обставить не самой дешевой мебелью двухкомнатную квартиру. Кроме того, мы моим родителям и родителям жены финансово помогли...»³².

Отсутствие материального благополучия после «выполнения интернационального долга» воспринималось даже не негативно, а с большим удивлением. Так, прaporщик Н.Ф. Пестрецов, который в 1981 г. во время наступления войск ЮАР на юге Анголы у г. Онджиба попал в плен, потом – в тюрьму в Йоханнесбурге, и был обменян в 1982 г. на южноафриканского летчика, по возвращении на родину столкнулся именно с таким отношением к себе: «На все просьбы об улучшении жилищных условий ему отвечали: нет оснований, вы же не “афганец”, так и ждите в общем порядке. “Как же так? Я же тоже интернационалист, или что за долг я выполнял за тридевять земель?” – “Извините, никаких данных нет, где были и чем занимались, не знаем”. Сослуживцы невесело подтрунивали: за

³⁰ Цветков Э.Г. Указ. соч. С. 417.

³¹ Коломнин С.А. Указ. соч. С. 63.

³² Гущин В.М. Две командировки в Анголу: воспоминания военного переводчика. М.: Наш круг, 2022. С. 122.

бугром служил, а на квартиру не заработал?»³³. При этом просьба о предоставлении каких-либо льгот вызывала возмущение: «Много чего выслушал Николай Федорович от тылового подполковника. Начиная от обвинений в “борзости”, нарушении субординации и кончая пресловутым “я вас туда не посыпал”»³⁴. Такая просьба не просто нарушала некий сложившийся порядок вещей, она противоречила самому образу советского «прогрессора», для которого на первом месте должны были быть высшие идеалы, а материальные блага – на втором.

Фраза «мы вас туда не посыпали», ставшая широко известной в связи с проблемой ветеранов Афганистана, имеет именно такую трактовку: «прогрессор» был избран государством для выполнения государственной задачи, что само по себе знак высокого отличия для советского гражданина, особенно – для коммуниста; на выполнение задания партии и правительства согласился добровольно; за свою работу «прогрессор» получил денежное вознаграждение, как правило, значительно превышающее размеры заработка в Союзе. Трудности (болезни, война и т. д.) естественны для «прогрессора», особенно – для военного, поэтому о компенсациях, льготах и т. п. не может быть и речи.

Добровольное согласие в данном случае – это интересный нюанс советского менталитета. Теоретически, как указывалось выше, участие в интернациональной помощи СССР дружественным странам могло быть для коммуниста и советского гражданина только добровольным. Но на практике условия воспитания, идеология, патриотизм диктовали безоговорочное согласие с любым предложением или приказом партии и правительства. Соответственно, «добровольность», в случае травм, болезней, ранений или смерти, не давала права требовать компенсации от государства.

Заключение

Международная политическая ситуация 60–80-х годов, во время которой произошел окончательный распад колониальной системы, и многие бывшие колонии стали независимыми государствами, изменила формы взаимодействия СССР с «развивающимися» странами. Если ранее «интернациональный долг» выполняли тщательно отобранные добровольцы – члены партии и представители государственных структур, то теперь каждый советский гражданин

³³ Коломнин С.А. Указ. соч. С. 88.

³⁴ Там же. С. 90.

мог стать «прогрессором». Прежние квоты таких «солдат партии», рассчитанные на помощь и поддержку различных партизанских движений, не подходили для взаимодействия с целыми государствами и требовали серьезного увеличения численности личного состава.

Советские «прогрессоры» – это люди, избранные государством для работы по специальности в дружественных СССР странах или странах «народной демократии» и, одновременно, для продвижения и пропаганды преимуществ социалистического устройства государства и общества. Формально, «прогрессоры» были добровольцами, но фактически – «солдатами партии», выполнившими приказ. Особенностями труда «прогрессора» были бытовые, технические и т. п. трудности, риск потери здоровья или жизни, которых надлежало не избегать, а терпеть и преодолевать. Труд «прогрессора» хорошо оплачивался, но льготы, компенсации и т. п. зачастую не предусматривались, так как риски и трудности – неотъемлемая часть работы «прогрессора».

Советское общество относилось к «прогрессорам» положительно, даже с завистью. С одной стороны, весомым поводом для гордости было улучшенное материальное положение (по меркам советского общества, заработанные деньги были мерилом личного успеха «прогрессора»), с другой – реальное участие в «построении социализма в мире», причастность к «большому и нужному делу», сам статус избранных из общей массы. Тяжелый и опасный труд «прогрессора» был пропуском в элиту советского общества.

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология»
№ 9
2025

Дизайн обложки
E.B. Амосова

Корректор
П.М. Смоктунова

Компьютерная верстка
H.B. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ ФС77-74270 от 09.11.2018 г.
Периодичность 12 раз в год

Подписано в печать 22.10.2025
Выход в свет 29.10.2025
Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 11,5. Усл. печ. л. 12,0
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2250

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru